

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная поэзия и проза

ЛЮБОВЬ?
ОНА РАЗНАЯ...

МОССАЛИТ
2012

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

Издательский проект «Московский Дом»
Московского Салона Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Составители сборника
Ольга Грушевская
Ольга Моисеева

Предисловие
Ольга Грушевская

© Московский Салон Литераторов, 2012
© Авторы сборника, 2012

Вместо предисловия

На станции...

Вот ведь Бог решил развлечься – на минутку пересечь наши дороги на станции...

Хочешь, вместе придумаем ее название и место, где она расположена. В каком она измерении? Станция ведь – такая крохотная, время стоянки на ней – ограничено.

Интересно, как долго тут стоят поезда – есть ли расписание? А может быть, здесь нет времени, и ощущения – единственное, что самое ценное?

Интересно, кому предназначена эта точка пересечения – неслучайным случайностям или тем, у кого спецпропуска, например, с шестой группой крови и очищенной аурой?

«...Пересечь наши дороги на станции... сам придумай – какой, мне не хватает фантазии».

Но головой ты качаешь: «Нечего нам фантазировать, нет никакой станции, – говоришь: – Не придумывай! Нет готовых путей-дорог. Мы сами их строим-прокладываем».

Звучит так пафосно, как с экрана телевизора – передача о славных строителях-гастарбайтерах. Но мы-то знаем, что у них нет регистрации – скоро их депортируют, без права возвращения.

Вот и мы стоим на станции, у которой нет названия, и не знаем нашего времени.

«...На станции...»

Какой?

Сам придумай, у тебя - вся палитра фантазии.

Может... «ЛЮБОВЬ»?

Ольга Грушевская

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Алена Чубарова</i>	5
<i>Игорь Лукит</i>	13
<i>Мария Панфилова</i>	25
<i>Ирина Егорова</i>	36
<i>Надежда Гусева</i>	47
<i>Алексей Хазар</i>	57
<i>Ада Шмакова</i>	64

ПРОЗА

<i>БастЭт Нуар</i>	74
Короткие рассказы	74
Рассказы из цикла «Волшебный калейдоскоп»	82
<i>Ольга Моисеева</i>	91
Когда нельзя убить	92
<i>Игорь Бурдонов</i>	108
Сон	109
Мумия	117
Когда он влюбился	128
<i>Стефания Солис</i>	130
Миниатюры из циклов: «Любовь? Она разная...»	131
«I was born to love you, Baby!»	136
Скольжение	141
Лето в стуче капель	154
<i>Мария Сидлер</i>	162
Ната	162
<i>Мари Веглинская</i>	178
За что женщины Петра любят	179

ПОЭЗИЯ

Алёна Чубарова

Жизненная позиция: трагический оптимизм.

Как бы плохо ни было, знаю, что могло бы быть и хуже.

Как бы ни было хорошо, знаю, что может быть и лучше.

Часто говорю: «Спасибо!» Ещё чаще: «Пожалуйста!»

Не редко, но очень тихо: «Прости, Господи!»

Не часто, но очень громко: «А пропади всё пропадом!»

Умной себя не считаю, но есть улики.

Дурой себя не чувствую, но нет алиби.

Не умею делать того, что не нравится.

Не могу не делать того, что умею.

Эти два «не» и определили выбор пути.

Пишу стихи, прозу, эссе, пьесы. Ставлю спектакли.

На сцене чувствую себя как дома.

Дома говорят: «Семья не без урода».

В литературном пространстве ищу ответы на все вопросы.

Иногда – нахожу.

Невстречи на мосту

*...Из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.*

О. Манделштам

На Новом мосту я встретил...

Луи Арагон

1.

Прошли тут многие, но мало кто остался.
От времени стал старым Новый мост.
В воде извечно юной отражался
Герой, чей монолог предельно прост:

«Я – кто? Какой? Куда иду? Откуда?»
Здесь, на мосту, встречавшийся с собой,
ОН ждал не женщину – судьбу, точнее – чуда.
Стояли – многие, но ждал – один Герой.

От женщин ОН бежал, их пыл опасен,
Их нервность на мосту – излишний риск.
ОН в постоянстве был, как мост, прекрасен!
И непреклонен был, как обелиск.

Другие парами склонялись над водою,
Шептали непристойные слова
И сладкой занимались ерундою.
ОН ждал судьбу, которая права.

ОН ждал – как шёл, направленно и внятно;
ОН шёл – как ждал, не изменяя путь.
А мост под ним, вздыхая многократно,
Звал прыгнуть вниз, точнее – отдохнуть...

2.

ОНА же на мосту была впервые,
Шла подшофе, ещё не так стара;
Бросала взгляды, будто чаевые,
Надеялась, что всё вокруг – игра.

Закат включил багровую подсветку,
День утекал с рекой в проёме рук,
Бродяга под мостом нашёл монетку,
ОНА как будто остушилась вдруг...

И мост затих всей каменной душою.
Невстреча или встреча впереди?
Все звуки поглотились тишиною,
И только сердце падало в груди.

* * *

Удержаться на грани, на грани, на грани...
Или чуточку за... или капельку сквозь...
Если вместе нельзя и нельзя уже врозь –
Это игры с огнём среди стаи пираний,

Это танцы под куполом и на углях,
Это долгий пикник в центре минного поля,
Это... я к вам пишу, так куда уже боле...
Удержаться на вздох, удержаться на взмах...

Стать вселенной на время, где миг – это век;
В непрерывном падении – падать по кругу
И на каждом витке приближаться друг к другу
На глоток поцелуя, на выпавший снег.

Удержаться на грани, на грани, на гра...
На гранитных породах прошедших столетий,
Написать весь роман из одних междометий
И начать его вновь в понедельник с утра.

Вальс в ритме танго...
Глаза закрою...
Танго, в котором слова вместо счёта...
Просто:
любить – большая работа.

* * *

Скучаю трепетней, но – тише.
Морзянкой дождь стучит в окно,
По листьям яблонь и по крыше:
«Всё будет так, как суждено».

Ночные запахи и вкусы
Из сна перетекают в сад?..
Случайным жестом рвутся бусы,
И бусины – как... листопад.

Скучаю тише, но – смелее.
Сон в памяти, как влажный след
Того, что издали виднее,
И для чего названья нет.

* * *

Просыпаюсь, и первая мысль – о тебе.
Засыпаю, последняя – снова всё та же.
Но зачем же понадобилось судьбе
Всю свою невозможность поставить на стражу?

Оторвать! Оторваться! От боли уйти...
Или слёзы сквозь смех сделать смехом игристым,
Будто выпить вина в кабаке на пути
И плясать до рассвета в луче серебристом.

Утомить себя танцем, забыться без сил,
Чтобы мысль не успела прорваться в сознание,
Мысль о том, кто, наверное, тоже любил,
Но вполсилы, не слишком, вскользь,
вполукасанье.

И очнувшись, не думать и не вспоминать,
Снова в путь: к новым краскам и новым
портретам,
Чтобы только не знать, никогда не узнать,
Как в следах моих будешь искать ты приметы,

Как условленным стуком в полночную дверь
Постучишь... Только я далеко... Не открою.
Ты запишешь меня в счёт опасных потерь
И некстати помянешь Елену и Трою.

* * *

Волосы встречающих женщин целует в порывах ветер.
Целует забытый зонтик на дачной веранде дождь.
Целуют все океаны все берега на свете.
Лишь ты меня не целуешь.

Быть может, другую ждешь...

Целует листок на ветке летящую мимо птицу.
Край тюлевой занавески целует старый буфет.
Целует квадрат подушки всё, что кому-то снится.
Лишь ты меня не целуешь.

Меня просто рядом нет...

Цепочек металл целует шею мне и запястья.
Плечи целуют ткани кофточек и рубаш.
Целуют меня ночные предгрозовые страсти.
Лишь ты меня не целуешь.

Имя дрожит на губах...

Лишь ты меня не целуешь. Вечер. И воет ветер.
Лишь ты меня не целуешь. Ветер взрывает ночь.
Лишь ты меня не целуешь. Ты на другой планете,
Где спят и во сне смеются
все, кто не может помочь.

* * *

«Не женщина нужна – а только... друг?
Всё женское сотри покровом ночи».
И меркнет свет. Жить хочется... не очень.
И всё земное валится из рук.

Не женщина, нет, – спутник, змеелов...
На сердце холод камнем стопудовым.
Глаза погасли. Замолчало слово.
Весь миллион невысказанных слов!

Всё море нежности, изыди, уходи!
Слезами море хлещет из груди.

Не...

Не плыть, не ночевать на берегу,
Не уходить в далёкие кварталы.
Не уставать от солнца на бегу,
Не отдыхать в прохладе кинозала.

Не видеть дня в распахнутом окне,
Не слышать ночи в звуках еле слышных;
И не мечтать увидиться во сне,
В котором флюгера вращают крыши.

Счёт времени вести от слова «не...».
Пунктиром стрелки мечутся по кругу,
Как будто пальцы пишут на спине
Последнее послание друг другу.

Как будто жизнь по буковке ушла,
Не обещая даже, что вернётся.
Лишь на картине краешек весла,
Уткнувшись в море, влажным остаётся.

* * *

Такой простор, что время в нем
Как сахарная вата.
Ложится взгляд на водоём,
А тишина крылата.

Все мысли возле гибких ив
Запутаются в ветках.
Бездумья тихого вкусив,
Я – не письмо – заметка

На тему поиска пути,
Любви и вариаций;
О том, что можно – не найти,
И можно – не сдаваться.

Надеждой время не спешит
Уврачевать сомненья.
Так медленно растёт самшит.
Так лечатся паденья.

Терпенья терпкого запас,
Как камешки в приречье,
Вне времени свободный час –
Мост над рекой –
для встречи.

* * *

Я потеряла. Значит, я – найду,
Когда дойду до края этой боли
И на язык людей переведу
Шифровку сновидений из подполья.

Я потеряла. Но ещё – дышу.
По ленте Мёбиуса жизни колыханье.
Я ничего сегодня не прошу.
Второе кончилось. Жду третьего дыханья.

Я потеряла. Нить оборвалась
С родной душой – ранимой, щедрой, тонкой.
Но новая рождается где-то связь,
Лишь верить надо верою ребёнка

Без страха быть обманутой опять.
Я потеряла. Но сдаваться рано.
Я о Любви могу **ещё** сказать,
Лишь заживёт немного **эта** рана.

* * *

Каждому свой крест,
С каждого свой спрос.
Нет здесь таких мест,
Чтобы сказать впроброс.

Свет не гаси весь,
Лишь приглуши чуть;
Видишь, судьбы взвесь
Падает мне на грудь.

Каждому свой край,
Формул простых нет.
Что для двоих – рай,
Со стороны – бред.

Вновь за окном снег.
Выясни меж строк,
С кем я была во сне...
Это первый урок.

В будни узлом вшит,
Впаян в металл дней,
Крепок ты, как самшит,
В дебрях души моей.

Много пройдёт лет
Или всего миг,
Текст извлеки на свет
Этот из многих книг.

Перечитай так,
Будто бы в первый раз.
Может, найдёшь знак
В вольном ключе фраз.

Каждому свой мост,
С каждого свой сон.
Математически прост
Всех притяжений закон.

Игорь Лукшт

Родился в 1950 году в г. Баку, закончил Московский авиационный институт, позже Московское высшее художественно-промышленное училище им. С.Г. Строганова (мастерская скульптуры).

Скульптор, член Московского и Российского союзов художников, профессор кафедр академического рисунка Строгановской художественно-промышленной академии и школы-студии МХАТ.

Публикует стихи на сайтах “Поэзия.ру”, “Стихи.ру”, “Рифма. ру”, “Литконкурс. ру”, “45-я параллель” и др.

Лауреат международных конкурсов: “Поэзия 2006”, “Вся королевская рать” (2006, 2007, 2009), “Серебро слова – 2006”, “Серебряный стрелец” (2009, 2010, 2011), поэтических конкурсов им. Петра Вегина (2009) и Льва Лосева (2010) . Финалист Волошинского международного конкурса (2005, 2006, 2008).

* * *

Когда в альтовых гулах залы
Живое обратится в слух,
Когда, в настороженье залы,
Ты храбро ступишь в светлый круг,
И малый свет пролепит нежно
Округлый лоб в венце льняном,
Когда упруго, неизбежно
Покатит к горлу жаркий ком,
И первое сорвётся слово,
Легко качнув воздушный пласт,
Когда, распевен и раскован,
Протяжный ритм подхватит нас,
Тогда, мой строгий, сирий Боже,
Даруй мне светлые крыла.
Пусть я в земле корнями – всё же
Молю: раскрой бутон крыла.
Мне голос пел в тревожной сини,
Туда мой путь, мой рок, мой крест...
– Но что с тобою станет, сыне,
Когда любви умолкнет песнь?
– Скорее в пыль сотрутся травы,
Иссякнут слёзы у дождей,
Скорее горьким и неправым
Познаю суд моих друзей,
Скорей – умру.
И пуст, и светел
Мой дом. И мать белым бела.
Меня в зияющие бездны
Уносят два моих крыла.

К музе

...туникошуршащая приходит к нам и,
не застав нерадивых за трудами, отлетает прочь...

Ещё тепло твоей руки хранил уют угрюмый мой,
Ещё в луче кружился прах, взметённый лёгкою стопой,
Ещё светился янтарем горячий чай сквозь грань стекла...
Росой, смолой, водой живой любовь сквозь душу протекла.

Небрежный стула поворот, печенья ломтик на столе –
Всё отмечало для меня твой след мгновенный на земле
И наполняло январь студёной памяти моей
Капелью, хрупким серебром, бессонницей апрельских дней.

Дарила песнею сверчка мой быт земной, мастеровой,
Мир влажных глин, камней, листов – зелёный, белый,
охлаждённой,
Куда лохматые коты вперяют взор сквозь пыль стекла...
Но время стрелки развело, и встреча не произошла.

Ты посетила этот кров. Мой дом счастливо сохранил
Доверчивую нежность плеч, улыбки тайну, трепет крыл.
И лик любимый проступал, чем время дале, тем ясней,
Сквозь мел нетронутых листов, сквозь бурый скол седых
каменей.

Метаморфозы

Кто ж мог помыслить,
Что под броней кованых рёбер
Проливают шипучку кислорода
Соцветия влажных альвеол?
Кто ожидал, что челюсти,
Сжатые прижавевшими пружинами воли,
Вдруг разверзнутся и обронят
Нежные и хрупкие
Слова?
Цветы?
Спрашивается, кто?
Вот и я не предполагал, когда б не вы,
Что вечность – это плач одинокого саксофона
В густеющих сумерках Арбата,
Протяжный скрип рассохшейся качели,
Длинные шёпоты в листве ночного парка,
Утренняя роса на щиколотках босого утра...

Горлинка

На рассвете горлинка гудела
в самодельный глиняный рожок,
Брезжил ставень розовым. Несмело
проступал в пространствах потолок.

С тёмных стен стекали каннелюры
двух гардин, их ветер пузырил.
Шевеля лохмушки абажура,
сон волной прохладною ходил.

И на зыбком ялике постели
в стружках снежных тонких покрывал,
под глухое гуканье сопели,
наши жизни хрупкие качал.

Квадрокрылый

Руки не затворю
И перьев не сгребу в горсти,
Голуба крылая, свисти себе, свисти
И прочь под куполы лесов
Легчайшим сном, треща крылом,
Лети!

Литым кронштейном ногу перекинув
Вокруг колонны другой ноги,
И глыбу торса в контрапункте
сдвинув,
и подперев
шарнирным механизмом локтевым,
стою себе структурой
в лесопарке
среди хвощей,
стволов и незабудок,
притянутый к поверхности земной
в сто тысяч жил земного притяженья.
Стою себе и думаю:

А что ли
И нам вослед за птахой этой шустрой?
Но гравитации закон? –
Пренебрегу.
Ножовочных полотен изведу –
не перечеть.

Я изгрызу связующие нити с землицею,
И в кузне золотой
Из матюгов, фанеры, шестерёнок
Построю квадрокрылый махолёт,
И устремлюся, хлопая крылами.
Теперь мы вместе в гордом поднебесье
Парим!

Ты, капля крови в пуховом мешочке,
Сверкаешь искрой голубой,
И я своим мотором сотрясаю – о, Дедал!

“Трик-трак, трик-трак”, – воздушный тракт.
Но если вдруг, что может стать,
На фюзеляж ты мой фанерный
Опустишь вольные крыла –
Руки не затворю
И перьев не сомну в горсти.
Пичуга синекрылая,
Лети!

Пляж в сотере. Накануне осени.

Две дикие лозы на солнечной жаровне,
Зелёных соков гул, вихрение листьев...
Не виноградарь я, увы, и не садовник –
Лишь камень на песках полуденной судьбы.

Я камень вековой средь плеска волн и блеска,
Бег времени сквозит в морщинах глаз моих,
Спокойны и грубы, как джоттовская фреска,
Рубцы на гранях скул и ветров колеи.

В прищур лете́йских мхов восход прозрачно
розов,
И пепел, и огонь – край облака горит,
Курится старый мол, где сонные стрекозы
Слюдою ворожат над панцирями плит.

У летних алтарей две жрицы босоногих
В песке и серебре, меж световых колонн, –
Прощальный лета дар. Я заживо влюблён –
Страж храмовых ворот на отмели отлогой,

Гранитный и немой – в скрипичные мотивы.
Но травы проросли, по грудь пески, по грудь,
Корявых мидий хруст, приливы и отливы,
Да трещины в спине, да крабовая жуть.

Кто ведал путь стрекоз сквозь арки травостоя?
Кто слышал птицы крик? Пернатая, о чём?
Куда уйдёт цветок студёною порою?
По клинописи звёзд гадает древний ком.

Ах, камень вековой, полёт души внезапный,
И сдвинулась гора, и хлынула река...
Но пуст осенний пляж вчера-сегодня-завтра,
Сотеры лысый кряж, да ветер на песках.

Проходя по следам

Ночь наступает.
Плоскости пирса жар отдают,
За день накопленный, –
Смолы повытекли,
Краска растрескалась –
Сумрака ждут.
Я распластался.
Доски тугие тихо звенят,
Плеск и скрипение,
Ветра гудение,
Моря качание –
Волны не спят.
В ночь неохватную
Мол, словно мост,
Брызги над пропастью.
Небо распахнуто
Бездной развёрстою,
Полною звёзд.
О Королева
Севера милого, Выборга дальнего,
Где ты, любовь моя?
В тундрах озёрных
С гнусом повенчана,

Светишь звездой Полярною.
Так по следам узким твоим
Я прохожу
Каждую ночь
В сторону Севера,
Каждую ночь к милым глазам,
Лёжа под звездами.

Сказка ущелья

Скалолаз:

“Такая глушь пространств, такая
бездна лет
меж нами, малыш.
Ты на обрыве сумрачном горишь
в плену камней, и я подозреваю –
твой край дороги нет...”

То поведёт листом,
то маков цвет роняет
огнём и трауром очерченный цветок,
в свету вечернем пропасти зияют,
да в тартар ледяной спешит поток.

Цветок:

“Эй, скалолаз, на пиках ночевавший,
угрюм и недвижим над краем бездны,
что за напасть – рычание стремнины,
дробящей скалы белою волной?
Ты жизнь свою провёл в обнимку с камнем,
и сам ты стал, как камень родниковый
с крутой скулою грубого гранита,
с душою, полной шелеста травы.

Эй, потолкуй с окрестными горами,
или забыло горло песнь ущелий,
или вино крови перебродило,
чтоб сшить мостом седые берега?
Так холодно в горах, приятель барсов,
моих одежд пылающая нежность
на злых ветрах полощется как стяг...”

Чёрный пламень цветов

Ты – стремительный пляс
вылетающей стали из ножен,
как огня поцелуй,
как кочевника крик горловой.
Кобылица в степи –
ветер травы под ноги положит,
посвист дикой стрелы неизбежной,
глухой, роковой.

Прозреваю ножи, повиликой и лавром повиты,
лживый морок святош над распахнутой грудью твоей.
Прозреваю судьбу – опрокинутый лик Карменситы –
и кончину твою узнаю: камень, кровь и репей.

Чёрный ворон крылом
осенит хладный лоб на последнем распутье,
губ мятежных дрожит, остывает
коралловый шрам.
Прозреваю судьбу. Стынет сердце в немеющей жути.
Ветра шум вековой,
скрип песка по проклятым камням.

О, корриды напев! Рёв трибун над поверженным
телом,
кровью ноздри полны, жаркий стон полыхает:
“Распни!”

Прозреваю беду,
чёрный холод в глазницах тореро.
Заклинаю: “Живи!” ...
Но не слышит заклятий Кармен.

Несерьёзное предложение

“Ах, оставьте меня у себя
Пустяковиной, нэцке, капризом...”

Я носить ваши светлые ризы
Обязуюсь до судного дня.

“Взгромоздите меня на рояль
Метрономом счастливой минуты...”

В час свирепых раздоров и смуты
К алтарю вам идти без меня ль?
В чресполосицах бед и любви –
Лишь бы с вами, средь ада и рая
Той земли, где могил не считают,
Где восходят цветы на крови.

Мария Панфилова

«Хорошо ловится» кистепёрая рыба... Любовь – редкое, исчезающее, «ископаемое» и «искомое». Почти всегда «вопреки», что-то необъяснимое, не поддающееся точному определению...

Поэзии чуждо чрезмерное здравомыслие, а Любовь – это как раз её, Поэзии, родная речь. Горячая, сбивчивая и порывистая. Глубокая, полная Пустоты, заполняющая пустоту. Содержит в себе всё, а перетекает «из ниоткуда в никуда». То есть из нас в нас же самих. Из меня в меня, охватывая весь мир, Тебя – всё... И наоборот верно: сама Поэзия говорит голосом Любви.

Привет, я – Маша Панфилова. Много-много лет назад «упала в любовь», да там и обитаю. Летая в небесах и «самолётик мой болен», захожу в реку – «принадлежу реке», озираю берега вместе с ангелом, возжусь в доме и слышу за стенкой кашель Ли Бо... В слове живу стихиками, «принюхиваюсь», что за зверь такой «проза». Воспитываю сына, делаю новую книжку, немного рисую.

Варю мою «кашу» и верю, что «жизнь – не напрасна».

* * *

Лунный угорь в подводной листве.
Междувстречье. Зияют лакуны.
Гондольеры с Хароном в родстве.
Подозрительны воды лагуны.

Валидол под язык, – что обол.
Ты ученый, усталый и нищий.
За бортом кажет влажный плавнище
Кистеперая рыба Любовь...

* * *

*...Мой самолет был болен, тяжело болен,
Неизлечимо болен пароходиком в море...*
Веня Дркин

Гляди, самолетик, на небе – ни паруса.
Короткие письма: длиннОты и паузы...
Любовь – ископаемое и искомое –
Такое знакомое и незнакомое,

Скорлупка, козявка для завоевателя
Лепечет морзянкой, хореем и дактилем
Взволнованно, и потому лишь – хорошее...
Несчастье... спасенье железнодорожное...

* * *

В лунное чудесное лицо
Вечер преданно глядит арапом.
Джазовой тягучей хрипотцой
И разнежен он, и расцарапан...

Логика холодного луча
И преобразается, и тает
В комнатах, где сонная печаль
О любви вполголоса читает.

* * *

Я – зеркало. Нежно мерцая
В пыли золотой на плаву,
Вседневно Тебя созерцаю,
Твоим отраженьем живу.

Встревоженный слой амальгамы
Вмещает, трепещет, влечет...
Ведет одиночествам счет
Старинная патина рамы.

* * *

Сверкаю плёнкой нефтяной!
Асфальт и лужи.
Стеклярус неба надо мной
Теплом разбужен.
Я расправляю, как листва,
Немые крылья.
Лечу, окутывая вас
Зеленой пылью.
Пыльцой. И запахом любви.
И птичьим пеньем.
Легко ступаю по земли
Дождем весенним.

* * *

Я – хрустальный единорог
в табуне из колючей жести.
И с меня не возьмешь ни шерсти,
Ни какого мяса кусок.

Неуклюжее "почему?", –
я топталась по краю сна.
Я водилась в одном доме –
ни на что почти не годна.

На пути Ваших кавалькад
я жасминовый белый куст.
Формула моего цветка –
отражение Ваших уст.

* * *

А крепость сдается. Без боя.
Аренда! На всю жизнь вперед.
А счастье... меня не берет, –
Такое оно дорогое.

Мои темно-русые патлы
Полощутся ветром, как нимб.
Особенно крупные капли
За шиворот, за воротник.

Особенно хлесткие фразы
Оплачены. Кровью в ответ.
И вечер скабрезный куплет
Продолжит с привычной гримасой...

* * *

Всё может выжечь
Прикосновенье ладони иной.
О как хочется выжить
Любови обглоданной
Мыслечайками
Прожорливыми к утру.

Вот и чайнику
Эта исповедь не по нутру –
И он подпрыгивает,
Поёт, плюёт кипятком,
Что ты, говорит, рыба моя,
Жить, говорит, – легко.

* * *

Почти поддался покоренью
Кастрюлек грозный Эверест.
Я в глуповатом изумленьи
Гляжу, как Милый что-то ест.

Так кто-то расщепляет атом,
Детишек учит, садит лес –
А я – с улыбкой глуповатой
Гляжу, как Милый что-то ест...

Сияют позолотой латы
В лучах закатного огня...
С улыбкой чинно-глуповатой
Мой Рыцарь ест меня, меня.

* * *

Чтоб убить уже наверняка,
Он целует тебя понарошку...
Ты в обветренных красных руках
Тащишь розу как дохлую кошку,
Замечая едва ли вокруг
Закипание липы в аллее...
И зачем-то твердишь: не зову,
И не плачу, и, да, не жалею.

* * *

Вот и весна на пороге, проснись, тетёха!
Что, схоронилась? Знаешь, любовь – не тётка.
Сколько ещё нелепых надежд подарит...
Неутешительна правда о Карле и Кларе.

* * *

Друх мой! Может, для какой-то Лалы
Люб и бессловесный кавалер,
Что сакэ пиалу за пиалой
Пьет, а после "с места и в карьер".

Я, конечно, тоже не святая,
Но подход формальный позабудь.
Помни впредь: за грудь меня хватая,
Говори, несчастный, что-нибудь!

* * *

Стану звездой порно
Стану звездой порно
Стану звездой порно
Станет людям светлей

* * *

*...Помнишь, Постум, у наместника
сестрица?..*

Иосиф Бродский
«Письма римскому другу»

Говорят, что курица не птица,
Лишь петух окрестность оглашает.
Может, оттого так и молчитя,
Что никто мне петь и не мешает?

И Любовь – конвойный недалёкий –
Не дежурит поодаль с кинжалом.
Бытия убийственная лёгкость
Стискивает грудь прелестной Лалы.

Хорошо б красавицей родиться –
а с павлиньим опереньемхватишь горя.
Не спасут ни тишина, ни море
Самых отдалённых из провинций.

В тишине, объемлющей Итаку, –
Вечности неуловимый росчерк.
Оттого я и несу берданку
На прогулку в соловьиной роще.

* * *

Скворчонок – незадачливый домушник –
Метнулся к форточке, рванулся – был таков.
Окатывает кремовый чубушник
Волной благоуханных лепестков

Оглохших нас, влюблённых, беззащитных...
И жестяным прутом над головой
Скрежещет гром. Но глупая Кончита –
Посмешище! – не слышит ничего.

Курортников, бредущих краем моря,
Не замечает. Злые языки
Облизывают берег: Блажь! Умора!
Блаженство. Беспощадные тиски.

Бессовестные байки... Вдруг, из клетки,
Засвищет кенар про любовь до гроба...
Хозяин и хозяйка верят оба
В переселенье душ и в ипотеку.

* * *

Руками-крыльями, руками-плавниками
Обнимешь реку с травянистыми боками
И так плывёшь нос к носу с облаками,
И наблюдаешь, как они легки.
Легки, как будто ангельские лики,
Как для ольхи легки вериги ежевики,
Так для Тебя легки любви закавыки –
Прозрачны, будто на воде круги...

* * *

Жабрами вбираю,
Выуживаю
нежность.
Из воздуха,
из ничего,
на живую...
острый плавник отводя осторожно –
не поранить бы.
Сосредоточенно собираю,
Склёвываю
печаль Твою,
страх,
усталость.
Нежность –
Это
Такая
малость.
Нежность –
Это
Такая
не-об-хо-ди-ма-я
вещь.

* * *

Моё одиночество слаще иных объятий.
Но чем-то меня прельщают твои объятия.
И взгляд Твой прекрасно прохладен и нежен.
И руки Твои, что готовы меня отпустить...

* * *

У неё на юбке ромашки,
У неё ребёнок в кармашке,
А кармашек – он в животе, –
Не в обиде, хоть в тесноте...

У неё улыбка лисички,
У неё две смешных косички,
И смеётся, и смотрит в рот,
Будто бы никогда не умрёт.

И всё это – счастье мужчины.
Вот он – лыбится ей без причины.

Остановка. Пора вылезать.
И картинка слепит глаза...

* * *

Небо, деревья, дома – от солнца светлы.
За домами – не МКАД, а – море, гудит, трубя...
Проходи. Руки? Красные от свеклы.
Я ужасно рада видеть тебя!

Я соскучилась. Я, соскальзывая в пустоту,
Ветви орешника видела над собой
И лягушек... Но, кажется, я расту,
Прорастая радугой. Пой же, пой,

Караоке-жизнь, в заштатном баре в моем дворе!
Недослушав куплет, соберут чемоданы грачи.
Осень свингует. Кропает свой жесткий рэп
Чайльд-Гарольд мой, уроки недоучив.

* * *

Добудь у Пегасихи молока,
Буковок просей порошок.
Слёзы, деточка, – это пахта,
Сыра комок – стишок.

* * *

На дне реки, на вечере реки
Русалочки гуляют косяки
И рыбины с латунными глазами.

А я одна на берегу стою,
Оплакивая молодость свою,
Как будто сирота вся Казани...

На дне реки, на вечере реки
Закат всё тот же, те же рыбаки
Не знают мысли ни большой, ни мелкой.

Открыв коробочку "Любовный антидот",
Русалка, угостив меня, кладёт
Жемчужную за щёку карамельку.

Ирина Егорова

Я всегда подозревала, что в сутках слишком мало часов, старалась наполнить их до отказа. Но с каждым годом наблюдаю, как время вмещает в себя всё больше и больше, становится всё теснее и теснее. Поэтому, оглядываясь назад, всякий раз понимаю, что предыдущие графики были просто курортом.

Главный режиссёр московского театра «КомедиантЪ», актриса, поэт, драматург, преподаватель... Уже не помню, сколько выпущено авторских сборников, давно перестала считать публикации в журналах и альманахах, сыгранные роли, поставленные спектакли, победы в конкурсах – оно, конечно же, ужасно приятно, но всё больше понимаю, как многого ещё не сделала, не поняла, не научилась, не прожила. Всё жальче тратить время на ерунду, формальности, «важные» серьёзные разговоры. Всё сильнее хочется жить и любить на полную катушку, бывать там, где никогда не бывала, начинать то, чего раньше не делала (смонтировать фильм, выучить иностранные языки). И ещё есть хроническая мечта – хоть когда-нибудь выспаться!

Прыжок – и сердце парашютом...

Задача

*Я поняла! Мне нужен **белый мамонт**. Вернее, тот, кто мне нужен, явление в жизни такое же распространённое, как белый мамонт... на Пушкинской площади.*

Всё. Достаточно редела.
Слёзы горькие утри ж!
Вот он, вот – мой мамонт белый,
Только – вписанный в Париж...
В кружева дворцов и арок...
Нет, ей-богу, зареву.
Я дана тебе в подарок,
Но – вплетённая в Москву!

Бог придерживал заначку.
Но – шутник, ему всё мало –
Он припас для нас задачку
Почуднее интеграла.

Что же – выть, как волк с волчицей,
Выгнув шеи по-жирафьи?
Может, как-то изловчиться,
Сделать что-то с географией?

Тут – слегка подвинуть горы,
Перелить чуть-чуть моря,
Чтоб явилась пристань скоро,
Где бы бросить якоря.

Глобус, временем вертимый,
Хоть немного поменять!
Сделай это, мой любимый!
Сделай это – для меня.

* * *

Пускай же мы друг друга избалуем...
Беги ко мне, лети ко мне, спеши –
Пронзительным, протяжным поцелуем
Доцеловать до самой до души!

В зените солнце, и любовь в ударе,
Природа отдаётся насовсем.
Судьба лишь раз такие встречи дарит,
И то, поверь мне, далеко не всем.

* * *

На грани я не устою –
Прыжок – и сердце парашютом.
Ну, а умру – любовь твою,
Осмелясь, снова попрошу там.

* * *

Событие свершилось – ты и я.
Теперь бы нам ещё – со-бытия!

* * *

Врут, что любовь рассудочней с годами.
Вот затопила – и не усмиришь...
И, распластав себя над городами,
Сцепились мы мостом Москва – Париж.

Сезоны не сошлись. Ты посмотри же –
Москва в снегу, Париж уже в траве!
Но ты спешишь ко мне – домой в Париже,
И я бегу к тебе – домой в Москве.

Звонок – и припадём как можно ближе:
– Какие мысли бродят в голове?
– Как день твой пролетел в твоём Париже?
– И где металась ты в своей Москве?

А я услышу и почти увижу
Твой дом, детей... в окошке – шум ветвей...
Вот «скорая» завывала по Парижу...
Другая вторит ей – уже в Москве.

Где берега нам – те ли или эти?
И ждать чего – срастёмся или нет?..
Но знаешь, ведь стихии – те же дети.
Нам и за них с тобой держать ответ.

Так как же быть – скорбеть плакучей ивой?
Или – лавина, паводок, аврал?..
А может, – умереть такой счастливой,
Какой ещё никто не умирал?!

* * *

Пусть снова заплетаются миры –
Какой тут нынче – дольний или горный?
Метнётся сердце выйти из игры –
И ты его захватишь только в горле.

И не поймёшь, что позже, что – сперва,
С чего судьба чем дальше, тем капризней...
Такие вдруг посыплются слова,
Которым места нет в обычной жизни!

* * *

Вдыхает лес весенний запах плоти.
Вцепились в землю щупальца корней,
Чтобы забраться глубже, пропороть и
Могучие стволы поднять над ней.

Мы были все всегда одной породой
Давно-давно, ещё до бытия.
Тут место, где сливаются с природой.
И этим местом оказалась я!..

Звереет ритм прилива и отлива,
А я послушна – хоть верёвки вей...
И небо в нас уставилось пытливо
Сквозь пальцы растопыренных ветвей...

Друг другу изливаясь, возлежали.
Всё растворилось... – спать, и спать, и спать...
А небеса нас молча умножали
И, неделимых, множили опять.

* * *

Покинув болью стиснувший покров,
Растёт дитя, как дрожжевое тесто...
Мы выросли на целую любовь.
И в прежней шкуре нам уже не место.

Любовь болит, брыкается, живёт...
Ей невтерпеж – расти готова снова.
И – вон из кожи – снова кожу рвёт.
И просит – формы! Мысли! Дела! Слова!

* * *

Молчание – игра с огнём –
Больней удара и пореза.
Мне в душу – тонкий ход конём
Из раскалённого железа.

* * *

Запрудой время... встало мёртвой глыбой –
При долгом, изнурительном посте...
А сердце скачет пойманною рыбой,
Обшаривая взбрыками постель.

* * *

Хоть зазорчик во времени узкий,
Приезжай, чтоб меня обнимать,
Мой немецкий француз полурусский –
На свою полуРодину-мать!

Станешь жаркой любви эпицентром.
И войди, уважаемый сир,
В эти тапки с одесским акцентом –
Филиал твоих стран и квартир.

Частушка

Я с тобою пала бы
Прямо бы на палубу.
Если нету палубы –
Пала б – где попало бы!

* * *

Печати от порезов и ушибов:
«Оплачено!» (оплакано, обвыто).
В работе исправления ошибок
Всё заросло и зеленью обвито...

Не то, не так, не столько, вверх ногами...
Осталось неизменным только имя.
Ведь всё, что с нами было, – стало нами,
Сбываясь, мы становимся другими.

* * *

Намеренно и неслучайно,
Меня собой заплоня,
Не приучай себя к молчанью –
Не убивай в себе – меня!

Рассеянно пожав плечами,
Вполне прилично, не грубя,
Не приучай меня к молчанью –
Не убивай во мне – себя!

* * *

Буксует сердце, ночь толкая...
Какой мучительный накал.
А я стихами истекаю,
Как смертник кровью истекал.

* * *

В движенье, в асимметрии и в грозах
Я опытным путём нашла ответ –
Что счастье в бесконечно малых дозах –
Не то, что – бесконечно счастья нет.

Той самой пробы – из одной породы.
Боюсь, что я и впрямь твоё ребро!
И нас макают в жизнь, как электроды,
Чтоб токи напыляли серебро.

* * *

Нет, не покой перин и пышек,
Тот, что занежит и растлит,
Я выбираю то, что пишет –
Меня. И что меня растит.

«Там путь закрыт!» – твердили вы, и –
«Не может быть!»
Возможно, но...
Я эту жизнь живу впервые,
И ничего не решено.

Душа – на вырост. Всё – навынос...
Как чудо-меленка – коржи,
Творю я Божию повинность, –
Любя, возделываю жизнь.

Пусть изойду семью потоками...
Пусть нараспашку – каждый вздрог –
Иду воздушными путями,
Где нет проторенных дорог.

* * *

Что? Родные? Мы не оскорбим их.
Я – отдельно. И отдельно – ты.
Лучше ампутировать любимых
Под анестезию суеты.

* * *

Ну, вот и удушено пламя...
И, сжав меня в тёмном углу,
Амур, упираясь ногами,
Корчует из сердца стрелу.

* * *

Хотя бы вздрог надежды робкий!
Что – боль? Какая ерунда!
О, нескончаемые скобки
От никого – до никогда!

* * *

Жизнь понеслась вприпрыжку вроде.
Забыты «если б» да «кабы»...
Вот только ноет к непогоде
Сокрытый перелом судьбы.

* * *

Можешь не двигать гору,
Господи, сделай милость,
Дай мне мужчину – впору!
Или слегка на вырост.

Море

Взвыло от края до края,
Мышцы решило размять,
С ног поцелуем сбивая,
Тащит к себе – не разнять.

Пенный оскал разевая,
Видит – скачу и дразнюсь –
Пробует, мнёт – какова я
Буду на ощупь и вкус?

Да! Заверти – я такая –
Сердца проси – не руки!
Море, кипя и лаская,
Рвёт с меня все лоскутки.

Мощью взбухает громадной,
Чувства не может избыть.
Море – любовник мой жадный –
Знает, как нужно любить!

* * *

Как кличет сквозь космос – сигналами разными,
Почти отчаявшийся уже,
Безумный учёный – собратьев по разуму,
Так я – любимого по душе!

* * *

Ещё один из жизни вычтен год.
Учёт утрат и боли заверши...
А если подсчитать наоборот? –
Умножить время – на прирост души?!!

Водопад

Почти внутри, совсем вплотную, рядом,
Я в потрясенье Рейнским водопадом.
Семнадцать тысяч лет могучим станом
Он – весь навыхлест, в танце неустанном.
Ежесекундно извергая тонны,
Со страстью месит массы – рёв и стоны...
Неиссякаем в нетерпенье пеня,
И воздух весь – в испарине и пене.
Разгул, почище мотовства и пьянства.
Вот это – мощь! Вот это – постоянство!
Я вся поражена любовным ядом,
И всех теперь сверяю – с водопадом!..

Надежда Гусева

Родилась и живу в Москве. По профессии врач, окончила 2-ой МГМИ им. Пирогова. Стихи сочиняю с детства, всерьёз последние 15 лет. Темы разные, но какая женщина не пишет о любви? Как сказал немецкий писатель Жан Поль: у женщин всё – сердце, даже голова. И, пожалуй, он прав. Каюсь, что уже довольно пожив на этом свете, остаюсь романтиком, а в чём-то и фаталистом, но только не модным для смутных времён романтиком смерти. Думается, что всё же есть в человеке то, что больше нас, что напоминает нам о вечной связи с Творцом. Для того, должно быть, и вдохнул Господь в нас душу бессмертную. Мы не помним, откуда пришли, а душа помнит. Счастлив человек, способный любить. Вот тогда он сильнее страха и сильнее смерти.

Печаталась: в сборнике «Лев Ошанин», 1997 г., в журнале «Юность» 1999 г. В районной Пеновской газете «Звезда» в Тверской области и в сборнике Пеновского ЛИТО «Прикосновение». В газете «Интеллигент», в журнале «Московский BAZAR» 2012 г.

Невеста

Снежные вальсы мне песни поют,
Белое платье, кружась, они вьют,
Мягко и чисто лежит белизна,
Вьюжит метель. Только мне не до сна.

Простоволосой бегу я в пургу –
Вижу, как розы растут на снегу,
Вот целый куст, как огромный букет, –
Белый подарок из Млечных планет.

Крылья простёр Купидон надо мной –
Знак подаёт, что любима тобой.
Над белоснежной землёй тишина.
Вечность распахнута. Я влюблена.

Настроение, южный вечер

Свит причудливый узор под шатром глициний,
А за ним морской простор, берег – с далью синей,
Слышен милый женский вздор, звон мелодий
нежных,
Льётся мягкий баритон в полосе прибрежной.
Заметались светляки – огоньки приморья,
И повсюду – уголки с теплотой застолий.
Мы заходим в летний бар, вот уютный столик.
Олеандровый бульвар, аромат магнолий...
Набежал прохладный бриз, катер сбросил сходни,
Я исполню твой каприз, только не сегодня.
Юг загадочно сверкал, как улыбка Будды,
Как магический кристалл, обещающая чудо.

Скрипач

Только сгорая, можно зажечь
Факел от искры горячего сердца,
Словно берёзка, ломаясь в поленца,
В топку легла, чтоб сама себя сжечь,
Выгорев пеплом несбывшихся встреч.
Нервы, как струны, –
Как звук Страдивари
Болью души о любви говорит,
Светлой слезою темниц тёмно-карих
Влажный смычок в лунном блике дрожит.
Скрипка любви за маэстро рыдает,
Рвётся струна в адской пляске тревог...
Только немая вселенная знает,
Как бесконечно скрипач одинок.

Сонет

Я помню волн глухой накат,
И южный берег изумрудный,
И разговор немного трудный,
И догорающий закат.

Твоё изысканное «нет»
Меня нисколько не смутило,
Всё было безупречно мило,
Как безупречен лунный свет.

Но эта полная луна
Далёким холодом светила,
И взгляд твой бесконечно стылый
Впитала будто бы она.

А что же чувствовала я?
А я... я – тоже не любила...

Напевы у реки

Мне бы лёгкой утицей в водах плыть,
С сизокрылым селезнем в небо взмыть.
Пролететь за рощею над горой
И вернуться к берегу молодой,
Чтобы мною суженый заболел,
Чтобы только мне одной песни пел...

Где бы, где бы крылышки мне достать,
Чтобы с диким селезнем полетать?
Влагою туманною годы смыть,
Легкокрылой утицей в небо взмыть.

Лебедь

Говорят мне: сожги
ткани лёгкой одежды,
не ко времени сшила ты новый наряд,
что не в моде теперь
его цвет белоснежный,
что желательней – чёрный,
и лучше – до пят!
Будто нет лебедей
на земле моей грешной.
Улетели.
Осталось одно вороньё.
Вот он... Лебедь...
плывёт за подругою нежной.
Может, кто-то ослеп
или слышал враньё?

Романс О любви*

*Посвящается Вадиму Чепуркину
и его другу Мише Агафонову*

Не рождены ли мы – служить любви одной?
Не посвящает нас в свой замысел Всевышний,
Благословляемые волей неземной,
Спешим на зов любви, едва его услышав.

Припев:

Пройди по саду с белой резедой,
Туда, где сердце трепетное бьётся,
Пока твоя любимая смеётся,
Ты – молодой, ты – молодой.

В лучистые глаза поглубже загляни –
В том омуте нет дна, и не ищи напрасно,
Мускатного бокал, не расплескав, глотни
За счастья миг, беспечный миг – прекрасный.

Припев.

И сладко поплывёт хмельная голова,
И выдохнет душа заветные три слова –
Три слова о любви верны как дважды два,
Но код любви двоих никем не расшифрован.

Припев.

Пока в иных мирах во тьме блуждает ночь,
А в свете дня земном не кончена поэма,
Оставь решать Богам извечные проблемы,
Нам не дано, нам не дано их превозмочь.

Припев.

* Стихи навеяны рассказом В.В. Чепуркина «О любви»

Как устоять?

*Дайте мне точку опоры, и я
сдвину Землю.*
Архимед

У вдохновенья нет былой опоры –
Ты разлюбил, и словно меркнет свет.
Я подхожу к окну, и раздвигаю шторы,
И издали смотрю на твой портрет,
Не узнавая так знакомых мне примет,
А новый напишу едва ли –
Былых желаний стёрся след.
Подумав, что глаза мои устали,
Иду поближе разглядеть детали,
Но всё до мелочей переменялось в них,
Нет милых черт, мне прежде дорогих.
Холодный взгляд насквозь пронзает сталью,
И страх и дрожь никак мне не унять,
Что происходит, не могу понять.
Какая сила, овладев портретом,
Глазами полоумными сверля,
Как будто дулом пистолета,
Повсюду целится в меня?
Рванулась прочь – он пригвоздил к стене!
Зашлась от крика – слышен жалкий шёпот,
И чьи-то когти полоснули по спине,
Обрывки мыслей плаваются в огне,
И рушит потолок вселенский хохот,
Гул перепонок обрывает грохот,
И тишина. Далёкий хрип доносит патефон,
Какой-то старый небожитель крутит
Мотив, давно заезженный до жути,
Надсадно бьётся муха о плафон...
И я – со стиснутым будильником в руке
Смотрю на одеяло в уголке.
На тумбочке – роман великого эстета

Коллизий Дорианова портрета,
Наславший на меня кошмарный сон,
Да где-то дребезжит магнитофон...
Прекрасно, но причём тут Архимед,
Ведь он имел в виду другой предмет?
И всё же цель эпиграфа уместна –
Любой кошмар уходит повсеместно
В живом тепле взаимности любви,
Без вечных причитаний «се ля ви».
Кто встретит эту главную опору –
Тому и Землю сдвинуть впору.

После ссоры

Ещё не ночь, но сумерки настали,
Сомкнулись стрелки возле десяти,
Так долго длился день, что мы устали.
Мы помирились, ты сказал: «Прости!»

Вечерней тишиной балкон нас принял,
И ветерок снимал усталость с тел.
Громадный город будто вовсе вымер –
Оставлен он в угоду дачных дел.

А мы как сумасшедшие смеялись –
А после нежность одолела нас,
Пьянея от любви, мы целовались,
Замаливая ссору в сотый раз...

Венок любви

Нет нежнее и ласковей чувства,
что зовётся последней любовью, –
я готов к твоему изголовью
бросить все полевые цветы.

Это жаркое, жаркое лето
я дарю тебе в позднюю осень –
я рисую меж тучами просинь,
чтобы солнце увидела ты.

Мне немного обидно и грустно,
знаю, что не могу быть с тобою,
я согрею тебя теплотою,
чтобы зим не заметила ты.

Мы пройдем по последнему краю,
позабыв страх и горести судеб,
нас никто, нас никто не осудит,
мы пред Чистою Девой чисты.

Не предаст нас с тобой даже сердце –
пусть истаёт пылающей свечкой,
даже в самый чарующий вечер
не преступим невинной черты.

Нет нежнее и ласковей чувства,
что зовётся последней любовью –
пусть останутся светлую новью
эти строки из грёз и мечты.

Игрок

Пыл открытой души игрока не волнует –
Подковёрные тайны – успеха залог:
Глядя честно в глаза, он с улыбкой блефует –
Он играет за жизнь, но тебе невдомёк.
Как тебе доказать эту правду простую –
Пока вяжут петлю, не надышишься впрок,
Бесполезную смерть не спасёт «аллилуйя»,
Это самый пустой и никчёмный урок.
Пусть прозреет душа, коль рассудок в затменье,
Дар замученных фраз не заменит любви.
Если он говорит о любви без волнения,
Смело жизнь выбирай, а удавку порви.
Этот страстный игрок гениально вступает,
Его бритвенный разум логичен и строг,
Верь, когда говорит, что, любя, не ревнует,
Потому что в любви он играет как бог.
Ради кайфа игры – ты была на примете,
Ради чувства другой – он с тобой флиртовал,
Он за глупость твою никогда не ответит,
Потому что в любви, ну, какой криминал?
Каждый крест свой несёт по судьбе добровольно,
Если бросишь – такой же отыщется вновь,
И опять будет также надрывно и больно,
И в тупик уведёт подставная любовь.

* * *

Неугомонных Донжуанов
Не ранят женские обманы...
А верное мужское сердце
Без пули можно погубить,
Когда по нервам в ритме скерцо
Смычком без усталости пилят,
И, снизив тон к сопрано-меццо,
Ноктюрн из ревности творить,
И пальчиком перебирая
Напевных струн тугую нить,
По воле волн счастливых плыть,
Опасности не замечая.

* * *

Из женских привилегий есть одна –
Поплачь навзрыд, когда легка обида,
Но чашу горечи ты выпьешь всю до дна,
И не спасёт тебя бесстрастная Фемида –
Весы дрожат, и ложь твоя видна.
О женщина, раба сердечных смут,
Не обвиняй любовников – иуд,
А лучше вспомни, что сама их породила.
К тебе завет: «Не сотвори кумира!» –
Кумиры вечно пакостят и лгут...

«Проходит всё, – сказал мудрец, – ей-богу!
От долгого уныния нет проку».
Из сердца, не желающего мстить,
Тоска уходит дождевым потоком.
И ТЫ ГОТОВА СНОВА ЖИЗНЬ ЛЮБИТЬ.

Алексей Хазар (Алексей Казарновский)

Родился я в 1956 году в Подмосковье. Окончил Московский электротехнический институт связи. Храню верность полученной профессии, в которой достиг высот и полностью состоялся.

Особых литературных амбиций никогда не имел, чего нельзя сказать о желании писать. Оно появилось рано, не покидало никогда и обострялось по мере того, как, в силу обстоятельств, мне приходилось много путешествовать по свету. Отсюда и любимая тематика – история и география.

Тем не менее любовной лирике я тоже отдал некоторую дань (как же без этого!), чему свидетельство – данная подборка. В ней, впрочем, немало все той же географии.

Диалог

- Что так загадочно воеет, ты слышишь?
Словно зовет напряженно и властно...
- Это всего только ветер на крыше.
Мой дорогой, не тревожься напрасно!

- Кто это плачет у нас на пороге
Жалобно, словно бездомная кошка?
- Нет, мой хороший, причин для тревоги!
Это всего только дождь за окошком.

- Что ж так неистово в пляске постылой
Блики трепещут в полуночной сини?
- Все хорошо, успокойся, мой милый!
Это лишь жаркое пламя в камине.

- Как же мне быть, если верю невольно
Снам, исчезающим без возвращения?..
- Полно, дружок, не волнуйся, довольно,
Это не сны, это жизни течение...

* * *

Загадочно мерцает Орион,
И Сириуса трепетно сиянье,
А ночь тиха, в ней лишь морозный звон
От налету застывшего дыханья...
Мир дышит нереальной красотой,
И вечность видится распаханною бездной
И кажется бессмысленно-пустой,
Бесстыдно-безнадежно-бесполезной
Вся суета земного бытия,
В котором дом, работа, быт и я...
И значим только теплый свет мечты,
Где нет сует, но есть любовь и ты...

Домашнее видео

Когда-нибудь, не скоро, через годы,
В мерцании заката наших дней
Послушные велению природы
Мы станем и спокойней и мудрей.
Из миражей дорог и дальних странствий,
От парусов и из морских глубин,
Вернемся мы в знакомое пространство,
В наш старый дом, что в мире лишь один.
Пусть там покой свернется спящей кошкой
Тревогам и штормам в противовес,
Но в прошлое волшебное окошко
Нам сохранит технический прогресс.
Ведь он порой щедрей восточных магов,
Он времени легко предъявит иск.
Все то, что не ложилось на бумагу,
Легло на ленту и на жесткий диск.
И день былой и прожитый когда-то
Вернется снова даже в мелочах,
И жест, и взгляд, и стершаяся дата,
И музыка, и ужин при свечах,
И ветра свист в снастях у нашей яхты,
И яркий мир совсем других широт,
И долгий день, и штормовые вахты -
Все, оживая, снова к нам придет.
И сквозь окошко плоского экрана
Из прошлых дней, как из полночной тьмы,
Всплывут соборы Пальмы и Милана,
Ушедший век и молодые мы...

* * *

Она рисует розу на стекле,
А за окошком осень сыплет листья
На черный кафель мокрого асфальта.

Она рисует лепестки и стебель,
Пусть осень обрывает беззаботно
Засохший лист, как старые обои.

Танцует кисть на чистом льду стекла,
И так неуловимо и волшебюно
Ложатся краски, порождая образ.

Иллюзия прекрасных летних дней...
Две пары строф о розе и о ней,
И в этот белый стих про розу, против правил,
Я пару рифм, не суетясь, добавил.

Пусть будет розовым, не зря ведь он про розу.

Париж и будапешт

В Париже - Новый Год. Забудьте все несчастья!
И, празднуя, народ толпится вдоль реки,
От площади Звезды, до площади Согласья...
Париж и Будапешт не очень далеки...

Да, многое прошло - пустые пересуды,
И ты уже ко мне не очень-то спешишь.
Из Пешта мне пешком легко дойти до Буды,
Попробуй-ка, зато, дойди к тебе в Париж!

А горький вкус обид не помогает верить,
Их не смахнуть как пыль движением руки.
Дорога не легка, чем мне ее измерить?
Париж и Будапешт безумно далеки.

* * *

И снова Новый Год, и я теперь в Париже,
Здесь звук твоих шагов затих давным-давно.
Я здесь, а ты в Москве, и мы не стали ближе,
А, впрочем, нам теперь обоим все равно.

Вокруг шумит Париж и манит сладким пленом,
Но грустно, словно тень несбывшихся надежд,
В ушах моих звучит заученным рефреном:
«Париж и Будапешт, Париж и Будапешт...»

Будапешт 1995 – Париж 1998

* * *

Умытое холодной водою,
Крадется утро в сумраке обманном,
И, заблудившись, облако седое
Упало под ноги, прикинувшись туманом,

Размыло силуэты и цвета,
Лежит, безмолвное, подобно спящей птице.
В нем чудится покой и красота
Пером еще не тронутой страницы.

Но тает облако, и не на что пенять,
Да много ли умеют облака?
А утро будет что-то сочинять
За словом слово, за строкой строка.

А после тронет ветку в серебре
И листья, словно письма, бросит
Той, что рисует розу на стекле
И смотрит из окна на осень.

Ада Шмакова (Зинаида Кокорина)

Живу в г. Королёве МО. По образованию инженер-энергетик. Поэт, публицист и пишу для детей.

Писать начала с детских лет. Печаталась в газетах «Прихопёрье», «Авангард», «Вечерний Волгоград» в 1994–1998 годах, в это же время начала писать для детей.

С 1998 года мои стихи и статьи публикуются в газете «Калининградская Правда» г. Королёва.

Печатаюсь во многих журналах и альманахах: «Золотая строфа», 2009, «Парадоксы чувств», 2009, «Автограф», 2010, «Москва Поэтическая», 2006–2011 (где в четырёх номерах была победителем в различных номинациях); в детских журналах «Либерия», «Свирельки» и др.

Мои стихи вошли в альманах г. Королёва «Большевский Парнас», 2010. Являюсь лауреатом премии городского конкурса С.Я. Дурылина (г. Королёв) по детским произведениям (3-е место) г. Королёв, 2010. На этом же конкурсе отмечена благодарственным письмом книга «Птица вольная», 2011.

Изданы сборники стихов «Не по радуге-дуге», 2004 (Москва), «В осеннем танце», 2009 (Москва), сборник прозы и стихов «Птица вольная», 2011 (Москва); детские сборники стихов, 2004, «Солнышко для всех», «Мой зоопарк», «Остров мечты». Детские книжки «Солнышко для всех», «Времена года», «Весёлый паровоз» издают «ЛИНГ» и «АЛТЕЙ» с 2005 года.

Член ЛИТО им. Новикова-Прибоя г. Королёв, Союза писателей-переводчиков МОСПР, МРО МСП «Новый современник», редсовета журнала «Московский VAZAR».

Музыка рождения

Начало начал...
Нотой «ля» или «соль»
рождается музыка века!
Стон матери,
выстрадав муки и боль,
приветствует
жизнь
человека!

Духовной кантатою Баха,
в созвучии
с Бетховена скерцо,
не ведая боли и страха,
пульсирует –
детское –
сердце!

Ночная бабочка

Зачем, впорхнув в открытое окно,
ты пламя фонаря ночного обольщаешь;
танцую рядом, тело, крылья обжигаяшь,
трепещешь обезумевши?.. Но,
упав к моим ногам без чувств от ран,
вновь судорожно поднимаешь крылья,
пытаясь побороть боль и бессилье....
И вот, расправив резко гибкий стан,
опять уже порхаешь у огня!
Ночная бабочка, как мы с тобой похожи:
объятий пламенных и ты желаешь тоже.
Возьми в полёт свой дерзкий и меня!

Откровение

...Поцелуем касаюсь штриха на виске –
Наслаждением сердца пульсирует вена!
В полумраке рассвета она откровенна,
Как мой выдох на каждом твоём волоске.

* * *

Ещё не все
Погасли в небе звёзды –
Телец мой
Озаряет Млечный Путь.
Ты скажешь: «Рано...»,
Я вздыхаю: «Поздно...»,
Пытаясь тайно
Грусть с ресниц смахнуть.

...На запотевшей раме
Долго тает
Пылающей щеки
Прощальный след.
В рассвете растворился
Силуэт...
Телец – мой ангел –
Звёзды выключает;
Он говорил мне: «Да!»,
А сердце – «Нет...»

Сердцу хочется любить

В четырнадцать... в шестнадцать...
или в двадцать...
Когда любовь приходит в первый раз –
Хранишь её от посторонних глаз,
Боишься в этом сам себе признаться.

Избыток тёплых чувств стесняет грудь,
Из-под ресниц – жемчужных слёз поток...
Такой в душе пылает огонёк,
Что невозможно глубоко вдохнуть!

А в тридцать лет и в сорок...
в сорок пять...
Любовь такие пробуждает страсти,
Что сердце разрывается на части
От чувств, готовых пламенем сгорать!

Желания переполняют грудь;
Сияние звёзд ресницы опаляет...
Таковыми гейзерами чувство закипает,
Что не возможно глубоко вдохнуть!

Не хочет сердце возрасту сдаваться
И в шестьдесят, и в семьдесят...
Не смеет! –
Пока желаний угольки алеют –
У них ещё есть силы возгораться!

Истомы жар пронизывает грудь –
Былые страсти грёзами всплывают...
...И чувственность такая подступает,
Что не возможно глубоко вдохнуть!

* * *

Я не Дух,
чтобы, коснувшись глины,
Человека из неё слепить...
Но – слепила!
Чтобы быть любимой,
в счастье окунуться
и любить!
Чтобы взглядов
всполохи-зарницы
проникали в пальцы –
до ногтей...
Чтобы в чувствах пылких –
раствориться,
Не стесняться наготы своей!
...И – гореть(!) –
пока не стихнут страсти.
С совестью не спорить,
не жалеть...
Наслажденье мигом –
тоже счастье!
Даже
если мигом –
чтоб гореть!

Духи чувства в нас с тобой
вселили,
А про то, что люди мы, –
забыли.
Потому любовью не земною
было счастье,
слепленное мною.

Ты не ангел, или Курортный роман

Я из тебя слепила херувима.
Из солнца сотворила и песка,
морской водицей сбрызнула слегка...
И нарекла сама «моим любимым».

Я из тебя скроила херувима.
Воздушной пены сшила два крыла,
своё тепло и нежность отдала...
Поверила, что я – тобой любима.

Забыла я: песок с водой – не глина.
Из пены крылья первой же волной
размыло. И унёс с собой прибой
любовь... Не стало больше херувима.

Песочный мой кумир – мой истуканчик –
витающий над волнами мираж –
исчез... И загрустил со мною пляж...
Не ангел ты, увы...
Goodbye, мой мальчик!

* * *

Мой Пегас закусил удила
И, понуро уставившись в землю,
Сделал вид, будто спит или дремлет...
Эх, ему б в стремяна без седла
Музу!
Чтоб она – ему шпоры в бока,
Щекотнула б крыло поводком,
Свежей рифмойдохнула б легко...
И – умчатся они в облака!

Твои глаза

Ты знаешь ли цвет своих глаз,
дорогой?
Как камушки драгоценные,
Они принимают оттенок
порой
В тон твоего настроения.

Как ты улыбаешься –
видел хоть раз?
По-детски открыто, невинно...
И тут же – два лучика тонких
от глаз:
Короткой морщинкой и длинной.

Когда на душе
и уют, и покой –
В глазах огоньки озорные.
Меня поражают
своей глубиной
Топазы твои голубые!

Когда же ты сердишься...
Видел хоть раз?
Холодные мечутся стрелы!
И тут же
Прозрачно-небесный топаз
Опалом становится серым.

Когда же ты любишь –
то женщина знает:
Взгляд тёплый и томно-игривый.
Синь неба ночного
в глазах утопает...
Теперь уже это – сапфиры!

Ты знаешь ли цвет своих глаз,
дорогой?
Признайся, что я знаю лучше.
Желаю сапфир
и топаз голубой;
Опал же – ни в коем случае!

Верному другу мальвине

Собака у порога всё сидела;
Гуляя, добегала до угла.
В мои глаза внимательно глядела
С немым вопросом: «Где же он?»,
ждала.

Тоска в её зрачках не помещалась –
Выплёскивалась в берега белков.
Ночной порой в слезе звезда
купалась...
Угас задорный отблеск угольков.

Собака у порога всё сидела;
Сжимали сердце крепкие тиски.
Собачьей преданности
не было предела:
Сгорало тихо сердце от тоски...

* * *

Земля родная! Я хочу опять
Припасть к тебе, как к маминой груди.
Хочу твоим дыханьем тёплым стать,
Лёд растопить, перетерпеть дожди...
Хочу с тобой единым пульсом слиться,
И, растворившись в сладких ароматах,
В далёком детстве снова очутиться,
Забывать о болях, горечах, утратах...

И пусть потом печаль с моих ладоней
Уносит в небо ветер озорной!
Пусть с пеньем птиц,
со звоном колокольным
Сойдёт на землю милую покой!

* * *

Не зажигай звезду...
Так этот час беспечен,
когда заката бронзовые свечи
сжигают пламенем черту
на дальнем горизонте.
Повремени искать покой;
дай насладиться красотой
лазури в позолоте!
Спешат за солнцем облака;
дыханье их задует свечи...
Уже штрихует блики вечер
гуашью синей...
Но, пока,
Не зажигай звезду.

* * *

...А я люблю, когда зимой
Мороз в лучах искрится,
Когда дыханье надо мной
Седым парком клубится.

А я люблю, когда зимой
В кустах резвятся птицы,
Когда с горы кучей-малой
Клубок со смехом мчится...

Люблю промчатся по лыжне
К трамплину: «Прочь с дороги!..»
От взглядов холодок в спине:
«Не подвели бы ноги...»

А я люблю, когда зимой
Под минус двадцать-тридцать...
Когда морозец озорной
Румянцем красит лица!

Встречаюсь радостно с весной,
От зноя летом таю...
Взгрустнув осеннею порой,
Вновь о зиме мечтаю.

ПРОЗА

БастЭт Нуар (Анна Народицкая)

Я родилась в Москве. По первому образованию художник-график. Но основная моя профессия – преподавание. Я веду студию фитнеса и танца. Люблю свою работу и собираюсь танцевать до старости.

Обожаю море, солнце и кошек. Жить и писать книги мне помогает моя первая профессия художника. Она дала мне возможность видеть жизнь через призму красоты и цвета. Так я и живу – рисуя сказку в жизни и приглашая в свой уютный мир всех желающих.

Маленькая сказка

Однажды к душе, уставшей от потерь и страданий, прилетела бабочка. Коснулась легким крылом старых шрамов, согрела теплом. Душа встрепенулась, расправила плечи и вспорхнула вместе с бабочкой. Они летали над прекрасными полянами, полными цветов, и радовались жизни. Небеса очистились от облаков, солнышко янтарными лучами освещало путь. Душа преобразилась и стала еще красивее. Птицы, пролетая мимо, восторгались:

– Какая красивая душа! И как летит!

А небо улыбнулось и прошептало:

– Это просто потому, что ты очень любима!

Пустота

Каждый вечер, приходя домой с работы, одинокая рыжеволосая женщина садилась в уютное кресло и звонила подруге. Тема всегда была одна и та же: «Все мужики сволочи». Разговор подобен ритуалу: нога на ногу, голова откинута назад, в одной руке сигарета, в другой телефонная трубка. Голос звонко раздавался в пустой квартире. Так повторялось изо дня в день.

Прошло время. В квартире рыжей женщины поселился мужчина, а на её пальце появилось колечко. Теперь ежедневный ритуал изменился: женщина готовила ужин, мыла посуду, смотрела новости с мужчиной. Телефон сиротливо молчал на столике у кресла.

Но каждое утро, приходя на работу, рыжеволосая женщина, теперь уже замужняя, звонила подруге со служебного телефона. Тема слегка дополнилась: «Все мужики сволочи, но один из них – сволочь особенная».

Одиночество покинуло дом женщины, но не покинуло ее душу.

Большое сердце

Малыш сидел за столом и старательно выводил буквы в тетради. Карандаш не слушался, и буквы никак не хотели влезать в маленькие клеточки. Малыш вздохнул, насупил брови и обиделся на тетрадку...

С кухни потянулся приятный запах, мама пекла яблочный пирог. Увлеченная процессом

приготовления, женщина тихо напевала какую-то мелодию. Чуть позже, достав пирог из духовки, мама зашла в комнату малыша. На полу фломастером были нарисованы огромные клетки. А в них цветными мелками было крупно выведено слово «МАМА».

– Правда, красиво? – радостно спросил перепачканный мелками малыш.

– Конечно милый, очень красиво! – улыбнулась женщина. Она поняла – детская любовь преодолела границы тетрадного листа. Ведь, как известно, любовь вообще не имеет границ.

Дом

ДОМ – это место, где всегда ждут. В нем пахнет пирогами и часто слышен смех. В ДОМЕ на праздники накрывается большой стол, звучит музыка и приходят гости. А вечером приятно засыпать, уткнувшись в родное плечо и накрывшись теплым одеялом. Порой в ДОМЕ ссорятся, плачут и спорят, а потом обнимаются и мирятся в страстном уединении. И ночь наполняется такой энергетикой, что становится понятно – примирение состоялось. Здесь все время что-то происходит, и жизненной силой наполнены все шкафы и ящики. ДОМ – это место, где никогда не бывает страшно, потому что в нем царит любовь...

Есть другое место. Там не пахнет едой, там редко готовят. Кухня всегда чистая и пустая, как будто в ней никто не ест. В комнате тишина, прерываемая только болтовней телевизора и жужжанием компьютера. Порой включается тихая музыка, и в воздухе сгущается грусть. Изредка пространство прорезает звонок телефона. И ничего не происходит. Праздники здесь не очень отличаются от будней. И порой в праздничные дни можно услышать тихие

всхлипывания. В комнате с большой и красивой, но холодной кроватью по ночам бродит тупая бессонница. Здесь нет конфликтов и нет страстей. Но тут часто бывает страшно, потому что во всех углах прячется одиночество...

Потому что это не ДОМ, это просто КВАРТИРА...

Мираж

Ветка серебристого тополя заглядывает в кухонное окно. Листья приятно шуршат на ветру. Солнечный свет делит кухню пополам. Женщина сидит за столом, поджав под себя одну ногу, и вспоминает. Та же кухня, такие же солнечные лучи, но все было иначе. Тогда их было двое. На столе горячий, вкусно пахнущий завтрак, красиво расставленные приборы. Мужчина что-то говорит, и она улыбается в ответ на его шутку. Он подходит ближе, обнимает и целует в губы. Их тела сплетаются, дыхание становится прерывистым. Оба парят в невесомости, теряя ощущение реальности. Завтрак остыл, но им это уже не важно. Они счастливы...

Женщина встряхивает головой и, отбросив навязчивые мысли, смотрит в окно, где по листьям тополя мелькает солнечный зайчик. Она поворачивает голову и, посмотрев на стол, улыбается. Привычная чашка зеленого чая, мед и орехи. Вокруг уютно и чисто. Жмурясь на солнце, женщина сладко потягивается.

– Всё-всё! Хватит, это уже в прошлом. ТОГДА – было тогда, а ТЕПЕРЬ – есть теперь. Будем жить! – и женщина с наслаждением делает глоток горячего чая.

Солнечный луч гладит ее по лицу и по волосам: «Ты умница, ты все правильно поняла. Все только начинается...»

Авто-сказка

Жара плыла над городом. Колеса машин утопали в расплавленном асфальте. Металл накалялся, и над светофорами повисло марево миража. Зеркально сверкающая на солнце «гусеница» из автомобилей медленно ползла в утренней пробке. Среди плотного тягучего потока разноцветных машин не спеша ехал и наш герой. Маленький автомобильчик скромно продвигался вперед, никого не пытаясь обогнать. Он вообще был очень вежливый и милый малыш. Правда, определить марку этого шедевра автомобильного производства было совершенно невозможно. Потому что его владелец уже давно и упорно совершенствовал машину, вкладывая в работу всю свою фантазию. Так и катило по дорогам города это чудо, регулярно меняющееся внешне, но с неизменно хорошим настроением и покладистым характером. И это несмотря на то, что «малыш» постоянно был объектом насмешек других автомобилей, кичащихся своим происхождением и модным дизайном. Вот тюнингованный джип с хохотом пронесся мимо под громкую музыку, пугая округу немислимыми децибелами. Следом за ним плавно подъехала спортивная «Мазда». Хитро прищуривая фары, кокетка ехидно улыбнулась малышу и томным голосом проворковала:

– Ммм очаровательно! Какой прелестный, даже не пойму кто ты, красавчик. Может ты телега? А где же твоя лошадь?

Машины вокруг давились от смеха, булькая и всхлипывая.

– Да у него, наверное, мотор от кухонного комбайна!

– Нет, это и есть кухонный комбайн с колесиками! Вот умора!

Но наш герой не обижался. Он внимательно следил за дорогой, соблюдал правила и слегка улыбался краем бампера на отпускаемые в свой адрес шуточки. Маленький автомобиль относился философски к своей внешности. Он никогда не считал это важным для себя. Поэтому легко воспринимал насмешки других машин и переделки, которым подвергался по вдохновению его владельца. В пути автомобиль наблюдал за своими собратьями и, пока те надсмехались над ним, замечал забавные ситуации, происходящие с окружающими машинами. Вот и сейчас малыш отметил, как красotka «Мазда», отвешивающая колкости в его адрес, зазывно поморгала фарами в сторону могучего внедорожника «Хаммера». Тот же, совершенно игнорируя яркую «спортсменку», незаметно пристраивался все ближе к маленькой, скромной «Пежо». Видимо франуженка чем-то тронула душу здоровяка. Но на следующем перекрестке, издав мелодичный сигнал, «Пежо» неожиданно ушла в сторону, не оставив надежды ухажеру, продолжающему путь по главной магистрали. А наш герой продолжал двигаться в среднем ряду, наблюдая за попугчиками. Неожиданно, черный «Ниссан» нагло подрезал его справа.

– Подбери капот, придурок! – прорычал хамоватый клерк. «Ниссан», видимо, опаздывал в офис.

«Типичный карьерист», – подумал наш герой и ничего не ответил грубияну.

– Ба-а! Да у тебя крыша поехала! – воскликнул кто-то слева.

«Малыш» скосил фары и обнаружил строгий белый «Сааб» в крайнем ряду. Серьезный с виду автомобиль трясло от смеха. Ему так понравилась собственная шутка, что «Сааб» вибрировал на рессорах. А дело было в том, что сегодня утром наш

герой выехал на дорогу без верха. Владелец модернизировал свою машину за выходные так, что теперь крыша, в буквальном смысле слова, съезжала, как у спортивных моделей. Получилось, что шутка прозвучала, как говорится, в тему. Даже не на что было обидеться.

На следующий день, и в другие последующие дни и недели, история повторялась. Автомобиль менялся и, меняясь, постоянно подвергался насмешкам и издевательствам. Ну а поскольку маршруты были примерно одни и те же, окружающие автомобили развлекались по полной программе. Ведь у них тоже повторялись ежедневные маршруты: на работу и с работы, туда и обратно. Все как всегда, но теперь не скучно было стоять в пробках. Наш «малыш» и его изменения были поводом для веселых пересудов и сплетен. Даже светофоры приняли участие в обсуждениях новостей.

Машины, которые раньше не общались между собой, теперь приветствовали друг друга при встрече, неизменно спрашивая:

– Что нового? Видели нашего уродца? У него сегодня двери разные! Вот ведь, создали же такое убожество!

– Да-да! А капот, вы видели капот?

Автомобили бурно обсуждали новости, и, кажется, даже сдружились. Знаете, как это бывает, когда «дружат против» кого-то? Даже нарушений на дороге стало меньше. И вдруг он пропал...

Маленький «трансформер» не выехал с утра, не появился он и вечером. Машины ждали, но прошла неделя, другая, «малыша» не было видно. Все заскучали. Дорога стала казаться длиннее, чем была раньше. Повода для веселых разговоров не стало. Пробки раздражали, и раскаляли корпуса автомобилей. Грустное настроение охватило всех. Но в одно прекрасное утро, в потоке движения появился

новичок. Изящный обтекаемый корпус серебристой машины был украшен изысканной аэрографией. Автомобиль мягко пружинил на новеньких рессорах, а через открытый верх был виден стильный кожаный салон.

– Боже! – воскликнула соблазнительница «Мазда». – Какой красавец! Я хочу с ним познакомиться! – И она стала протискиваться между машин.

«Хаммер» даже «закипел» от ревности. Он привык быть в центре внимания кокетки, а тут какой-то выскочка объявился. Остроумный «Сааб», при виде изысканного новичка, потерял дар красноречия и скорость, съехав в крайнюю правую полосу.

Карьерист «Ниссан» не выдержал первым:

– Эй, братан, ты откуда такой крутой нарисовался? И почему мы тебя тут не видели раньше? – подхалимно поинтересовался грубиян.

– Мы с хозяином были в отпуске, – знакомым голосом ответил новый автомобиль. – Он много работал со мной, и выезжать было просто некогда.

Бывший «Малыш» смущенно улыбнулся всем капотом, ему было приятно, что его появление заметили, и что по нему скучали. Он легко катился вперед и был совершенно счастлив.

Над дорогой повисла тишина. Автомобили были в шоке. Движение продолжалось под шуршание шин. Машины пытались осознать случившееся. Как могло так произойти, что страшенький автомобильчик непонятного происхождения, над которым все смеялись, превратился в столь великолепное совершенство? И никто не мог объяснить бедолагам, привыкшим воспринимать только внешний облик, что секрет волшебного превращения прост. Владелец автомобиля **ОЧЕНЬ ЛЮБИЛ** своего «Малыша». А **ЛЮБОВЬ**, если она настоящая, созидает, преображая **ЛЮБИМОГО**, помогает ему добиться большего. В

душе ЛЮБЯЩЕГО предмет восхищения ВСЕГДА ПРЕКРАСЕН, и постепенно весь окружающий мир тоже начинает видеть эту КРАСОТУ.

А как же иначе?

Из цикла рассказов «Волшебный калейдоскоп»

Право на любовь

– О! Потрясающе! Как много прекрасного вокруг! Все эти роскошные рассветы и закаты! Скорее, надо все сфотографировать!

Так восклицала маленькая аккумуляторная батарейка. Она была очень романтична и к тому же влюблена в новенький цифровой фотоаппарат. Его образ жизни она принимала полностью и не жалея сил отдавала энергию. А энергии у нее было хоть отбавляй. Это была очень энергичная батарейка. Вместе со своим возлюбленным батарейка много путешествовала и всегда чувствовала, как сильно она нужна. Для нее это было очень важно – оставаться незаменимой. Так могло продолжаться очень долго. Но в один, далеко не прекрасный, день фотоаппарат сказал:

– Нам нужно поговорить...

Батарейка заволновалась. Ей не понравилось то, как её любимый это произнес.

– Дорогая, ты всегда была любящей и преданной мне. Поверь, ты всегда останешься для меня самым близким другом, – промолвил фотоаппарат, – но пойми, все имеет свой срок. Я заполнил свою память до предела, сделал все фотографии. И теперь мне нужен отдых.

– А как же я? А что будет со мной? – заплакала батарейка.

– Ты еще полна сил, и сможешь найти для себя счастье. Ты найдешь того, кому ты будешь необходима. Ты же очень сильная, – успокаивал ее бывший возлюбленный.

На этом они расстались. Маленькая батарейка старалась мужественно переносить свое горе. Она верила в то, что обязательно найдет свое счастье. Это была очень добрая и неунывающая батарейка. Малышка ждала и берегла силы. И вот, в ящике стола, где она лежала, появился он, изящный красавец МП-3 плеер. Он тоже заметил батарейку, и его дисплей приветливо мигнул. Знакомство благополучно состоялось, и прошло совсем немного времени, как они уже не мыслили существования друг без друга. Плеер был меломан и постоянно что-то мурлыкал. Преданная батарейка, забыв о прежних печалях, без устали отдавала свою энергию. Она снова чувствовала себя любимой и нужной. Слушая музыку, которую играл возлюбленный, девушка почти танцевала. Ей казалось, что теперь у нее не ubyло, а прибыло энергии, так она была счастлива!

И вдруг наступила тишина...

– Нам надо поговорить, – сказал плеер.

«Нет! Не может быть! Этого не могло случиться со мной опять!» – кричал голос внутри батарейки.

– Дорогая, пойми, ты уже не девочка. Ты устала и утратила много сил. Тебе тоже надо отдыхать. Подумай о себе.

Его голос был спокоен и тих.

– А ты? Куда ты? Без меня? – бедняжка пыталась сдержать слезы.

Он немного помолчал, потом ответил:

– Твоих сил теперь хватает только на то, чтобы слушать радио. А мне необходимо играть очень энергичную музыку. Я творческая личность,

музыкант. Мне нужно приобрести второе дыхание, поймать вдохновение. Возможно, мне нужна другая, более свежая, новенькая батарейка. Прости. Останемся друзьями?

Плеер заискивающе улыбнулся...

Некоторое время батарейка просто валялась в ящике стола, не в силах даже думать о чем либо. Ей казалось: еще немного, и у нее потекут контакты. Потом она собралась с силами и поняла, что еще не все потеряно, потому что чувствовала, резерв её энергии не иссяк, еще есть надежда на светлое будущее. Решив тратить себя разумно, не сгорая в огне любви, как это было раньше, батарейка ответила на ухаживания настольного электронного будильника. Он давно заигрывал с ней. Отношения у них сложились ровные и комфортные. Будильник был сдержан и корректен с девушкой, а вежливая и ответственная батарейка добросовестно выполняла все, что от нее зависело. Благодаря её стараниям, ход часов был точный, не отставал и не спешил ни на секунду. Наконец-то все стало хорошо и ровно. Тик-так, тик-так, тик... неожиданно темнота поглотила все.

Когда батарейка очнулась, она поняла, что снова лежит в ящике стола. Одна. Бедняжка даже не пыталась думать о том, куда делся будильник, и так все было ясно. Резерв её энергии иссяк. Жизнь закончилась. А ведь она еще так молода.

Грустные размышления прервал тихий голос, раздававшийся совсем рядом:

– Ты долго была без сознания. Не грусти, малыш, у тебя еще все впереди. Позволь представиться. Зарядное устройство для аккумуляторных батареек. Но давай без церемоний, зови меня просто Зарядник.

Батарейка присмотрелась. Какой он симпатичный, и кажется таким милым. Слабым голосом она произнесла:

– Спасибо, но боюсь со мной все кончено. Я потеряла все силы. Отдала все, что могла. Но любовь меня так и не спасла.

Несчастливая грустно вздохнула.

Зарядник улыбнулся:

– Любовь? А разве это была любовь? Ты отдавала всю себя, но никто и никогда не заботился о тебе. Малышка, запомни, любовь не убивает, она дает силы. Теперь ты со мной, и я помогу тебе всегда чувствовать себя полной сил. Я знаю, что ты привыкла отдавать, и будешь покидать меня порой, чтобы помогать другим. Но отныне и навсегда ты будешь возвращаться ко мне. А я буду тебя восстанавливать. Потому что я действительно люблю тебя. Ведь я создан для тебя, и я твоя половинка.

Страдалица счастливо улыбнулась и вздохнула с облегчением. Наконец-то она действительно почувствовала себя защищенной и любимой. Вскоре батарейка забыла обо всех потерях и страданиях, выпавших на ее долю. Ведь если веришь в свою удачу, она непременно придет. И как бы ни складывались обстоятельства, у каждой батарейки обязательно будет свой зарядник. Потому что даже самое маленькое существо имеет право на любовь.

Шкала ценностей

В шкафчике с инструментами шла оживленная беседа. Сначала в обсуждение насущных проблем пустились пила и рулетка, позже к ним присоединились плоскогубцы. От вопросов текущего в квартире ремонта друзья перешли к разговору о личном.

Пила возмущалась, обращаясь к рулетке:

– В наше время настоящих мужчин не найдешь, все какие-то хилые и нервные. Только и ворчат, и всем они вечно недовольны! – возмущалась она.

– Что ж ты хочешь от них, если ты их вечно пилишь? – парировала рулетка.

– Не скажите, девушки, – вступили в разговор плоскогубцы. – Мужчины все разные, нельзя всех одним аршином мерить. И еще много зависит от того, какая подруга рядом, и как она к своему другу относится.

– А что вы, собственно, имеете в виду? Вы уж, пожалуйста, примеры нам дайте, а не рассуждайте голословно, – заинтересовалась пила.

– Да пожалуйста! Сколько угодно, – плоскогубцы многозначительно пощелкали и продолжили: – Вот, например, болты. Весьма избалованные и себялюбивые молодые люди. Таким не нравится прикладывать много усилий. Они предпочитают на все готовое придти.

– Совершенно с вами согласна! – воскликнула рулетка. – Болты себе место подготавливать не будут, им всегда уже точно подходящее отверстие подавай.

Рулетка, усмехаясь, изобразила, как будто она меряет по сантиметру.

– Именно это мы и говорим, – согласились плоскогубцы. – Кроме того, надо точно гайку подобрать и крепко закрутить, иначе болт быстро разболтается. А потом ищи ветра в поле! Не постоянные они, болты эти.

Пила прогнулась в раздумье.

– Ну, а что вы скажете о шурупах? – спросила она.

– Шурупы – другое дело, надежные парни. Правда, тут тоже много зависит от отношения.

Плоскогубцы явно наслаждались разговором. Похоже, они давно хотели поделиться своими наблюдениями.

– Так вот, – вещали мудрые плоскогубцы, – если дрель помогает шурупу, то он легче приспособливается, хотя нежная отвертка тоже может много добиться от парня. В любом случае шурупы – трудяги, ввинтятся куда угодно. Но главное – эти мужчины надежны и постоянны.

Рулетка заслушалась и даже, размечтавшись, немного ослабила пружину, так что из нее выползло сантиметров пять металлической ленты.

– Ты так не расслабляйся, – одернула рулетку пила, – вот попадетя тебе гвоздь какой-нибудь, вот уж заплачешься с ним!

Пила знала, о чем говорила. Она не раз натыкалась на гвоздь и немало зубцов на них затупила.

Плоскогубцы поддержали пилу:

– Да, гвозди – ребята никчёмные. Во-первых, их надо все время по шляпке лупить. Без усилия от них ничего не добьешься. Во-вторых, они часто пасуют перед трудностями, сгибает их жизнь пополам и в три погибели. Потом не вытащишь да и не выпрямишь. Так и будет сломленным и никчемным всю жизнь. Плоскогубцы снова пощелкали для важности.

– Ага, – добавила рулетка, – хилые они, гвозди эти. Не мужики – тряпки.

– А еще есть такие сердцееды! – мечтательно изогнувшись, пропела пила. – Дюбель-гвозди! Ах, это такие мужчины! С одного выстрела, и прямо в сердце.

– Ой, девушки, дюбель-гвозди – ребята опасные, – заволновались плоскогубцы, – с ними осторожнее надо. Такие донжуаны и альфонсы попадаютя среди этих дюбель-гвоздей. Потом их никакими силами не выдернуть, такие цепкие!

Рулетка вздохнула:

– Как же трудно не ошибиться с выбором, это такая важная проблема!

Собеседники, увлекшись, не заметили, что весь их разговор слушал молоток, тихо лежавший в углу. Он долго молчал, терпел и вот, наконец, не выдержал.

– Что вы тут за базар устроили? Пустые это все разговоры. Тоже мне, шкала ценностей! – сердито воскликнул молоток. – Работать надо больше, и меньше о ерунде болтать. Тогда каждому шурупу найдется отвертка, а каждому гвоздю – своя доска. От судьбы не уйдешь, как ни старайся. И хватит болтать! Стукнуть бы вас разок...

Молоток отвернулся и замолчал. Инструменты затихли. Может, испугались сердитого соседа, а может, просто потому, что он был прав?

Сила притяжения

Ярко красные туфли на высокой шпильке были необыкновенно хороши! Натуральная кожа и изящная колодка говорили о высокой цене. Когда стройные ножки в этих туфельках вышагивали по улице, все окружающие представители обувного мира замирали от восторга. Слышны были восхищенные возгласы.

– Какой шик и гламур! – выстукивали каблучками белые босоножки.

– О! Соблазнительные красотки! – восклицали мужские ботинки.

А мягкие сабо на низкой танкетке только вздыхали:

– Дааа...молодость многое может себе позволить.

Красные туфли звонко вышагивали по тротуару, осознавая свою красоту и наслаждаясь прогулкой. Неожиданно из-за угла выскочили весьма потрепанные спортивные кроссовки. Резко затормозив прямо перед испуганными туфельками,

кроссовки сделали прыжок в сторону и, не останавливаясь, помчались дальше.

– Боже, какой ужас! – воскликнули хором туфли.

– Они чуть не наступили на нас, какая невоспитанность! – возмутилась правая туфелька.

– Да-да! И к тому же они грязные и потертые. Фууу... – отозвалась левая.

Но обе подумали, что обиднее всего то, что кроссовки попросту не заметили ярких красавиц. Это сильно задело их самолюбие. А кроссовки в это время неслись по парку и думали только о приближающемся финише.

Та же история повторилась и на следующий день, и через день, так что туфли просто не могли оставить без внимания такое пренебрежение собой.

– Мы должны показать кто мы такие, да как они смеют не замечать нас! – возмущались красавицы. – Какие-то грязные кроссовки, они, вообще, должны быть счастливы от того, что мы рядом проходим!

На самом деле туфли просто не смели признаться себе в том, что влюбились в совершенно не «подходящую» им обувь. Ведь они, вполне изысканные туфли, обратили внимание на неухоженных спортсменов. Но с чувствами не поспоришь. И вот, на следующий день, туфли проходили все тем же привычным маршрутом. В тот момент, когда кроссовки показались из-за угла, правая туфелька подвернула каблук.

– Ой! – громко вскрикнула хозяйка туфель.

Кроссовки, уже было проскочившие мимо, притормозили и остановились.

– Вам помочь? – раздался голос хозяина кроссовок, которые уже заботливо оглядывали пострадавшую правую туфельку. Она смутилась, и, если бы не красный цвет кожи, было бы заметно, как туфелька покраснела. Несколько минут спустя, мужчина и женщина сидели на лавочке и мило

беседовали. А внизу кроссовки уже не могли оторвать взгляда от красавиц туфель. Мимо строго прошагали офисные мужские ботинки, удивленно и неодобрительно посмотрев на странную пару. Но те уже не замечали никого вокруг. Они были увлечены друг другом.

Через неделю стоящие на полке в прихожей яркие красотки услышали звонок в дверь. Хозяйка кинулась открывать, распространяя вокруг себя аромат легких духов. Дверь открылась, и на пороге показались старые знакомые. Кроссовки были тщательно вымыты и выглядели намного привлекательней, чем раньше. Даже шнурки, кажется, стали чище. Спустя полчаса, на кухне уже раздавался звонкий смех хозяйки. Вскипел чайник, и в прихожую доносился аромат ванили. На полке, рядышком, стояли красные туфли и кроссовки, шнурки которых нежно обвивали тонкие каблочки подружек.

Ну что тут скажешь? Не подчиняется любовь ни логике, ни правилам. И даже полные противоположности становятся самыми близкими. Такова сила притяжения любви.

Ольга Моисеева

Родилась и живу в Москве, окончила английскую спецшколу, потом Московский Авиационный Институт. В поиске себя сменила несколько профессий: инженер, переводчик с английского, менеджер, преподаватель художественной резьбы по дереву, преподаватель английского языка.

Увлекаюсь разными видами творчества, но писательство неизменно остаётся самым любимым способом выйти за привычную грань нашего мира.

Пишу с 1997 года – поначалу душа всё требовала стихов, а теперь как-то больше выходят прозаические произведения, и почти все они фантастические – любимый с детства жанр, которому остаюсь верна все эти годы. А что касается тем... так ведь, если присмотреться, они всегда одни и те же: жизнь, смерть и, конечно, любовь – такая разная!

Печаталась в журналах «Если», РБЖ «Азимут», «Знание - сила. Фантастика», «Уральский Следопыт», «Шалтай-Болтай», «Лауреат»; сборнике «Звёзды ВнеЗемелья», первом и втором выпусках альманаха «Московский Дом».

Член Московского Салона Литераторов, редактор и корректор.

Когда нельзя убить

– Кто там?

Бархатный, низкий для женщины, очень приятный голос.

– Здравствуй, Лайла. Это Андрей.

Ослепительно улыбаюсь в камеру, зная, что выгляжу безупречно. Лёгкий костюм из белого льна, светло-голубая рубашка под цвет моих глаз и бело-розовая кустовая гвоздика в руках. Это любимые цветы Лайлы. Их тонкий, нежный аромат добавляет моему образу ещё больше изысканности.

Щёлкает замок, я вхожу и почти бегом поднимаюсь по лестнице. Настроение прекрасное.

Лайла распахивает дверь:

– Проходи. Устраивайся пока здесь, на диване. – Она тоже улыбается, но глаза остаются серьёзными, а под мастерски сделанным макияжем угадываются последствия бессонной ночи. – Можешь налить себе выпить. – Она указывает на маленький столик, где теснятся бутылки и запотевшее ведёрко со льдом. – Хочешь, включи музыку.

– Музыку! – соглашаюсь я. – Ленвоки Рилс, альбом «Странствия души», средняя громкость.

Повинуясь моей команде, музыкальный центр включает «Свет за окном» – первую песню альбома.

– Я буду готова через пять минут, – говорит Лайла, направляясь в другую комнату.

– Не спеши, у нас полно времени, – отвечаю я, подходя к столику с напитками.

Но она появляется, как и обещала, ровно через пять минут с электронным планшетом в руках. Шёлковый брючный костюм брусничного цвета

изумительно оттеняет белизну её кожи и блеск чёрных волос. Лайла присаживается рядом со мной на диван и включает планшет.

– Вижу, тебе нравится Ленвоки Рилс, – говорит она, и я киваю. – Мне тоже. У него поразительная поэзия... – Она быстро находит нужную книгу и начинает не спеша прокручивать страницы. – В этом сборнике нет текстов песен, только то, что не положено на музыку. Есть что-то особенное, завораживающее в этих строках, которые, по мнению самого Ленвоки, должны навсегда остаться только стихами... Можно я тебе немного почитаю?

– Давай, – я заинтригован.

– Музыка, снизить громкость до первого уровня, – произносит Лайла, и звук послушно угасает, оставаясь едва заметным фоном.

Она начинает тихо и робко, но необыкновенный, живой мир Рилса быстро затягивает, и уже со второй строки Лайла читает уверенно и с выражением. На её щеках проступает лёгкий румянец.

Я хорошо знаю это стихотворение, но, растворённое в движениях губ и ресниц Лайлы, в низком, с едва заметной, волнующей хрипотцой, голосе, оно наполняется новыми глубокими красками, заставляя ловить каждое слово...

Лайла читает, а я смотрю на её профиль и не могу отвести взгляд. Она так красива! Так невероятно, фантастически прекрасна, что у меня сжимается сердце, а в груди становится горячо-горячо... даже трудно дышать...

Голос Лайлы смолкает. Она закрывает книгу и, не поднимая головы, не глядя на меня, спрашивает:

– Тебе понравилось?

– Да.

Я осторожно беру её за плечи и разворачиваю к себе. Нежно провожу ладонью по волосам, откидываю

упавшие на лицо локоны. Румянец на щеках Лайлы становится ярче.

– Андрей...

– Я люблю тебя, Лайла.

Мы выходим из дома только через два часа. Мы безбожно опаздываем, и нам от этого безумно весело.

Зал переполнен, хотя билеты стоят баснословных денег. В наш город прибыла звезда поющего танца – невероятный, ослепительный Илио Тан. Сегодня единственное выступление, и оно уже началось. Те, кому не досталось сидячих мест, стоят в проходах, но наши места в первом ряду свободны, и служащий ведёт нас сквозь полутёмное, напоённое чистыми, сильными звуками пространство, мимо замерших в восхищении людей. Балет словно бы неподвластного гравитации Илио рождает песню неземной красоты, и Лайла, кажется, даже перестала дышать, погрузившись в волшебный мир великого танцора. Я пытаюсь расслабиться и получать удовольствие так же, как и все в этом зале, но не получается... Понимаю, что веду себя ужасно глупо, но ничего не могу поделать – я ревную. Бешено ревную Лайлу к Илио.

После концерта нас ждёт романтический ужин на берегу океана, и вот наконец мы с Лайлой остаёмся наедине и, одержимые страстью, до утра занимаемся любовью...

Мелькает калейдоскоп феерических зрелищ, шикарной еды, перелётов классом суперлюкс... Третий день сумасшедшей гонки за удовольствиями подходит к концу.

Я лежу на кровати обессиленный, Лайла выходит из душа и открывает платяной шкаф. Она долго, внимательно рассматривает платья и задумчиво перекладывает бельё. Потом, выбрав

наконец наряд, начинает не спеша одеваться. Она делает это так медленно и тщательно, что мне становится не по себе.

– Куда мы на этот раз? – Я сажусь на постели.

– О, нет, ты лежи. Мне просто надо ненадолго отлучиться.

– Что значит – отлучиться? – Я растерялся: до сих пор мы не расставались ни на секунду. В груди просыпается незнакомый доселе холодок. – А я?

– А ты останешься здесь и немного подождёшь.

Я чувствую странную дрожь. Будто наш с Лайлой мир теряет ясность и устойчивость, как сон, от которого неминуемо придётся очнуться.

– Я пойду с тобой, Лайла! – Я бросаюсь к ней, вскочив так резко, что кружится голова.

– Андрюша! – Она ласково берёт в ладони мою голову и целует сначала в одну щёку, потом в другую. – Успокойся, милый. Я просто должна сделать одно личное дело. Женские секреты, понимаешь?

Ни черта я не понимаю, ни черта!

– Пожалуйста, Андрей, обещай, что никуда не уйдешь... Ради меня.

Я остаюсь в квартире один и погружаюсь в липкое, тяжёлое ожидание. Смотрю в одну точку, а в голову лезут такие мысли, что слева, за грудиной, просыпается пульсирующая боль. Я стараюсь её не замечать, стараюсь ни о чём не думать...

Они явились примерно через час после того, как Лайла ушла. Открыли дверь своими ключами и похозяйски ввалились в комнату.

– Кто вы такие? Где Ла...

– Всё, конец записи.

– Слушай, блеск! Настоящая личность! Все его чувства были искренни!

– Ещё бы, я пять лет корпел! А кстати, как тебе моя новая идея запуска программы? По-моему, получилось неплохо.

– Неплохо? Да это же просто супер! Мне всегда не нравилось тупое зачитывание цифровой последовательности. То ли дело стихи! И естественно, и романтично! Только вот Рилс так популярен, кто-то мог случайно программу инициировать.

– Да брось! Как ты себе это представляешь? Кто-то на улице, проходя мимо, случайно прочёл бы, причём вслух, стихи именно Рилса и именно в тот момент, когда Андрей направлялся к дому Лайлы? Бред! К тому же я взял не популярную песню, а те стихи, что только знатокам известны.

– Ну ладно, ладно, сдаюсь! Убедил! Придуманно здорово.

– Да, думаю, в Центре такого ещё не видели. Полчаса назад отправил им копию записи.

– Отлично! А они? Уже передали нам воспоминания девицы?

– Обещали, что пришлют в течение часа... Девицу звали Лайла Брукс.

– Уверен, всё будет топ-топ.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь! Не дай Бог, окажется что-то не то... Уволят в два счёта! А без работы мне – каюк... Куда я устроюсь? Вакансий нынче, сам понимаешь, не бывает... Только и останется, что воспользоваться своим законным правом на эвтаназию.

– Зато сможешь оттянуться, как эта Лайла Брукс – три дня восхитительного безделья и роскоши!

– Увы. Эта дамочка была одинока, а у меня – ребёнок! Так что предпочту получить деньгами. И всё перечислю на счёт дочери. Уступлю ей место в этой плотно набитой людишками старой консервной банке с ласковым названием Земля...

– Э-э, да ты поэт!.. Теперь понятно, почему ты взял стихи для запуска программы.

– Напрасно веселишься.

– Веселюсь? Да было бы от чего... Мне неделю назад сорок пять стукнуло – кошмар, сколько льгот отрезало. Ровно в два раза моя добровольная смерть подешевела...

– ...Ладно, чему быть – того не миновать... Давай работать.

– Да! Пойду проверю Андрейкино тело. «Пульсирующая боль за грудиной» настораживает. В конце записи, помнишь?

– Угу... Слушай, неужели сердце?! Тело же совсем новое, только выращенное!

– Да, первая эксплуатация. Физически субъект был – крепче не придумаешь, так что если его здоровье пошатнулось – это вина твоей новой программы!

– Но... но мы же и хотели чистого испытания, разве нет? Чтобы, в случае чего, не пенять на изношенное, сто раз использованное тело, правильно?! И руководство одобрило... Вот чёрт!!

– Да ладно, не психуй ты раньше времени. Я ведь ещё ничего не проверял.

* * *

Как здесь холодно. И темно... Лайла!.. Лайла, ты где?..

Я ничего не вижу, а на ощупь кажется – это какой-то довольно узкий туннель... Как отсюда

выбраться? Я вроде бы иду, и в то же время меня преследует стойкое ощущение, будто вместо того, чтобы продвигаться вперёд, я туго марширую на месте...

Звук! Мерно повторяющийся, знакомый звук... А, я понял! Это шаги! Кто-то идёт... справа, за стеной туннеля!

– Эй!! Там кто-то есть? – Я бросаюсь к стене. – Э-э-эй! Вы где, отзовитесь!

Я неистово барабаню кулаками по стене, заглушая шаги. Они удаляются! Нет, нет, постойте! Не уходите! Звук шагов смолк.

– Кто это? – Голос немолодой женщины.

– Меня зовут Андрей, и я тут... не понимаю ничего...

– Вы что же, не видите, куда надо идти, Андрей? – удивляется женщина.

– Нет! Здесь тьма кромешная! – я прикипаю к стене, боясь потерять нить этого голоса. – А у вас, что, светло?

– Да, я иду на свет.

– А это в каком направлении?

Женщина за стеной молчит.

– Эй! – Я снова стучу в стену. – Простите, я не спросил вашего имени... вы ещё там?

– Да.

– Как вас зовут?

– Марина... Марина Завьялова.

– Послушайте, Марина, мне очень нужно отсюда выбраться и найти Лайлу! Я обязательно должен это сделать, понимаете?

– Кажется, понимаю...

– Кажется? Что вы имеете в виду? Вы можете мне помочь? Пожалуйста!

– Хорошо, – чуть подумав, отвечает она. – Держитесь за меня.

– Как? Как держаться?! – И тут же я вдруг чувствую тепло – оно идёт от женщины и проникает сквозь стену, касаясь моего тела.

– Держитесь за тепло. И не разговаривайте больше со мной, это мешает идти.

Я молча хватаюсь за тепло, как за руку, а невидимая мне женщина уже продолжает свой путь, и я понимаю: время вновь тронулось с места. Теперь я точно иду вперёд, а не топчусь на месте.

Марина Завьялова. Кто она? Это имя мне не знакомо... Холодная дрожь пробирает меня до костей, когда я внезапно осознаю, что у меня, кроме Лайлы, вообще нет никого. Ни одного близкого человека. И... я не помню! Не помню ничего, кроме тех трёх дней, что мы провели с Лайлой! Где мы жили до этого? Сколько мне лет? Я только знаю, что меня зовут Андрей, но кто я по жизни? Чем занимаюсь? Миллион вопросов и ни одного ответа! Как я здесь оказался? И где это «здесь»?..

Последний кадр моей памяти – небольшой нацеленный на меня чёрный вытянутый предмет в руках одного из парней, вломившихся в квартиру Лайлы...

Я иду, опустив голову, и в какой-то момент совершенно неожиданно замечаю, что могу различить собственные ноги и гладкий, чуть блестящий пол.

– Свет, Марина! Я вижу свет! Слышите?

В тот же миг тепло выскользывает из моей руки.

– Ох, нет! Я вас потерял! Марина! – Рука шарит по холодной стене – я больше не чувствую, где находится женщина. Неужели это из-за того, что я нарушил молчание и заговорил с ней?!

– Нет! – отвечает Марина на мои мысли. – Просто здесь наши туннели расходятся. Прощайте, Андрей. Найдите Лайлу Брукс, она тоже этого хочет. – С каждым словом голос женщины звучит тише – Марина уходит.

– Стойте, подождите! Так вы знаете Лайлу?!
Когда вы её видели? Скажите, где она сейчас?

– Думаю, должна быть где-то тут... – Последнее слово я уловил уже на грани слышимости.

– Марина!

Звук моего голоса мгновенно душит плотное одеяло тишины, и вокруг воцаряется глухое безмолвие... Впереди маячит тусклый беловатый круг, и мне ничего не остаётся, как двигаться к нему.

Шаг, второй, третий... В лицо ударяет холодный и колючий встречный ветер. С каждой минутой он усиливается, но я продолжаю идти. Моя Лайла где-то здесь, и я найду её!

Ветер хлещет в лицо и грудь, пытается выбросить меня из пространства туннелей, я с трудом переставляю ноги и пригибаюсь так низко, что уже не вижу света.

Я люблю тебя, милая! Я забыл всё, а тебя помню! Потому что ты – моя жизнь, тепло, которое не исчезнет... Наши дороги никогда не разойдутся в разные стороны. Я не допущу этого!

Я вспоминаю каждое мгновение, проведённое с Лайлой, каждый взгляд, каждое прикосновение рук и губ. Внезапно я чувствую – она рядом! И теперь ЕЁ тепло ведёт меня вперёд.

Порывы ветра достигают такой силы, что я распластываюсь по полу и ползу, отчаянно толкаясь руками и ногами. Я не сдамся! Я иду к тебе, любимая!

* * *

– Этого просто не может быть! Тело абсолютно новое, была всего одна эксплуатация.

– Смотрите сами: «Не удаётся активировать. Проверьте правильность подключения»!

– Ну так проверяй!

– Да сто раз уже проверял, всё – как положено, а компьютер продолжает долдонить одно и то же, как попугай!

– Может, глючит?

– Ну, я тоже так подумал, и уже переключался на дублирующую систему – ничего не меняется!

– Хм... Слушай, а чем усыпили этого, как бишь его... Андрея?

– Да, Андрея. А усыпили обычным станнером Л-модификации. Я его уже и так и сяк и наперекосьяк протестировал – нормальный, исправный прибор.

– Значит, дело в заложенной программе! Надо найти способ удалить её из мозга субъекта!

– Да как я её удалю, если мозг не активизируется?! Это всё равно что стереть данные в выключенном компьютере!

– Но мы не можем разбрасываться дорогими телами, этот Андрей нужен нам уже к завтрашнему вечеру! Так что ищи какие-то варианты! Из неработающего компьютера, например, можно вынуть отказавший жёсткий диск.

– Нельзя просто вынуть один мозг и вставить другой. Это же не железка! Тело выращивается целиком, а не отдельными частями!.. Хотя...

– Ну?!

– Программу можно убить, воздействуя на нейроны электро-химическим специпульсом, но это вызовет органические разрушения.

– Ну вот, а говорил – ничего нельзя сделать! Давай работай!

– Мозг будет повреждён!

– Ничего, времени у тебя почти сутки, так что успеешь устранить все повреждения. Иначе какого чёрта я держу тебя на работе и плачу деньги?

– Но...

– Действуй!

Ура! Я добрался! Теперь понятно, почему свет такой тусклый. Оказывается, он пробивается через полупрозрачный кусок стены. Этот свет в другом туннеле, не в моём. Он не для меня, а для тебя, Лайла! Ты придёшь сюда, ты обязательно придёшь, я знаю! И буду ждать тебя здесь. Изо всех сил бороться с этим проклятым ветром и ждать...

Пока я жду, в голову приходят разные мысли. Например, отчего мой туннель так же тёмн и пуст, как моя память до того, как трое суток назад я вошёл в квартиру Лайлы... Почему, чёрт возьми, у других есть свет, а у меня нет? Перед глазами всплывают люди с нацеленным на меня чёрным предметом... Вот кто лишил меня памяти! Они!

Они заставили Лайлу уйти, а меня отправили сюда...

Ветер так неожиданно стихает, что я падаю на четвереньки. В тишине туннеля вдруг раздаётся странный звук, похожий на тихое потрескивание, и я всей кожей ощущаю приближение какой-то новой напасти. Вскочив, я разворачиваюсь спиной к светлomu пятну на стене, вжимаюсь в него и чувствую, как тепло Лайлы усиливается. Она идёт ко мне!

Потрескивание тем временем становится громче, и из тьмы туннеля появляется нечто. Больше всего оно похоже на пучок блестящих металлических жгутов с разлохмаченными концами. Извиваясь как змеи, жгуты поворачиваются из стороны в сторону. На лохматых концах вспыхивают и трещат голубые искры. Я замираю, ясно осознавая, что «змеи» ищут меня, но пока почему-то не видят... может оттого, что я слился с теплом Лайлы? Она приближается и скоро мне придётся говорить и двигаться, иначе она меня не заметит и просто пройдёт мимо. Как только я

пошевельюсь, «змеи» меня увидят и... убьют, конечно. Ещё один сюрприз тех, кто отправил меня сюда.

Ублюдки! Вы решили, что мне не положена нормальная жизнь, не положен свет, а только – тьма, холод, чёртов ветер и ещё какая-то смертоносная дрянь! Да кто вы такие, чтобы ЭТО решать?! Кто, дьявол вас раздери?!!

Будьте вы прокляты!!

* * *

– Алло, здравствуйте! Это Виталий Разин, отдел программирования эскорта. Соедините меня с тем, кто осуществлял ментальное сканирование Лайлы Брукс, я до сих пор не получил её воспоминания... Да, добровольная эвтаназия... Сегодня... Что?! Как нет? Что значит «безвозвратно утеряны»?! Какая ещё Марина Завьялова?.. Ну?.. И что?.. ...Бред какой-то, немедленно соедините меня с вашим начальством!.. А... Ладно, я понял.

– Ты чего вопишь как резаный, в коридоре слышно?

– А тебе-то что? За каким хреном припёрся?

– А ты мне не хами!! Я тут из-за твоей программы, между прочим! Мозги Андрея от неё так переклинило, что придётся импульсом чистить! Что мог эскорт по твоей милости с этой девахой Лайлой такого делать, чтобы с катушек слететь, а?

– Да ничего он не делал! Ни-че-го! Любил её, вот и всё! Именно этого я и добивался от новой программы! Я хотел создать такой эскорт, чтобы за него не жалко было и умереть! И у меня получилось! Он любил её по-настоящему, ты сам видел запись!

– Значит, надо ещё раз внимательно её просмотреть! И сравнить с воспоминаниями этой Лайлы, может тогда что и прояснится.

- Ха! Ха-ха!
- Что «ха-ха»?
- Да то! Записи памяти Лайлы Брукс больше не существует.
- Как это – не существует?!
- А вот так. В Центре произошло ЧП. Какой-то дикий сбой в работе аппаратуры... Техника-операционистку, некую Марину Завьялову, шибануло током так, что она скончалась на месте.
- Ух, ни фиги себе! Это чего же она делала?
- Точно сказать не могу, со спецями из Центра поговорить не удалось – все на экстренном совещании, но, похоже, прежде чем отослать нам воспоминания девицы, Завьялова вставила оба диска с записями Андрея и Лайлы в проектор и запустила их в режиме одновременного, параллельного воспроизведения.
- Зачем?
- Видно, хотела сравнить. Известно, что Завьялова подумывала о собственной добровольной эвтаназии, вот, наверное, и решила лично для себя что-то выяснить... А возможно, Лайла Брукс ей что-то сказала, когда Завьялова отводила её в процедурную... Теперь уже не спросишь.
- А как её током-то ударило?
- Понятия не имею! Дежурная оператор сказала – от проектора. Ума не приложу, как такое вообще возможно, но факт остаётся фактом: копию с воспоминаний Лайлы Завьялова не сняла, теперь она мертва, а проектор сторел вместе с дисками.
- Ну, дела...

Тепло Лайлы уже совсем близко. Я должен действовать. Умру, но увижу её! Набираю в грудь воздуха – сейчас повернусь и позову её как можно громче.

– Молчи и не двигайся! – Голос Лайлы, прямо у меня за спиной! Какое чудо – она не прошла мимо, заметила меня через стену!

«Змеи» плавно покачиваются, никак не реагируя на голос Лайлы – их интересую только я.

– Ради Бога, Андрей, не шевелись, – продолжает говорить Лайла, – здесь стена другая. Я вижу тебя словно через мутное окно. Попробую его разбить.

Тепло за моей спиной приходит в движение. Оно стягивается и поднимается как волна. Удар! Стена вибрирует. «Змеи» вздрагивают, лохматые «головы» разом поворачиваются в мою сторону. Ещё удар. «Головы» раскачиваются, но пока не атакуют.

Волны следуют одна за другой, стена становится всё тоньше и тоньше, и в то же время с каждым ударом часть тепла безвозвратно теряется! Время несётся вскачь, всё происходит так быстро! В какой-то момент я чувствую, что со следующим ударом Лайла израсходует слишком много своего тепла и просто не сможет существовать! «Нет!!!» – кричу я ей, разворачиваясь лицом к стене. «Змеи» со свистом рассекают воздух, бросаясь в атаку, а я изо всех сил толкаю руками тепло, возвращая его назад: «Нет, Лайла, я не дам тебе исчезнуть!!»

* * *

– Что за чёрт? У нас что, распределитель накрылся?!

– Нет, скорее, что-то не то с управляющим контуром. Хотя... смотри, а импульс-то прошёл!

– А чего ж тогда ошибка светится?

– Не понятно. Давай проверим, может, там что осталось...

– Нет... Ничего нет. Похоже, программа полностью стёрта. О-о-о!

– Что?

– Сканер сообщает, что нет органических повреждений мозга! Вот повезло-то!

– Нет, так не бывает. Проверь ещё раз.

– Да проверил уже, всё путём. Мозг чист и абсолютно пуст. Можно грузить базовую инфу, так что вперёд, в активатор!

* * *

Оглушительный треск разряда, и белая вспышка нечеловеческой боли мгновенно сменяется глухой беззвучной чернотой...

Сквозь черноту начинает проступать красноватая дымка – это свет проникает сквозь закрытые веки.

– Лайла! – Я открываю глаза и тут же зажмуриваюсь: слишком ярко после так долго окружавшей меня темноты.

– Ш-ш-ш, тише, Андрюша! – Она дотрагивается губами сначала до одного моего века, потом до другого. – Я здесь, с тобой. Ты прошёл через стену. Ты

смог! – шепчет она. – МЫ смогли! Теперь мы в одном туннеле и больше никогда не расстанемся.

Я медленно разжимаю веки, потихоньку свываясь с потоком заливающего туннель света. Наконец глаза приходят в норму, и я вижу склонённое ко мне лицо Лайлы. Её чёрные волосы мягким облаком касаются моих висков. Она улыбается и, кажется, вот-вот рассмеётся.

– Лайла... – я обнимаю её, притягиваю к себе и долго-долго наслаждаюсь родным теплом её губ.

– Стой, подожди! – Лайла останавливается, её ладонь выскользывает из моей руки.

– Что? – Я послушно замираю в шаге от света.

– Я боюсь, Андрюша...

– Чего, милая?

– Если после смерти все приходят к этому свету, то сколько же там должно быть людей? Я не хочу, чтобы опять не хватало места... – она опускает голову.

– Этого не будет, слышишь? – Я беру её за плечи и слегка встряхиваю, заставляя посмотреть мне в глаза.

– Почему? – на ресницах Лайлы блестят слезинки.

– Просто поверь.

Я стою неподвижно, впитывая её взгляд. Напряжённое выражение постепенно покидает её лицо, слезинки высыхают.

Тогда я снова беру Лайлу за руку и мы делаем шаг вперёд.

Игорь Бурдонов

Как-то раз я приехал в деревню и пошёл в лес. В этом лесу я ещё с детства помнил каждую полянку и каждый пенёк. Вдруг вижу: на моей полянке, на моём любимом пенёчке, сидит девушка. Такая красивая, о какой я только в детстве мечтал. Обидно мне стало, что она на моём пенёчке сидит. Подошёл и столкнул её. Девушка поднялась с земли, отряхнула мусор с платья и убежала в слезах. А я сел на пенёк и закурил папиросу, чтобы успокоиться. Тут солнышко выглянуло, муравьи через тропинку поползли, птица прилетела и села на сломанную ветку. Эту ветку я ещё в детстве сломал. Обидно мне стало очень, и я заплакал.

Вот такая или похожая история любви бывает в жизни каждого человека. А бывает другая: со счастливым концом или, что реже, без конца. Но я таких историй не пишу, я ими живу.

А пишу всякую ерунду о том, как одна моя знакомая влюбилась в меня без памяти, но я этим случаем не воспользовался, и она ушла ни с чем. Потому что я честный и благородный человек (чиб-чел).

Потом я сам влюбился без памяти в другую мою знакомую, но она этим случаем не воспользовалась, и я ушёл ни с чем. Потому что она тоже чиб-чел.

Потом эта другая знакомая влюбилась без памяти в одного моего приятеля, но он этим случаем не воспользовался, и она ушла ни с чем.

А потом этот мой приятель влюбился без памяти в мою первую знакомую, но она этим случаем не воспользовалась, и он ушёл ни с чем.

Вот и получается, что мы все четверо – очень чиб-челы. А тех, кто поступает иначе, мы гневно осуждаем и требуем немедленно прекратить!

Сон

Сегодня ночью...

Кажется, что не сегодня, а в каком-то другом времени. Я не знаю, как выразить это разделение времён, это прошлое, которое не предшествует настоящему, а как бы его обратная сторона, существующая сама по себе. Условно я называю это словом «был», я злоупотребляю этим словом, как бы складывая из кирпичей стену, что разделяет моё время, время «сегодня» и то, другое, время, неправильное и странное. Я даже не знаю: оно «было» или его «не было».

Сегодня ночью мне приснился сон.

Я стоял в небольшой комнате с гладкими серыми стенами без окон. Не помню, чтобы была какая-нибудь мебель. Во всяком случае, было довольно просторно, хотя, кроме меня, там находилось ещё несколько человек. Эти люди были мне незнакомы, они стояли в стороне, тесной группой и о чём-то переговаривались. Сейчас почему-то кажется, что они были бородаты, хотя не только стариками, но даже пожилыми людьми их не назовёшь. Всё-таки люди

эти были старше меня. Впрочем, я, кажется, совершенно напрасно пытаюсь описать внешность этих людей, тогда как дело вовсе не в ней. Допускаю, что у них не было никакой определённой внешности; недаром же их было несколько – каждый имел какую-то отдельную черту, всё остальное неважно, а вместе они составляли некий образ, который не только описать, но и представить в виде отдельного человека нельзя.

А дело заключалось в том положении, которое эти люди занимали по отношению ко мне. Если бы они занимали такое же положение по отношению к кому-нибудь другому, у них была бы совсем другая внешность. Каждому хотелось бы иметь таких людей, и ни у кого таких людей никогда не было. Разве что во сне. Люди эти определяются двумя свойствами. Во-первых, они всё про вас знают. Я имею в виду не вашу биографию, семейное положение, или образ жизни, хотя это им тоже известно. Но они знают гораздо больше: ваши мысли, ваши мечты, тайные желания, и даже менее чем желания. Всё это они знают и во всём хорошо разбираются, пожалуй, даже лучше вас. От вас они отличаются своим вторым свойством: умением всё чудесно устроить, исполнить ваши желания и даже менее чем желания. Особенно хорошо им удаётся исполнение тех ваших желаний, о которых вы даже не подозреваете, которые вы скрываете от самих себя и которые исполняются только во сне. Это вовсе не значит, что вы что-то приказываете этим людям, и они тотчас же исполняют словно слуги. Совсем наоборот, они действуют совершенно самостоятельно, потому что лучше вас во всём разбираются. Всё происходит независимо от вас и помимо вашей воли, навязывается вам извне, и тем не менее всё происходит так, как бы вам хотелось, втайне хотелось.

Дверь открылась, и в комнату вошла девушка. На ней было платье, короткое серое платье, плотно

облегающее фигуру. Кажется, воротник платья был отделан гладким и мягким мехом коричневого цвета, но, может быть, этого и не было. У неё были волосы, я не помню, какие у неё были волосы, но, мне кажется, они должны были быть не длинные, хотя и не очень короткие, скорее тёмные, чем светлые, и уложенные в несложную, но эффектную причёску. На ногах – туфли, да, на ногах должны были быть туфли, наверное, были даже чулки, скорее всего, капроновые, но это я уже не могу утверждать наверняка. Была ли девушка красива? Я бы сказал, что да.

Девушка посмотрела на меня. Все посмотрели на меня. Никто не сказал ни слова. Я молча вышел вместе с девушкой в длинный серый коридор. Мы пошли по длинному серому коридору, а люди, те люди, о которых я уже писал, стояли в дверях и смотрели, пока мы не скрылись за углом.

Здесь я должен остановиться и сделать некоторые пояснения. Очень трудно описывать сон, боюсь, мне это плохо удаётся. Ведь главное во сне – это тот особый настрой чувств, то особое восприятие происходящего, которое бодрствующему человеку припомнить почти невозможно. Но нельзя же писать во сне! Приходится длинными разъяснениями передавать мгновения и оттенки. Я написал, что никто не произнёс ни слова. Это верно. Однако когда вошла девушка, я знал всё, что нужно. Вот так совершенно необъяснимо, до того как открылась дверь, я пребывал в полном неведении, хотя, быть может, и догадывался о чём-то, а после уже всё знал. Смысл этих новых знаний сводился к следующему: я должен был любить девушку, которая вошла в комнату. Точнее, мы должны были любить друг друга, но с её стороны это подразумевалось само собой. Надо было сказать с самого начала, что я эту девушку видел в первый раз, однако подозреваю, что она меня знала

лучше. Вообще, во всей этой истории есть одно странное обстоятельство: на протяжении всего сна я ни разу не принимал какого-либо решения, более того, ни разу не возникало никаких мыслей, кроме разве что автоматической констатации всего происходящего. Такая своеобразная пассивность объясняется, видимо, наличием тех людей, о которых я писал, что они исполняют мои желания так, как мне бы хотелось. Впрочем, в дальнейшем эти люди уже не участвовали в событиях, вроде как сделали своё дело и исчезли.

Девушка остановилась. Она остановилась сразу и повернулась ко мне. Она остановилась так сразу, что я, продолжая двигаться, подошёл близко к ней, слишком близко. Зачем стоять так близко? Это неудобно, неудобно разговаривать, неудобно двигаться, даже неудобно дышать. Девушка не отстранилась, её глаза искали мои, её тело коснулось меня, едва коснулось. Меня охватил страх, и даже не страх, а робость, и даже не робость, а боязнь. Боязнь близости. Мне захотелось убежать, убежать и остаться одному, одному, так привычнее.

Кто-то засмеялся, заговорили голоса, захлопали двери, зашагали ноги. В коридоре стало много людей. Девушка разочарованно отодвинулась, и мы пошли дальше. У неё была красивая походка. Но я не смог бы её описать: я не помню движений её ног и бёдер.

Мы спустились в нижние этажи. Здесь были мрачные и массивные стены. Девушка коснулась моего плеча, я обернулся, и наши лица оказались рядом. Мне было неловко стоять так, полубернувшись. Мне было неловко с девушкой, потому что в этом сне мы были друг для друга. И я не мог просто уйти, и мы не могли быть просто знакомыми или даже чужими.

На нижних этажах тоже ходили люди, и мы снова поднимались выше. Я и девушка должны были любить друг друга. Почему? Ну разве можно задавать такие вопросы! Ведь это сон. Надо и всё... Таковы правила, и мы ни разу не думали об этом. Это странное чувство, когда рядом девушка и ты знаешь: стоит вам остаться наедине, и ты будешь любить её, и она будет любить тебя. А пока мы не знакомы, и нам неловко друг с другом. Но уже известно заранее, что мы будем любить друг друга. Надо только остаться наедине, и мы ищем укромное место и облегчённо и разочарованно вздыхаем, когда появляются люди. И мы бродим по этажам, заходим в пустующие, но тут же заполняющиеся людьми комнаты, поднимаемся по узким лестницам. И везде много народу: прогуливаются старые люди, играют ребятишки, хозяйки развешивают бельё на верёвках, протянутых через огромные залы, и старушки на скамейках провожают нас взглядом. Но разве можно найти укромное место в этом огромном и однообразном доме? Все его этажи заполнены до отказа людьми и вещами, и нам нигде не скрыться от их глаз.

Мы заворачиваем за угол и, устало прислонившись к стене, смотрим в глаза друг друга. О, это удивительное, радостное и тревожное, робкое и дерзкое, пугающее и притягивающее чувство, когда глаза девушки открылись для меня, когда я вижу в них себя! Кто-то засмеялся, заговорили голоса, захлопали двери, зашагали ноги: стало много людей.

И мы идём дальше. Мы уже устали. Я бы не сказал, что теперь я пассивен, что только девушка ведёт меня за собой. Мы идём вместе, но мы устали. Странно, что в начале пути мы шли по длинным, серым, гулким и пустым коридорам, которые лишь в последний момент мгновенно заполнялись людьми, а здесь, на самом верхнем этаже, мы едва пробираемся

в толпе людей и вещей. И держимся за руки, чтобы не потерять друг друга.

Вдруг видим отвесную железную лестницу, заржавленную лестницу, ведущую на чердак. Голые, крепкие, пружинистые и стремительные ноги девушки – так и хочется ухватить их и успокоить. Но они быстро-быстро мелькают по ступеням лестницы, и я едва поспеваю за ними. И вот мы наверху. Лишь узкий кружок вокруг люка освещён слабым светом, идущим снизу. Вокруг чернота. Почему это одежда девушки так изнасилась? Разве мы долго шли? Как будто не очень, не больше суток. Но где же тогда туфли и капроновые чулки? Серое платье стало ещё короче, с его краёв свисают лоскутки материи, воротник как будто никогда и не был отделан мехом. Эффектной причёски тоже нет, волосы растрепались, и запутанные прядки дрожат на ресницах.

Наши глаза уже привыкли к темноте. Мы видим, что по всему чердаку в беспорядке расставлены большие и маленькие поленницы дров. Осторожно проходя между ними, я и девушка идём в дальний угол чердака. Неожиданно на наши лица падает луч света. Сквозь щель в крыше видно солнце и кусочек неба. Это поразительно! Значит, вне этого огромного, тесного и однообразного дома тоже кое-что есть! Но мы устали. Мы находим большую кучу прошлогоднего сена и обессиленные падаем на неё. На чердаке прохладно, и мы, тесно прижавшись, согреваем друг друга. Засыпая, я касаюсь губами её обнажённого плеча.

Просыпаемся мы одновременно, но не встаём, а, немного смущённые, притворяемся спящими, сильнее обнимая друг друга. Мы любим друг друга – так и должно было быть. Вдруг слышится топот ног и голоса людей. Мы видим, как из люка поднимаются люди. Их становится всё больше и больше. Им уже тесно в узком кругу света вокруг люка, а по лестнице

торопливо поднимаются ещё и ещё. Какая-то маленькая девочка, смеясь, показывает в нашу сторону и кричит звонким голосом: "Вот они! Вот они, смотрите!" Но люди не видят нас, их глаза ещё не привыкли к темноте. Мы пользуемся этим и, бесшумно передвигаясь, добираемся до того места, где вчера видели луч солнца из щели. Мы снова видим эту щель – это дверца на крышу неплотно закрыта. Мы открываем её и, выбравшись наверх, закрываем за собой снова. Теперь мы в безопасности: люди не могут выйти из этого дома. Почему? Я не знаю.

А мы сидим на крыше, прислонившись спинами к трубе и вытянув ноги. И видим не только солнце, но и небо, и облака... Сначала мне кажется, что крыша двускатная, но на такой крыше неудобно сидеть, и она становится плоской. Да, но где же тогда будет чердак? Всё-таки крыша, наверное, двускатная. Просыпающийся разум вносит свои коррективы в конец сна. Снова шумит поток, смывая неповторимое очарование сна, и сон забыт, и я снова один.

комментарий тридцать лет спустя

Лейтмотив этого сна, помимо очевидного эротического мотива, малоинтересного просто потому, что такой мотив присутствует в любом сне, как буквы алфавита присутствуют в любом тексте, а фонемы присутствуют в любой речи, – лейтмотив этого сна заключается в том, что он серый. Не чёрно-белый и не цветной. Точнее, цвета в этом сне присутствуют, например, мех на платье девушки как будто коричневого цвета, но эти цвета словно приглушены серой дымкой. Это не та дымка, которая бывает на китайских картинах, когда цвета не яркие, но прозрачные и влажные, как будто краска ещё не высохла. Да и откуда взяться такой дымке внутри здания? Пожалуй, только цвет неба, солнца и облаков

в конце сна лишён этого серого налёта. Но ведь конец сна совпадает с пробуждением. Не началось ли пробуждение раньше, ещё до того, как мы выбрались на крышу? А может быть, ещё раньше, когда закончился сон во сне? И все эти люди, поднимающиеся на чердак, и эта маленькая девочка, которая кричала "Вот они!", – всё это тоже придумало пробуждающееся сознание? А не был ли весь сон целиком, с самого начала, придуман в момент пробуждения?

Запись сна осуществлена в конце 1967 года, и все эти тридцать лет я не могу ответить на простой вопрос: что же на самом деле было в этом сне? Когда я пытаюсь вспомнить сон, я вспоминаю только запись сна. Но вот что странно: через четыре года после сна, а в августе 1971 года, я попытался переделать запись. То, что называется литературной обработкой. А вот теперь ясно вижу: ничего переделать не удалось. Первоначальная запись кажется безусловно достоверней, даже литературно она лучше. Это тем более странно, что запись содержит размышления и пояснения, явно придуманные после сна. А тем не менее такое чувство, что они составляют часть самого сна. Как будто во сне я пытался рационально анализировать сам сон. Как будто рационализирование сна – это и есть сам сон. Не от того ли этот серый налёт? И что скрывалось за этой дымкой рассудка? И скрывалось ли что-нибудь? Или не скрывалось ничего, и рассудок лишь констатировал происходящее, не способный управлять событиями, как будто ими управлял кто-то другой?

И при чём тут девушка и любовь? Или правильное сказать: при чём тут всё остальное?

сон 1967, запись сна 1967-1997-2012

Мумия

У неё были волосы золотого цвета. Она была ростом ему по плечо и она была тонкая.

Однажды, когда они ехали в метро, и она сидела, а он стоял над ней и смотрел на неё сверху вниз, он подумал: «А ведь она тощая. Даже костлявая. Как мумия. Или как Баба-Яга». Он отогнал эти мысли.

Она работала воспитательницей в детском саду. Она рассказывала: "Я спрашиваю: «Дети, вы знаете, кто я такая?» Дети, конечно, знают и отвечают хором. «А вот и нет, дети! Я Баба-Яга. Я вот тут сижу сейчас с вами, а потом пойду домой, и возьму ступу, и буду летать над улицами, и ловить маленьких детей, и сажать их в мешок». Дети не верят... «Не бойтесь, дети! Я вовсе не Баба-Яга»".

И всё же там, в метро, когда он стоял над ней, а она думала о чём-то, и черты лица её обострились, да ещё и пальто висело на ней, как на вешалке, и ноги тонкие... Он отогнал эти мысли. Ненужные мысли, непонятно почему приходящие в голову.

Они познакомились на вечеринке. Она пришла с подружкой. С подружкой, с которой он был давно знаком. Он провожал их обеих, потому что они жили рядом. Сначала он проводил подружку, и сто метров они прошли вдвоём до её дома. Он сказал: "Можно я приду к тебе завтра в гости?" "Ко мне?" – спросила она. Она подумала, он что-нибудь перепутал. "К тебе", – ответил он. "Приходи", – сказала она. Он пришёл на следующий день вечером. Они сидели при свете настольной лампы за столом, друг напротив друга. Она сказала: "Вот мы знакомимся". У неё были

золотые волосы и большие глаза, и серое шерстяное платье плотно прилегалo к телу, и она была тонкая. Позже пришла подруга, и они сидели втроём. Подруга всё поняла, и обиделась, и ушла. Они мало внимания обратили на это.

Она любила Экзюпери. У неё была детская книжка "Маленький принц". Книжка с картинками. Он не читал Экзюпери. Она читала ему вслух "Маленького принца". "Я очень романтичная", – говорила она. Он соглашался, хотя иногда и думал: "Ну-ну". Она представляла себя маленьким принцем.

Они ездили с друзьями за город и гуляли по лесу. Пили вино из горлышка бутылки, пуская её по кругу. Дело было осенью, падали листья. Она шла сбоку от всех и говорила: "Я, может быть, фея. Или нет, я королева. Ведь вы же меня не знаете! Я вот тут болтаю с вами, а, может быть, где-то там, далеко, пропадает без меня моё бедное королевство!" Все хихикали. И ему тоже было весело после вина, и он думал: "Она романтичная". "Ну-ну", – говорил его друг. Друг обнимал свою девушку, которая стала впоследствии его женой. Быть может, стала слишком поздно, потому что он изменял ей, а может быть, иначе и быть не могло.

Она читала ему "Маленького принца" Экзюпери. Позже он читал Экзюпери сам, ему нравилось, но не настолько, чтобы читать вслух. Она любила слово "фея", или даже "фея цветов". А он любил рассуждать на философские темы и анализировать. Однажды в гостях она увидела на стене фотографию. Она спросила хозяина дома: "Это ваш дедушка?" Хозяин был из интеллектуалов. Господи, какой дедушка? Ведь это же был Эйнштейн! Ему стало как-то странно, что она не знает Эйнштейна. Потом она говорила: "У него на стенке фотография Эйнштейна, а почему нет фотографии его дедушки? Кто ему Эйнштейн? И почему я должна знать Эйнштейна, что я – физик, что

ли?" Он думал: "Наверное, в чём-то она права. Но как же можно не знать Эйнштейна в лицо? Ведь это невежество дремучее". Неловко вышло, и он старался не говорить на эту тему. Впрочем, он подумал: "Забавно, что хозяин дома в чём-то походил на Эйнштейна. Быть может, еврейской курчавостью волос?"

Они целовались, когда гуляли в лесу. Её дом был рядом с кольцевой автодорогой Москвы. Они гуляли в лесу и целовались. Она говорила: "Ты, наверное, не умеешь целоваться. У тебя губы мягкие. И я, наверное, тоже не умею целоваться". Он думал, что она права, но к чему говорить? Они целовались, но большего она не позволяла. А он не мог решить, то ли проявлять настойчивость, то ли не надо. Он ездил к ней каждый вечер. На другой конец Москвы. И возвращался поздно, и уже точно знал, когда отправляется последний поезд метро и когда надо уходить, чтобы успеть на пересадку.

У неё была ещё одна подруга. Она говорила: "Вот у нас настоящая дружба. Мы всегда готовы помочь друг другу. Я вообще альтруистка. Какое смешное слово: альтруистка. Как альпинистка". А он развивал идеи разумного эгоизма, и на этой почве они почти ссорились. Он не понимал: почему надо ссориться, когда речь идёт о вещах отвлечённых и философских.

Она говорила: "Вот смысл жизни. Кто-то пишет стихи, кто-то сочиняет музыку, кто-то двигает науку. А я что? Стихи не пишу, музыку не сочиняю, в науке ничего не понимаю. Но вот однажды я пришла к своей подруге. Я пришла к ней, когда ей было плохо. И я помогла ей. Конечно, ты скажешь: мог придти кто-нибудь другой и тоже помочь. Это так, но тогда пришла я. И тогда только я помогла ей. Значит, вот уже есть какой-то смысл. Люди должны быть добрыми. Вот ты скажи: почему люди злые? Им надо быть добрыми, а они злые". Он развивал теории о

принципе дополнительности добра и зла, об относительности того и другого, о различиях в людях и вытекающих отсюда конфликтах. Она сердилась и говорила, что он совсем не понимает её. А он не понимал, чего она сердится. К тому же он не очень верил, что люди злые. Они не причинили ему никакого зла, и всё у него шло хорошо, поэтому то, что он называл злом, было абстрактно. Настоящее философское понятие.

У этой подружки был парень, они любили друг друга. Она говорила: "Вот смотри, как они любят друг друга. Они жить не могут друг без друга. Они заботятся друг о друге. Они поддерживают друг друга в трудную минуту". Она говорила: "Посмотри, как он её любит. Я даже завидую ей. Они поженятся, просто сейчас они не могут, им негде было бы жить. И потом, он только поступил в институт. Вот смотри, он три раза поступал в институт и проваливался. Думаешь, ему было легко? Наверное, ему было очень плохо, но он добился своего. Ему было трудно, но он терпел и стремился к своей цели и добился её. А у тебя всё как-то слишком легко получается". Он не понимал, что здесь плохого, когда легко получается.

Она говорила: "Ты знаешь, они, наверное, спят вместе. Но я понимаю, у них ведь такая любовь. Они всё равно поженятся. А я без любви не могу". Он, разумеется, говорил, что любит её. Она говорила: "Я не знаю, я, наверное, пока не люблю тебя. Может быть, я смогу полюбить тебя". Его это несколько раздражало, вроде как он должен добиваться любви.

С этими её друзьями, вчетвером, они отправились в туристический поход, в лес с ночёвкой. Была весна, был май. Солнце светило, листья были светлые, зелёные. Они пили берёзовый сок. Романтично. С тех пор у него возникает странное чувство, когда он видит в магазине трёхлитровые банки берёзового сока. Но неловко становится не за

консервную промышленность, а за романтику. В конце концов, берёзовый сок, наверное, полезен, но довольно-таки безвкусен. Собирали цветы, жгли костёр. Ему нравилось всё это, и он честно дружил с её друзьями. Поставили палатку. Он спал с ней в одном мешке, было тесно. Она не позволяла лишнего, и он гладил её белые маленькие груди меланхолично.

Она уехала со своими друзьями к Чёрному морю. А у него была сессия, и он чуть не завалил её. Она писала ему письма, в которых старалась его подбодрить. Она писала, что душой она с ним. И её подруга прислала письмо, в котором писала, что все они с ним и за него. Они писали ему: не отчаивайся, наберись мужества. Чёрт возьми, он и не думал отчаиваться! Просто несчастливое стечение обстоятельств. Однако, читая эти полные участия и искреннего сочувствия письма, он чуть было не отчаялся и в самом деле. Как будто ему вдруг раскрыли глаза на то бедственное положение, в котором он оказался. Слава Богу, это случилось перед последним экзаменом, иначе он действительно завалил бы сессию. Но и этот последний экзамен он всё же сдал, применив простой тактический приём: решил, что всё ему до лампочки.

А потом каникулы. Она вернулась с юга и поехала отдыхать дальше в деревню к бабушке. Он напросился и приехал к ней на неделю. Там жили её бабушка, её мать, её отец, её сестра и она сама. Его приняли хорошо. У неё были хорошие простые родители: от него ничего не требовали, не выспрашивали. Они гуляли по окрестным лесам и полям. Они заходили на кладбище, где был похоронен её дедушка. И они посидели у его могилы. Она вообще любила кладбище. Ей даже как-то приснился сон.

Она плыла по затопленному кладбищу. И всё было зелёным: и зелёная вода, и зелёные ветви деревьев, и свет сквозь них пробивался зелёный – зелёный сумрак, и могилы были покрыты зелёным мхом. Она отталкивалась от дна веслом, и весло запутывалось в тине, и лодка почти не двигалась. И вот, наконец, она увидела камень, большой белый камень. И на камне была надпись, какая-то важная надпись, вся заросшая мхом. Она знала, что эта надпись написана для неё, что там какие-то главные слова, их надо прочесть, и всё прояснится. Она отдирала мох пальцами, скребла ногтями, но ничего не получалось. И она проснулась.

Он не решился комментировать сон, но запомнил его. Они посидели у могилы её бабушки. У могилы они не целовались – это было бы нехорошо. Они целовались потом, на лугу, у стога сена, когда встречали рассвет. Рассвет был неяркий, бледноватый. Он гладил её белые маленькие упругие груди и, раз уж большего она не позволяла, рассуждал о материях отвлечённых. Он говорил заодно и о взаимоотношениях мужчины и женщины, так сказать, в мировом масштабе и в разных аспектах. Она оскорбилась и сказала: как же ты – гладишь мне груди и рассуждаешь о всяких гадостях. Он ничего не понял и удивился весьма. Он сказал: "Да что ж я такого говорил? Какие гадости? Почему же нельзя говорить на такие темы, ведь так в жизни устроено всё". Она сказала: "И очень плохо, что так устроено. И нельзя же гладить мне груди и говорить о взаимоотношениях мужчины и женщины".

Они часто ссорились вот таким глупым способом. А потом она сказала: "Тут в деревне уже начали говорить про меня всякие слова. Что вот, мол, какой-то молодой человек у неё живёт. Ты не обижайся, мне, может быть, и всё равно, но тут ещё моя мама и папа". И он уехал в город, но подумал, что,

должно быть, ей тоже не всё равно. И потом, в городе, они снова встречались. И он думал: не проявить ли настойчивость? Он гладил её колено и продвигался вверх по внутренней поверхности бедра. А она сказала почти испуганно: "Ты что, нельзя, там же *это*". Он чертыхнулся про себя: "Ну, разумеется, *это*, а что ж ещё там должно быть, чёрт подери!" Он убрал руку, и они сидели просто так на траве, под деревьями, и смотрели на реку, как плывут по ней вдалеке лодки, как ещё дальше по железнодорожному мосту движется поезд и ещё дальше над всем этим плывут облака и то закрывают солнце, то опять открывают. И ветер был уже свеж, потому что начиналась осень.

Она говорила ему: "Ты какой-то робкий и слабый, почему ты не чувствуешь себя сильным с людьми? Какая-то у тебя слабость, ты, наверное, и боли боишься". Он думал: "Ну что ж, может быть, она и права". Недавно он возвращался от неё через парк, уже вечером, и встретил хулиганов. Обычная мелковозрастная шпана. Их было человек восемь. Разумеется, попросили закурить. Окружили и молча, просто так, для развлечения, стали крутить велосипедными цепями, и приближаться, и задевать этими цепями его куртку. Он испугался, кажется, больше всего за куртку – у него не было другой. Да и вообще он испугался, он успел заметить их лица и выражение глаз. Они ждали, что он побежит, и он побежал. Они даже и не преследовали, всё так и было задумано. Он знал, что если почувствовать злость, и дать ей волю, и послать всё к чертям, включая куртку, то можно было бы и не бежать, а вовсе наоборот, заставить бежать их. Но зачем? К тому же всё равно оставался риск. Он не верил, что люди с таким выражением глаз могут быть или стать другими, и он считал, что есть лишь два варианта: либо держаться от них подальше, либо расстреливать из пулемёта.

Так он себе объяснял своё бегство. Ей он не стал рассказывать эту историю. Он честно не понимал, зачем нужно уметь терпеть боль. Он считал, что тут больше подошло бы не мужество, а низкий уровень чувствительности нервной системы, для чего, впрочем, и существует анестезиология. Она говорила: "А как же герои? Ты мог бы выдержать пытку и не выдать тайну врагам, не стать предателем?" Про себя он думал: "Конечно не мог бы". И отвечал: "Врага лучше обмануть хитростью, вроде бы согласиться, а потом обмануть. И вообще жизнь не состоит из таких экстремальных ситуаций".

А она повторяла: "А всё же?" Ему становилось тоскливо.

Так они говорили и в тот вечер. Она была одна, и он остался у неё на ночь. Они сидели и говорили при свете свечи. Она любила свечи. Он поглядывал на кровать, но разговор шёл в тяжёлую сторону. Они даже не целовались. За окном была ночь, и одинокий фонарь светил на вершине башенного крана. А в комнате было уютно, на ней было серое шерстяное платье, которое плотно прилегало к телу. У неё были золотые волосы и большие глаза.

В конце концов он разозлился, почувствовал злость и дал ей волю. "Да, чёрт возьми, – сказал он, – если уж так надо, я могу и стерпеть боль".

Она сказала: "Вот свеча, попробуй". Он встал и сунул руку в пламя, он прикрыл пламя свечи ладонью. Он выбрал левую руку, правая нужнее. Видно, он сумел разозлиться, потому что почти не чувствовал боли. Он всё ждал, когда она скажет: хватит! не надо больше! Но она молчала и смотрела. Ему не понравился её взгляд. Но тут у него в ладони что-то треснуло, лопнуло, и он испугался и отдернул руку. Пузырь был большой и белый.

Он сказал: "Что-то треснуло". Она сказала: "Ты испугался, ничего страшного, даже не обгорело". Он

сник и, едва дождавшись утра, с первым поездом метро уехал домой.

На следующий день он уезжал в командировку. В поликлинике ему перевязали руку. Две недели он путешествовал с товарищем по районным городам Украины, и в каждом городе приходилось искать поликлинику или медпункт, чтобы перевязать руку. Из-за этой командировки на ладони у него остался шрам, надо было лечиться в Москве – когда он вернулся в Москву, он снова пошёл в поликлинику, ему назначили УВЧ, и через четыре сеанса всё зажило.

Он писал ей письма из районных городов Украины. Он писал примерно через день. Когда он приехал, она сказала: "Разве любимым пишут такие письма? Ты только перечисляешь цены на базарах". Он действительно перечислял цены, ошеломлённый дешевизной фруктово-ягодного изобилия. Его товарищ был опытным командировочным и всё отговаривал его покупать фрукты и ягоды. "Подожди, – говорил товарищ, – там дальше будет ещё дешевле. Вот тогда уж купим и отошлём домой". В конце концов он разозлился на этого товарища и купил вишен, и слив, и абрикосов, и персиков, и дынь и съел.

Потом они помирились и три дня с увлечением провели в Крыму: от Алушты до Севастополя. Товарищ был язвенник и, следовательно, трезвенник, а не то было бы ещё веселее. Он первый раз был на Чёрном море, при таком обилии воды и солнца. И поздно вечером автобус мчал его из Ялты в Севастополь, и свет фар выхватывал впереди то скалу, то пропасть, а водитель был лихой, и это было хорошо. И он почти не думал о ней.

И вновь они встретились, когда он вернулся, и целовались, и говорили. Он гладил её колени и

продвигался вверх по внутренней стороне бедра ровно до того места, после которого она скажет: ты что, нельзя, там же *это*. Он спрашивал: "Ты любишь меня"? Она говорила: "Сейчас нет, может быть, я тебя полюблю".

Они решили сделать перерыв, паузу, антракт, передышку, чтобы понять, чтобы отдохнуть, переосмыслить. И он думал: "Вот пройдёт месяц-два, и мы встретимся и..." И через месяц у него появилась любовница, которая не требовала от него не только самопожертвования, но даже любви.

Прошло ещё два месяца, и они встретились снова. Это было в Новодевичьем монастыре. Она любила монастыри и монашек. Она любила церкви и церковный хор. В тот день было много народу: все слушали хор. Он забыл, какой это был праздник. Ему понравился хор, но было слишком тесно, и он больше разглядывал публику, чем вслушивался в пение.

Они вышли из церкви и нашли укромное место и говорили. И он чувствовал, что всё безнадежно. Наверное, он любил её, а сейчас... А она? Он так и не понял, что она...

Был месяц апрель, таял снег, сосульки свисали с крыш. Она пососала сосульку и сказала: "Невкусно". Он не стал и пробовать. На соседнем дереве шумели вороны. День был, в общем-то, безрадостным, но в этом он чувствовал прелесть. Она зябла в своём тонком пальто, он обнял её. У неё были золотые волосы. Он подумал: "Быть может, не всё потеряно?" Они ни до чего не договорились и расстались. Он приехал домой и занялся делами.

И раздался телефонный звонок. Она сказала: "Это я". Он сказал: "Да". Она сказала: "Я люблю тебя". Он молчал. Она сказала: "Ты слушаешь?" Он сказал: "Да". Она сказала: "Я решила, что должна сказать

тебе, что люблю тебя. Я позвонила просто, чтобы сказать".

Он знал, что надо крикнуть: "Где ты? откуда ты звонишь? стой на месте – я буду через полчаса!" Но он сказал: "Я слушаю тебя". Она сказала: "Вот и всё". И повесила трубку. Он услышал гудки. Он почти ничего не почувствовал. Только где-то там, внутри, в долговременной памяти, что-то замкнулось, произошло некое потрясение, и всё встало на свои места. И ещё он почувствовал облегчение, потому что теперь уже понял: вот и всё. Он аккуратно положил трубку на рычаги.

конец

Через тридцать лет он вспомнил эту историю и подумал: всё правильно. Просто ей был нужен кто-то другой. И ему была нужна другая. Так и получилось.

Тогда, в метро, он увидел в ней мумию. Это его заинтриговало. Он захотел, чтобы мумия ожила. Он думал оживить её, глядя колено и продвигаясь вверх по внутренней стороне бедра. Но мумию это не интересовало. Её интересовало пламя свечи. И он испугался и отступил. А мумия покинула ту девушку, дав ей возможность выйти замуж и нарожать детей. Мумия нашла другое тело. Или не нашла. И не было детей, и не было мужа. Он не знал, что было и чего не было, хотя иногда задумывался об этом – отвлечённо и философски.

1969-1992-1995-2006-2012

Когда он влюбился

Когда он влюбился, он испугался (потери себя). Но не послушался и отдался любви и страху (потери её). Предчувствия его не обманули, и он оказался на операционном столе. Хирург вскрыл грудную клетку и вырезал злокачественную опухоль любви. Но было поздно: метастазы разрослись по всему телу души, и ему оставалось недолго. После смерти они ещё встречались, но он всё больше молчал. Он вспоминает и печалится об ушедшем, думала она. Но он не вспоминал и не печалился, потому что нечем было вспоминать и нечем печалиться.

Когда он влюбился, он испугался (потери себя). Но не послушался и отдался любви и страху (потери её). Предчувствия его не обманули. Вот это придётся удалить, сказал хирург, тыча пальцем в любовь на рентгеновском снимке. Он испугался ножа и ушёл. Он ушёл далеко и надолго, а потом вернулся. Болезнь потерялась где-то в дороге, осталась валяться в придорожной канаве. А любовь приплелась за ним на верёвочке, притихшая, с широкими раскосыми глазами. Так они и гуляли по утрам вокруг дома и в парке: он впереди, а любовь сзади, на верёвочке.

Когда он влюбился, он испугался (потери себя). Но не послушался и отдался любви и страху (потери её). Предчувствия его не обманули. Отпусти меня, сказала она, мне больно. И он отпустил, хотя хотелось ещё крепче сжать объятия. Она вздохнула свободно, а он ушёл, чувствуя в кончиках пальцев пульсирующую фантомную боль. Вы обратились вовремя, сказал врач, ещё немного и было бы поздно. А так ничего страшного: поменьше курите, побольше свежего

воздуха, поменьше волнений, побольше покоя. И выписал рецепт. Он написал ей письмо, в котором благодарил за то, что было, и за то, что кончилось. А потом приписал – но это ему только казалось, что приписал: вернись, мне больно.

Когда он влюбился, он испугался (потери себя). Но не послушался и отдался любви и страху (потери её). Предчувствия его не обманули. Врачи советовали, хирурги предлагали, а патологоанатомы пили чай с пряниками. Но он сделал вид, что его это не касается. И оно пронеслось по касательной. И он продолжил, а она отвечала, чтобы не обидеть, потому что не хотела его обижать. А потом оказалось, что это и есть любовь. Только не речная, а озёрная. Не от точки А до точки В, а в покое, то есть вечно. И когда он умирал, а она ещё зеленела, это было не в напряг и почти оптимистично.

Когда он влюбился, он испугался (потери себя). Но не послушался и отдался любви и страху (потери её). Предчувствия его не обманули. Он стал плакать. Потом поймал себя на том, что ему нравится плакать. Потом понял, что ему не нравится, что ему нравится плакать. И тогда он её вернул, хотя она никуда и не уходила. Тоже плакала. И он подумал: что же у меня в голове-то? Вот ведь она, живая. Чего ещё? А то, что предчувствия не обманули, так это дело житейское, перемелется – мука будет. Просто любовь оказалась бабочкой, в которую превратилась куколка, и бабочка вспорхнула и полетела свободно, куда хотела. А они думали, что она ушла, что вот ведь куколка – трогай её, сколько хочешь, никуда не денется, а бабочка летает сама по себе. Так бывает.

2011

Стефания Солис (Ольга Грушевская)

Родилась и живу в Москве, окончила МГПУ им. В.И.Ленина, английский ф-т, писать начала с 18 лет. В 2006 году вышел мой первый сборник рассказов и повестей «Лента Мебиуса».

Последнее время меня стал привлекать жанр миниатюры - своей не терпящей ошибок лаконичностью и многослойной смысловой наполненностью. Наверное, любовь к литературной миниатюре пришла из живописи – когда-то училась, позже пробовала себя в рисунке карандашом и пастелью. Думаю, пора это увлечение реанимировать.

Увлекаюсь кинематографом, пробую писать сценарии. И вообще – хочу учиться!

Люблю лето – окончательно и бесповоротно. С детским любопытством принимаю неожиданные повороты судьбы, глубоко веря в то, что все неслучайно и жизнь есть цепочка «плохо-выученных-уроков».

Печатаюсь в различных московских и зарубежных изданиях. Член Международного союза писателей «Новый Современник», руководитель проекта «Моссалит».

Из цикла миниатюр «Любовь? Она – разная...»

Любовь? Она разная...

Ты, любовь моя, можешь дать силы жить и воздух дышать.

Но то, что дает, то легко забирает – подобно болезни, любовь может быть разрушительна. Любовь есть зависимость, зависимость есть разрушение...

Иногда ты мне говоришь: «Я не верю себе самому», и я съезживаюсь.

Иногда ты мне говоришь: «Ты знаешь, бывают черные мысли. Сердце гонит их, разум мешает», и я закрываю глаза, чтобы взглядом не встретиться. Значит, в лодке одной мы с тобой.

Я мгновенно, предательски, веру теряю всякую: черные мысли-сомнения, словно инфекция, мне под кожу паучьими лапками пробираются, и вот – мы уже инфицированы. Смотрим в глаза-зеркала и видим Фата-моргану – наш сон, где Верность на трон коронована.

Я вижу ночь вместо дня, тьму вместо света, лицо твое забываю, а слова, нами сказанные, – лишь междометия случайные, слова-паразиты, адресата не знающие.

Хмуро в пальцах ты вертишь кольцо мое – подарок на память, тебе – на мизинец.

Ты говоришь: «Любовь не бывает без боли».

И я пытаюсь вздохнуть, но не хватает воздуха.

«Как излечиться?»

Кольцо из пальцев твоих выскальзывает, на столе крутится.

Нам за слабость стыдно становится...

«Так много людей вокруг нас: мужчины и женщины. Мне нужна только ты. Иногда мне это мешает».

«Я знаю», – закрываю глаза и в руках твоих забываюсь: сон предутренний – боли в нем не бывает.

Любовь?

Она разная...

Когда ты рядом...

Когда ты рядом, боюсь спугнуть тебя. Прислушиваюсь к твоим интонациям.

Когда ты споришь, удивляюсь твоей напористости. Когда внимательно слушаешь, благодарна тебе. Когда ты властно к себе притягиваешь, молчу, погружаясь в твои прикосновения, поражаясь своей покорности.

Я купаюсь в твоей нежности, купаюсь в любви твоей. Смотрю в глаза твои и вижу свою новую историю. И ты в меня вглядываешься, словно с листа считаешь. Иногда как на ребенка смотришь с умилением, тогда мне кажется, что силы твоей достаточно, хватит на нас двоих.

Но уходишь ты, словно в черные дыры проваливаешься. Знаю я: ты – в делах, может быть, тебя даже нет в городе. Где ты, с кем ты – для меня неведомо. Иногда рассказываешь истории из бисера. Когда перезваниваемся, радуешься. Но порой звонки мои – как в пустую комнату. Тогда в душе моей – неверие. А вдруг я тебя выдумала?

«Люблю, люблю, – отчаянно шепчешь ты. – Вера – это самое главное».

И стыдно мне за свои сомнения, назойливо-мелочные...

Места, куда ты меня не берешь...

Ты не взял с собой меня... лишь кольцо в ладони
зажал – талисман на удачу.

Там – полуденный зной, солнце белого цвета и
размыты все контуры – от дрожащего воздуха.

Закрываю глаза и вдыхаю дрожание.

Пространство наполнено солью и леностью,

мы – только вдвоем,

мы – вне городской суеты.

Утро раннее, семичасовая безлюдность,

в тумане – молочное море,

а под ногами – теплая галька.

Величие гор рождает религию.

А позже –

Размеренный

солнечный полдень,

искристая водная гладь,

яхты на горизонте, и ты

напротив меня

со стаканом холодной

воды сидишь

расслабленно

и без единой мысли –

вот оно – счастье,

долгожданной бабочкой

выпорхнувшее

из нашей любви-коккона.

И счастье наше цветастое

соткано шелковыми нитями

из цветов и запахов,

из бликов и шорохов.

И нет в мире ничего

более ценного,

чем наши минуты

вне времени,

в пространстве растворенные
и стекающие
по стенкам запотевших стаканов
прозрачными каплями.

Наша дорога домой –
ажурная,
вся в солнечных бликах,
через сосновый лес,
стрекот цикад –
пронзительный.

А ты держишь меня за руку,
и по сухой мягкой хвое
мы беззвучно ступаем-
вальсируем.

Воздух –
волшебная смесь
тишины
и эликсира молодости,
на южных травах
приготовленного.

Разгоряченный
запах кожи
мешается
с терпкими ароматами
цветущей бугенвиллии
и еле различимыми нотами
теплой корицы и тмина –
где-то в домах пекут булочки, –
вот вам и *Comme des Garçons*,
наш любимый парфюм –
может, он так и творится
искусшенными испанцами?

Но реальность настойчиво требует моего
возвращения.

Я открываю глаза.

Читаю газету, смотрю на экран телевизора,
прощаюсь с иллюзиями:

«...в зоне конфликта...
в верхней части ущелья...
ситуация чревата тяжелыми последствиями...
с двух вертолетов были сброшены бомбы ...
велся артиллерийский обстрел...
снаряды попали...
в населенные пункты...
часть блокпостов будет открыта
в южной зоне безопасности...
в зоне конфликта потери составили...»

Прощайте мои бугенвиллии.
Есть места, куда ты меня не берешь.
И я не знаю, что ты там делаешь.

Вам нужны радости?

Ты говоришь мне: «Впереди летний день.
Пусть он принесёт тебе радости – маленькие и не
очень».

Радости маленькие и не очень – это серьезно.

Я привыкла дарить их тебе, а себе... меня
радости сами находят. Прибегают запыхавшиеся,
вечно растрепанные, и плюхаются на диван со
словами: «Ах, вот ты где спряталась? Ну, наконец-то!
Ищем тебя уже целых лет десять. За время пути,
посмотри, как мы обветшали».

Молчу – не знаю, что и сказать, от
неожиданности: какие-то они – сомнительные.

Но радости обижаются: «Мы что, уже не нужны
тебе? – и предлагают: – Может быть, мы останемся,
если ты не придирчивая?»

Я не придирчивая, они остаются.

Из цикла миниатюр «I was born to love you, Baby»

Миндаль и нервозность

Ты спрашиваешь, что такое «Миндаль и нервозность»? Это – история, которая вертится у меня в голове и скоро окажется на бумаге.

«О чем она?» – спросишь. Отвечу: «О нас».

Миндаль – чуть уловимый запах моего парфюма и разгоряченной кожи, чуть горьковатый привкус на языке после наших кофепитий и поцелуев. Нервозность – то, что внезапно накатывает в те дни, когда наша связь так призрачна и лишена всякого смысла.

Ты прошептал, словно мысли мои считал: «Теперь ты – личное пространство в моей голове. Сам завидую своему обновленному содержанию. Так есть, так будет и по-другому – никак. По-другому я не умею. Да и разве может быть по-другому, когда это относится к тебе?»

Я тоже не умею иначе.

Миндаль и нервозность – изысканно, но непонятно – графоманство чистой воды: доминирует форма, смысл ускользает. Это – как мы с тобой, окутанные облаком декадансно-привлекательной горечи, с опаской ступаем по тонкому льду обстоятельств в надежде добраться до желанного берега – туда, где Его Величество Смысл – лишь набросок нашего воображения.

Доберемся ли?

Дурочки – они ж умные

«Возможность быть счастливым есть каждую секунду – у каждого! Надо лишь понять и увидеть счастливый билетик, а это – самое сложное», – сказал ты, как всегда взяв меня за руку – рука у тебя холодная.

«А дальше?» – вечно я со своими вопросами, я – дотошная.

«Дальше? – ты задумался и убрал с моего лба прядь волос холодными пальцами. – А дальше надо действовать, милая», – сказал так решительно, что я задумалась.

«Действовать? – покачала я головой. – Люди с низкой температурой тела резких движений не делают, они не умеют действовать».

«Откуда ты знаешь?» – ты руку отдернул, нахмурился.

Откуда я знаю? Вот удивил!

Дурочки – они ж умные.

Вос-по-ми-на-ни-я – слишком много гласных

«Шлю тебе твои фотографии – наше вчерашнее путешествие. Смотри, какая ты красивая и... незнакомая. Сегодня это уже воспоминания».

«Да, воспоминания, но они такие теплые! – отвечаю и тут же с улыбкой дописываю: – Хорошо если воспоминания теплые, хуже – если холодные!»

«Теплые, холодные, какая разница, – возражаешь ты, – главное, мы есть – без нас не существуют они».

Почему я слышу грусть в словах твоих? Как и вчера, в машине, когда болтали всякую несурзаицу,

твой голос грустью пронизан был. Наверное, само слово "воспоминания" уже наполнено зыбким настроением – все легким туманом окрашивает, как над рекой ранним утром, – картина тебе известная.

А может, это слово просто перегружено гласными? На самом деле, всегда все прозаичнее получается.

Вот и ты написал: «Воспоминания – фигня: тема мелкая. А грустный я, наверное, из-за того, что весь день без тебя, моя милая. Когда исчезаешь ты, то я, как нормальное животное, часть природы окружающей, не нахожу себе места при солнечном затмении, цепляюсь за любую возможность увидеть тебя – мой лучик спасительный! Я мечусь в смятении...»

Вос-по-ми-на-ни-я – слишком много гласных, тебе не кажется?

Знак обреченности прогонят наши ангелы

«Что тревожит тебя? – смотрю на тебя задумчиво. – Что не дает спокойно плыть по течению будней и выходных, плавных и равновесных в твоём быту, давно налаженном?»

«Ты, – отвечаешь мне. – Равновесие нарушилось».

«Вот они мои иллюзии, а я думала: несу тебе гармонию».

«Ты приоткрыла мне рай, и, познав его, тут же увидел ад».

«Рай, ад – все относительно, – машу рукой легкомысленно. – И все-таки...Что тревожит тебя?»

«Тревожит знак обреченности, витающий в воздухе, – закуриваешь сигарету с фильтром

коричневым, но, увидев мои глаза погрузневшие, тут же берешь за руку.

«Теперь ты про знаки говоришь! – стараюсь не придавать значения. – А неделю назад писал, что ничего не смыслишь в них».

«Знаки... будь они неладны, эти знаки, не бери в голову! – соглашаешься. – Ничего не знаю о них и ненавижу мистику. Знаю одно – хочу видеть тебя, смотреть на тебя, обнимать и слушать – тебя».

Я отворачиваюсь.

Ты прав: чувство обреченности, в нас от рождения заложенное, покрывалом накрывает и не дает воздуха, а мы и не сопротивляемся! Мне, как никому другому, знакомо это парализующее ощущение. Еще не успев вздохнуть, я выдох чувствую. А начиная путь, уже вижу возвращение. Утро несет признаки ночи, а ночь приобретает краски рассвета – размытые. Целую возлюбленного, уход с его прикосновений считывая, и ускользаю раньше – из чувства самосохранения. Нет, все-таки склонен к мазохизму человек творческий, напишу трактат в будущем «Мазохизм как пинок к вдохновению».

Но ты меня успокаиваешь, шепчешь: «Знаки обреченности прогонят наши ангелы – заштрихуют черным фломастером», домой отвозишь, мы прощаемся, и каждый погружается в свой заповедный мир, и миры эти друг с другом не связаны.

Отправь ангелам побольше фломастеров.

Пушкин был великим поэтом

«В выходные у меня дома девичник: пять моих старых подруг – успешных, смешливых и снисходительных, воспитанных на «Неоконченной пьесе...» – там, где «Мне тридцать пять! Пушкин был великим поэтом. Лермонтов – восемь лет как лежал в

могиле! Наполеон был генералом!», прикатят ко мне шумно – по-юношески. Подруги мои – не отчаявшиеся.

Хочу их удивить-порадовать: приготовлю что-нибудь вкусное, например, с черносливом молодую телятину, итальянский салат с кедровыми орехами, рукколой, с Фетаксой и маслом оливковым. Разложу салфетки яркие – цвета апельсина оранжевого, поставлю свечи с запахом цитрусов – летом очень кстати они. Будет много разговоров, смеха, шуток безбашенных – настоящий девичник, как ты думаешь? Вот такая суббота будет у меня!»

«Милая моя, милая, за девичником не стану подглядывать, но как ты сервируешь стол – мне нравится. Буду вторить тебе губами горячими: "Салфетки цвета оранжевого..."».

«А в воскресенье... я буду свободна во второй половине дня – ничего у меня не запланировано. Скажешь, прозрачный намек, да? Нет-нет, это просто так – не бери в голову. А что будешь делать ты? Вдруг свободен? Ты бы мог приехать ко мне... Или заботы семейные, обязанности?»

Твоя Дурочка в платье из солнечных зайчиков».

Все-таки Пушкин был великим поэтом – никогда не мучил вопросами дурацкими, вопросами, на которые ответ – молчание.

Скольжение

*Мальчик, значения ссоре не
придавай,
Помни – большие странные люди.
Сказав друг о друге самое злое,
Завтра готовы врагов
друзьями назвать...*

Н. Рерих, 1916 г.

Сцена 1

В висках стучало – он знал, что это конец. Или начало конца. Не имело значения.

Сегодня он все завершит, поставит точку, найдет для этого силы. Он сможет.

«Как она могла, вот так все взять и пустить под откос!»

Он остановил машину около дома, выключил фары и откинулся на спинку сиденья. Посмотрел на их темные спящие окна: еле заметное и только ему знакомое слабое свечение подсказывало, что в холле, в глубине квартиры, горела настольная лампа.

«Я никому не нужен, мне так пусто», – он был пьян и измучен.

Ему казалось, что в этом состоянии он находится уже целую вечность, и никогда ничего хорошего не случалось. Подниматься домой не хотелось.

Было начало ноября, дождь, смешиваясь с мелкими крупинками снега, импульсивными зигзагами скатывался с лобового стекла машины.

«Остаться в машине до утра». Он так частенько делал последнее время и, прокурившись в полудреме, так и не поднявшись домой, уезжал обратно в офис.

«Можно позвонить Тромбону... – он с тоской подумал о приятеле-меломане, обклеившем всю свою

комнату-студию яичными коробками для поглощения звука, маленьком вертком, с дергающейся головой, с обманчиво умными глазами, куражно и непуतेво скользящем по жизни под звуки Chuck Berry, Billy Holiday и Elvis Presley. – Можно поехать к...» – он перебирал варианты, прекрасно осознавая, что и на этот раз ни к кому не поедет, так как не может оторваться от возникшей ситуации.

Он понимал, что видеть ее было бесконечно мучительно, а не видеть еще страшнее. Липкое ощущение свершившегося предательства, подлой измены все больше давало о себе знать. «Не могу спать, не могу работать, не могу думать, не могу дышать». Чувство собственности смешивалось с желанием по-простецки хлопнуть дверью, плюнув на все: на долгие годы их жизни, на студенческое безденежье, на годы в Африке, на подрастающего сына, на устроенный и благополучный ново-русский быт, на их музыку, на их чумовые ночи, на уходы и возвращения, на друзей, на родственников, на всех и вся... – она же смогла! Он давно руководствовался вечным правилом: что можно мужчине, нельзя женщине. И это так было, есть и будет.

Наконец решимость пришла к нему, он вышел из машины, хлопнул дверью и направился к дому.

«Заберу ребенка, кота... Главное, забрать что-нибудь *очень* важное для нее, без чего она жить не сможет, и тогда обо всем пожалеет...»

Приближаясь к двери подъезда, он ускорил шаг, ощущая, как осенний ветер наполняет все его тело холодом.

«Спать легла! Все по фигу, не волнует! Я уничтожу ее, его и себя».

Лифт шел бесконечно долго, сердце сбивалось с ритма, пальцы, пытавшиеся выудить ключи из кармана пальто, запутались во всякой мелочи. «Зачем

я все это таскаю, мусор, даже пиджак в химчистку не может сдать».

Двери лифта открылись, шаги гулко отозвались в спящем доме, быстро щелкнул замок, он вошел в темный холл квартиры.

Сцена 2

Он, в пальто, не снимая сапог, опускается в холле на старинный зеленый диван, опускает голову и гонит сомнения.

«Он знает, что она знает, что он знает».

Он также знает, что она его ждет и не спит, просто затаилась.

Да, он знает! Она ждет его очень давно, ждет с того первого дня, когда они впервые встретились в Новогоднюю ночь, и он сразу же на утро сделал ей предложение. С того дня, когда «небо было высоким и чистым...».

Он вздохнул, ему стало жалко ее: его так долго не было рядом. А она... так много всегда что-то говорила, кокетливо закатывая глаза, излагая свои мысли мудреными многословными фразами. Как часто он ощущал чувство вины еще только по дороге домой, пытаясь что-нибудь придумать и свято в это поверить, запутавшись в правде и выдумке. Он знал, что она стоит у ночного окна и настойчиво ждет. Ждет, ждет, ждет! Это ожидание носило у нее какой-то маниакальный характер! Ну почему? Почему бы ей не лечь спать и проснуться утром с доброжелательной улыбкой? Ну почему она его все ждет? И вообще? Что она ждет? Тень у дома, шум подъезжающей машины, его тяжелый голос после продолжительных «Абонент не отвечает...». Его это раздражало.

«Разве я не любил ее, не хотел, не баловал? Разве я мало делал, разве не выполнял все ее прихоти? Разве не находил нужных слов, разве не хотел понять?»

– он пожимает плечами и тут же с досадой опять вздыхает, тщетно стараясь вспомнить, что же все-таки удерживало его так долго и так далеко. – Почему не рассмотрел я цвет ее слез, шепот ее боли?»

Электрические струны души нервно возвращают разогнавшуюся боль.

Он встает.

Пересекая полумрак холла, где светящаяся лампа отбрасывает ночные тени, он больше не ощущает знакомый запах ночи. Входит в спальню и, останавливаясь в дверях, резко ударяет по клавише выключателя. Комната ярко высвечивается, символизируя решительные действия главного героя. Его длинное черное пальто, как плащ средневекового рыцаря, скрывает меч крестоносца.

Сцена 3

В зеленовато-серой спальне на широкой кровати под большим одеялом лежит мелкая женщина, уверенная в том, что спит, но, ощущая спиной, что этот процесс будет сейчас завершен.

«Ну что ж, – проносится у нее в голове. – Это и есть счастье – минута тишины перед тем, что тебя ожидает».

Ее реакции замедленны из-за бессонных ночей последнего месяца. Жмурясь от яркого света, она медленно и неуверенно поворачивает голову на подушке: на часах 2 часа ночи. Она переводит взгляд на него, и их глаза встречаются...

...он ничего не говорит, делает резкое движение вперед, и большое одеяло, как ковер-самолет, летит в сторону.

Тишина нарушается ее вздохом: она ахает и, делая акробатический кульбит в сторону, почти беззвучно оказывается на другой стороне кровати. Бессмысленно вполголоса возмущаясь и что-то

объясняя скороговоркой, она вскакивает на ноги и, путаясь в собственных руках и ногах, пытается найти верхнюю одежду.

Он оказывается рядом.

Слова, вскрики, всхлипы, отчаянное мотание головой, спутанные волосы, попытка натянуть джинсы, заедающая молния, жесткие мужские пальцы на худом плече, непослушные руки, бесконечные пуговицы на кофте, запах сырой улицы от его одежды, рассыпавшаяся мелочь на белом ковре, его уверенные широкие шаги, ее стремительное движение из спальни.

Одним прыжком она проскакивает через сумеречный театральный холл, на ходу закрывая дверь в детскую, и оказывается в большой комнате. Натыкаясь в полумраке на мебель, она спешно пытается переодеть свитер, надетый наизнанку.

«Ускользает, – стремительная мысль пронзает его. – Всегда ускользает, ни за руки не ухватишь, ни за душу не возьмешь».

Он устремляется вслед за ней, как охотник – за дичью.

Справившись со свитером, она проскальзывает на кухню и торопливо, согнувшись, ищет пачку сигарет, ладонями шныряя по столу, комоду, подоконнику, бессвязно бормоча какие-то слова, подетски всхлипывая и причитая: «Ужас, ужас, сейчас все кончится. Даже не умылась, – под руки попадают какие-то другие предметы: пепельница, ручка, записная книжка, недопитая чашка кофе, телефонная трубка. – И мама... мама мне давно не звонит... все строит что-то... забыла, забыла про меня... Погибну тут, никто не спасет. Никто и не узнает, ужас... Ужас!».

Наконец, пальцы хватают сигареты.

Отчаянным жестом смахивая в холле со стола вазу с черно-бордовыми розами, он фантомом оказывается рядом с ней на кухне. Одной рукой он резко разворачивает ее лицом к себе, другой – зажигает свет. Вода из опрокинутой вазы тонкими струями медленно серебрится на пол. Ее глаза наполняются крупными каплями слез, в которых множатся сломанные головки разлетевшихся цветов.

- Мне больно, – шепчет она.

- Мне тоже больно! – криком отвечает он и срывается на монолог, вырывающийся из подсознания и разлетающийся искрами пронзительной боли из надорванной души.

Затаенные обиды, недосказанность и тщеславные амбиции вихрем проносятся и вырываются через окно на улицу, в ночное осеннее небо, спящие равнодушные глазницы окон, рикошетом отражаясь от черных прямоугольников московских домов.

Она опускается на холодный плиточный пол, пересохшие губы сдерживают воздух, горло саднит от горечи сигарет. Движения напоминают замедленную съемку: воспаленно красно светит над столом абажур, под ним, на золотой ленте, медленно раскачивается фруктовый ангел с венецианской улыбкой, пепел повторяет форму недокуренной сигареты.

Ее рука тянется к волосам, и пальцы медленно убирают с лица рассыпавшиеся пряди. Сквозь прозрачную дымку звящей тишины беззвучно, *целую вечность*, падает стул.

Он стоит у окна, спиной к ней, руки в карманах брюк. Его душа пуста, а взгляд остановлен на одиноком силуэте уличной кошки, кустарной глиняной фигуркой застывшей на крыше соседнего дома.

В ее потускневших серо-зеленых глазах, еще недавно наполненных смесью вины, любви и жалости,

отражаются застывшие кресты хохочущих птиц с Брейгелевской репродукции на стене.

Звук выключен.

Тишина.

Сцена 4

Он и она стоят напротив друг друга у входной двери. Он без пальто, она – в черном пиджаке, натянутом на свитер, и в черных джинсах.

– Я ухожу, – произносит она.

С его стороны следуют слова, провоцирующие ее намеченное действие, слова человека, которому так плохо, что хочется сделать еще хуже.

Дверь закрывается.

Шум лифта.

Удар подъездной двери.

Ее удаляющиеся шаги.

Его растерянно-застывшая фигура.

Ночь.

Звук включается очень громко, но качество условное: слышно шипение, какие-то помехи.

Сцена 5

Она стояла в начале четвертого утра, в начале ноября, почти в центре Москвы. Выходя из дома, она еще не почувствовала промозглого холода, пробирающегося до самых внутренностей через пиджак и тонкий свитер.

«Холодно как... пальто забыла», – подумала она, но уже значительно позже, когда поняла, что не знает, куда идти.

Мысли путались.

«Теперь я – бомж, ушла из собственной квартиры, – она вздохнула и подняла воротник. – Бабушке это не понравилось бы».

Нащупав в карманах какие-то бумажки, она определила под фонарем свое незначительное состояние и на секунду позавидовала индийским женщинам, которые носят все свои драгоценности на себе на случай незамедлительного ухода, в чем есть, после изгнания. Она прерывисто вздохнула, как ребенок после продолжительных рыданий, и подняла руку, чтобы поймать случайную машину. Вообще она боялась садиться поздно в чужие машины, но сейчас ей было все равно.

«Все хорошо. Когда-то все должно было случиться... так или иначе», – приободряла она себя.

Она вдруг ощутила себя свободной, вольной совершать самостоятельные поступки и принимать мимолетные решения. Ее тонкий мальчишеский силуэт чернел на проезжей дороге, периодически высвечиваясь вспышками неоновых реклам, и напоминал героиню *Айрис Мердок* из «Черного принца». Та так же стояла и тоже ночью, разбрасывая по ветру, словно цветочные лепестки, кусочки разорванных писем.

Наконец, забравшись в остановившуюся машину, она забормотала как заклинание свои любимые слова, чересчур часто звучавшие со всех радиоволн: «Позови меня с собой, я приду сквозь злые ночи, я отправлюсь за тобой...»

Но уверенности в том, что ее кто-то зовет, не было.

Через пятнадцать минут она уже поднималась по лестнице на второй этаж замусоренного рабочего дома. В подъезде было тепло и пахло кошками. Ничего вокруг себя не замечая, она позвонила в дверь.

Дверь открыл молодой человек. Он был голый по пояс и держал в руке мокрое белье, с которого стекала вода. Он стирал.

Ему не спалось, он не мог спать уже много дней.

На секунду она задержалась в дверях, а когда он посторонился, молча вошла в квартиру, совершенно не задумываясь, что могла оказаться более чем некстати.

– Мне некуда деться, – сказала она скорее себе, чем ему, и поежилась. – Извини.

Она опустила на диван и огляделась.

Комната была небольшая, холостяцкая, заваленная кассетами, чашками с недопитым чаем, полными пепельницами, книгами, какими-то шнурами, свитерами и джинсами. В ванне шумела вода и гудела стиральная машина, а в комнате отчаянно звучал, пробирая до мурашек, *Ozzi Osborn*, “*I just want you*”. Хриплый тяжелый вокал, заполняющий тесное пространство квартиры, подтверждал, что и здесь надрывалась человеческая душа.

– Располагайся, я сейчас, – взволнованно сказал молодой человек, одной рукой пытаясь выудить мятую черную футболку из большой кучи сваленной одежды, и через секунду уже исчез в ванне.

Она с ногами забралась на неразобранный старый диван и, потуже укутавшись в свой черный пиджак, прилегла на подушку с запахом его волос.

В комнате пахло водой, сигаретами и потерянностью. Она тем не менее почувствовала себя в безопасности и заснула, наверное, минут на пятнадцать. Открыв глаза, увидела в ногах знакомую фигуру с зачесанными назад длинными волосами. Он с улыбкой смотрел на нее, пытаясь угадать, переехала ли она к нему, наконец, и если да, то навсегда ли, и не использует ли она его квартиру лишь как перевалочную базу.

«Какая тревожная ночь, – думала она, внимательно разглядывая его. – И все время будят...»

– Водки хочешь? – спросил он.

«Какая теперь разница. Можно и водки», – подумала она, кивнула и села.

Когда она согрелась и расслабилась, когда она уткнулась лбом в его плечо, пахнущее чем-то очень знакомым и родным, откуда-то из далекой юности, он нежно взял ее руки в свои большие крепкие ладони и поднес к губам.

«У тебя холодные руки», – сказал он, а может быть, это ей только показалось.

Они смотрели друг на друга долго и молчали.

Слов не было, слов было слишком мало. Да они и не нужны были.

Так они сидели целую вечность, пока на улице не забрезжил рассвет, и они не поняли, что наступил другой день.

Потом он пытался оставить ее, уложить в чистую постель, подоткнув везде одеяло, как ребенку, укутав и согрев, не прикасаясь к ней, а лишь присев рядом, охраняя ее сон, и теша себя надеждой, что это навсегда – на всю оставшуюся жизнь.

Но она только отчаянно мотала головой и шептала:

– Мне надо идти, я приду к тебе потом, мне надо идти,.. – как будто боялась признаться себе в том, что было очевидно для них двоих, что выбор уже сделан, и не ими, а кем-то свыше, и не сейчас, а в первую минуту, как они увидели друг друга.

– Я отвезу тебя, – сказал он наконец, осознав, что все бесполезно.

Пытаясь отвлечь себя от непреодолимого желания не выпустить ее, запереть дверь и выбросить ключ в окно, он начал деловито искать ключи от машины среди разбросанных мелочей на журнальном столе.

Она с благодарностью смотрела на него, и чувство уверенности, зародившееся еще очень давно: где-то в юности солнечным ранним утром, чувство,

которое зрело все эти годы и проявилось только сейчас, медленно вползало в нее и заполняло ее всю. Это было чувство уверенности в том, что без этого человека она никогда по-настоящему не сможет ни дышать, ни жить, ни смеяться, что ей нужны эти серые глаза, эти уверенные губы, эти тяжелые руки и эти широкие плечи, этот большой ребенок, с которым ей было не страшно и который давал ей силы жить, скользить по этой жизни с удивительной радостью, ощущая ее терпко-сладкий вкус.

Сцена 6

Она сидела на лавочке около подъезда, пытаясь смоделировать свое возвращение, подобрать правильные лаконичные слова, завершающие долгий путь.

– Извини, но я вернулась забрать вещи, – сказала она сама себе, обращаясь в никуда.

«Нет, бред какой-то, забрать вещи... – рассуждала она почти вслух. – С какой стати. Конечно, пойти есть куда, но уходить из собственной квартиры...»

– Я знаю, я виновата. Но ничего поделать не могу. Прости. И раз так все трагично складывается, наверное, нам лучше расстаться, тебе лучше уйти, я тебя понимаю, – проиграла она другой вариант решительным голосом.

Тут она отчаянно замотала головой и заплакала. Глаза ее опухли от бесконечных слез, горло саднило, лицо было некрасивым и усталым, руки беспомощно лежали на коленях, и холода она уже совсем не чувствовала.

«Нет, – шептала она, – нет, я не могу сказать ему все это. Я так боюсь, мне так страшно. Мне придется убрать все наши фотографии, всю нашу жизнь, ведь будет больно вспоминать о прошлом. Зачем только я

их везде понатыкала? Кому нужна была эта иллюзия? Только мне, мне одной. Но что же я буду делать без тебя? Я так долго старалась тебя понять... но я что-то все не так делала, не то, не вовремя... Прости, прости меня, мне так жаль...» – слезы ручьями текли по щекам, и она не увидела, как сквозь серую промозглую предрассветную дымку к дому быстро приближалась мужская фигура.

Мужчина бежал.

Сцена 7

Он стоит напротив нее, тяжело дыша.

Он без пальто, в одном лишь черном пуловере.

Он сильно взволнован, кусает кончики усов и пытается найти слова, чтобы что-то сказать, но не может. Черные круги под глазами от яростной бессонной ночи делают его смуглое лицо старше. Он беспомощно разводит руками, вздыхает и тяжело выдыхает воздух.

Она растерянно смотрит на него широко открытыми мокрыми глазами, пытаясь подсказать взглядом, как начать фразу, но сама теряется и только качает головой.

– Где ты была? – наконец выдыхает он, и голос его звучит высоко и отчаянно. – Я обегал все улицы, все переулки. Я тебя везде искал. Я думал, что с тобой что-то случилось... Господи, где ты была, скажи же, где ты была так долго?..

Он обнимает ее и судорожно прижимает к себе:

– Боже мой, ты жива!.. – и надрывные тяжелые рыдания, так долго прятавшиеся в его груди, вырываются наружу и сотрясают все его тело. – Прости, прости меня за все, – шепчет он скороговоркой. – За всю боль, которую я тебе причинил, я смогу, я справлюсь, мы все забудем. Я

больше не обижу тебя, ты больше не уйдешь, мы все забудем, только не оставляй меня...

Они поднимаются вместе домой, в свою квартиру, где мирно спит покинутый всеми ребенок, ничего не подозревая о бурных событиях протекающей ночи. Они греются вместе под душем, нежно моя друг друга душистой пеной и шепча ласковые слова, успокаивая и жалея, и планируя ближайшие дни. Потом они обсуждают полупшепотом, что они поменяют в квартире, что купят себе и ребенку, что надо добавить в их музыкальную коллекцию, что они вместе приготовят на ужин и под каким соусом, кого из друзей пригласят и к кому из родственников заскочат, чтобы те не обижались.

Потом они спят, свернувшись под одеялом и обнявшись, измученные взрослые дети; а утром, которое наступило уже через два часа, потерянно и отчаянно взглянув друг другу в глаза, они разъезжаются в свои рабочие офисы, на секунду отметив, что необходимо взбодриться горячим крепким кофе, чтобы жить, работать, зарабатывать деньги, приветливо отвечать ничего не подозревающим сотрудникам и быть, как все.

Только с чуть-чуть усталыми глазами.

Сцена 8 – Финал

Вечером она ждала его к ужину – они так договорились.

Она постелила скатерть, зажгла свечи, включила любимую музыку и, вздохнув, решила навсегда забыть сероглазого принца, так внезапно возникшего из какого-то иного мира и другой жизни, – жизни, где ее любили безусловно, где она была королевой, и мир был у ее ног. Да, она решила навсегда все забыть и оставить свои чувства в юношеских мечтах.

Свечи догорели, ужин остыл, а музыка кончилась, когда она все еще ждала его.

Она опять стояла у окна и смотрела в ночь.

Но он больше не вернулся и больше не позвонил.

А через неделю, когда ее не было, захал и забрал свои вещи.

А потом он вскоре развелся, и снова женился, и все забыл.

Здесь вполне подходит поставить размеренную веселенькую вещицу Frank Zappa, и под его сиповатый ироничный голос закурить, заскользить по этой жизни с терпко-сладким вкусом, и больше никому и никогда не давать оценок.

Лето в стуке капель

Ночь была вся в стуке капель.

Они отбивали ритм сначала Хендриксу, затем Сантане, а потом и Моррисону.

Я лежу с открытыми глазами, смотрю в окно, распахнутое в утро, – наблюдаю, как небо из темно-синего незаметно превращается в молочно-серое, сырое и влажное, как полусонный поцелуй. Дождь еще идет, и комната подобна черно-белой фотографии со светлыми пятнами оконных штор.

Перезожу взгляд на стакан с прозрачной водой с преломленным серым светом, на вазу с ирисами на длинных стеблях, с лепестками, похожими на выбеленные лоскуты.

Взгляд скользит по стенам, увешанным твоими картинами маслом: на алые драпировки брошены желто-синие рыбы с открытыми ртами. Беззвучны они и безжизненны. Дождь затянул их кисеей, обесцветив так любимые тобой сочные летние краски.

На моем плече – твое дыхание. Ты – отголосок юности. Есть ли смысл возвращаться в прошлое?

Не поворачивая головы, вижу твои спутанные волосы, все еще наполненные ночным запахом любви, раскинутые руки, лишь час назад выпустившие меня из объятий, сомкнутые веки с голубыми прожилками и полуулыбку-полугрусть человека, вступающего в новый день.

По-прежнему сжимаю твою руку, словно боюсь выпустить твой сон на свободу. Боюсь, что тот выскользнет и навсегда исчезнет в прозрачной дымке подступающего утра.

В моей голове еще звучат твои слова – ты прошептал их одними губами – уже потом.

А сначала...

* * *

А сначала в стуже капель твои губы покрывали мое тело нежными, тоскливыми поцелуями, наслаждаясь знакомым вкусом, предаваясь томительной, долгожданной любви повзрослевших людей и погружаясь в несбыточный сон юношеских грез. Мы касались друг друга, обмениваясь теплом, обнажая сокровенные мысли, давно упрятанные в дальние уголки замороженных душ.

Уже позже, когда мы лежали и рассматривали себя в глазах друг друга, ты спросил, почти беззвучно: «А можно ли? А можно ли полюбить снова? Можно ли войти в одну реку дважды?» И я отвечала с грустью: «Нет». – «Мое сердце давно очерствело», – в твоих словах была горечь. И я кивала: «То, что умерло, уже не вернется к жизни». – «К тому же, – ты продолжал, не слыша меня, – мне достаточно лет, и я уже не влюбляюсь... даже в прошлое свое не влюбляюсь!» – «Понимаю, – опять соглашалась я. – Это – страх. Стать несчастнее, чем был до сих пор».

И тогда-то ты прошептал: «Не хочу, чтобы ты соглашалась», а потом, нежно коснувшись моих губ, закрыл глаза и уснул, как ребенок.

* * *

Лежу, смотрю на светлеющее небо и вижу там свое лицо. Оно так расплывчато и беззащитно. Знаю, дождь скоро кончится, ветер изменит направление, и все наполнится красками и солнечными бликами – оживут цветы и картины, а вода в стакане превратится в многоцветного зайчика. В моих глазах опять заблестят лучи солнца, и я вновь покроюсь чешуей, глянцевой, как маленькая ящерка. А пока...

А пока я ощущаю, как с каждой минутой становлюсь все более уязвимой.

* * *

Помню, как вчера, я воскликнула:

«Боже мой, жду этого лета, солнечного, теплого, жду как счастья, которое все никак не приходит! И лето, и счастье – где-то там, далеко, там, где нет меня».

А ты усмехнулся, налил в бокал вина, протянул:

«Не драматизируй, все времена года хороши по-своему».

«Нет, – я вздохнула, – нет. Для меня есть только одно короткое время, когда можно дать воздух телу и мыслям, когда можно снять маски, снять, как одежды теплые – слой за слоем, и остаться собой».

«Куколка превращается в бабочку, а ее срок краток», – заметил ты.

Но я не слышала:

«Только летом, только летом это возможно!»

«Идеальный самообман», – ты задумчиво посмотрел в окно: сумерки, дождь.

«Нет тепла, – я шептала, – июнь. Все умеренно, самодостаточно в природной отстраненности».

«Нет тепла в душе, – ты пригубил вина, – его не будет и рядом. По чему ты тоскуешь?» Я обернулась и обвела взглядом комнату, где на стенах застыли твои мертвые рыбы.

«Тоскую по уходящему времени, по теплу и по счастью, которые где-то живут без меня – в теплых странах, в других городах, на чужих улицах – в иных жизнях, в тех, где меня нет. В чьих-то других руках».

Ты вздохнул:

«Ты – жадная, неуемная, вечно мало всего. Не ценишь то, что имеешь».

Я рассмеялась:

«Говорят, в погоне за счастьем я умру от "передозы"».

«Передозы ощущений?»

«Нет, бесконечного желания любить».

Помню, как в тот момент подошла к тебе близко-близко, заглянула в темные глаза: «Почему люди не позволяют себя любить?»

* * *

Вся комната наполнена влажным воздухом, холодным туманом он проникает в легкие и остужает чувства. Вылезать из постели не хочется, хочется впасть в спячку и спать, пока не кончится дождь, пока не выглянет солнце и не начнется лето, которого так бесконечно я жду, жду, как и положено, все девять месяцев.

И все-таки поворачиваюсь и аккуратно выскальзываю из-под шелковой простыни. Босиком осторожно ступая по прохладному полу, подхожу к вазе с ирисами и медленно опускаю в них лицо, вдыхаю слабый запах и чувствую признаки увядания. Беру стакан с водой, прислоняю к щеке – холод стекла подобен студёной воде.

Время медленно начинает слагаться, как Leggo. Стою у окна, обнаженная, дождливое утро – уютное,

если – дома. Можно приютиться в кресле или в любимых руках и вдыхать летний дождь с густыми запахами липы и городской намокшей пыли. Юнисексное утро – с признаками рассвета и сумерек, с привкусом грусти о том, что начало уже есть конец, – спокойно и тихо, и не-оди-но-ко, и в стуке капель слышится вечность, отбивающая по московским подоконникам «коронованный» под микроскопом рэгтайм.

А на улице? А на улице – нет уюта, там нет покоя: по-городскому суетно, и дождь – лишь фон, стереофонический – дидиэсовский, а вовсе не дирижер прикосновений и мыслей. Потеряв изысканность, обрамленную дома в оконную раму, там – в городе – дождь равнодушно принимает всех без разбора, снисходительно позволяет сетовать на плохую погоду и торопиться по своим смешно-важным делам.

* * *

Внезапно пространство темнеет и замирает в ожидании, как перед началом театрального действия.

«Гроза», – понимаю я и в подтверждение мысли резко оборачиваюсь – встречаюсь с тобой взглядом. Ты проснулся и внимательно наблюдаешь за мной – мой обнаженный силуэт темнеет на акварельном фоне прямоугольного окна: я – в раме. С тобой я – в раме прошлого.

«Я напишу твой портрет», – ты говоришь и приподнимаешься на локте, шелковые простыни соскальзывают, приоткрывая загорелый торс.

«Ш-ш-ш, – прикладываю палец к губам и отворачиваюсь. – Сегодня дождь, сегодня день молчания».

Я чувствую спиной твое движение – встаешь,ходишь и, прижимаясь ко мне сзади всем телом, обнимаешь, заключая в плотное кольцо рук – мне не

вырваться. Вдыхаешь запах моих волос и, опуская голову, медленно скользишь губами по моей щеке, шее, плечу.

«Гроза, – еле слышно шепчешь ты. – Сейчас она зреет, накапливается острыми осколками дроблённого гранита, которые зимой разбрасывают на лёд. Они впиваются в подошвы, приносятся в дом, проникают в души, колятся-колются...»

Я чувствую, как напрягаются твои мышцы, каким горячим становится твоё дыхание, я прижимаюсь щекой к твоей руке, вдыхаю запах и прикрываю глаза. Ты сжимаешь меня, твои кисти – на моей груди, пальцы касаются сосков – те напрягаются, твоя дрожь переходит ко мне.

Внезапно в небе, как дирижер волшебной палочкой, бархатную штору черных туч разрезает молния. Вслед за первой вспышкой следует другая, третья и вот уже наступает партия металлически-трескучих грозových раскатов. На секунду мы замираем, замороженные мрачным великолепием готической картины. Она – подобна пейзажам Эль-Греко – в сине-розовом мареве под прессом свинцового неба, озвученная музыкой низкочастотных раскатов и подсвеченная вспышками платиновых молний. Мы замираем, потрясенные природными звуками грозовой увертюры. Они проникают в самую глубину сердца и отзываются в нем эхом глухих ударов.

Энергия стихии по невидимым нитям электрическим током проходит и в наши тела, затягивая в свой мистический круговорот страсти. Мы – в ее власти, мы – во власти друг друга, бесстрашно отдаваясь поцелуям природы и от них заряжаясь.

А дождь быстро усиливается, еще минута и с яростным шумом он превращается в ливень, в сплошную мерцающую стену. С благоговением протягиваю руки в распахнутое окно, подставляя их

под тяжелые струи. Набираю в пригоршни воды и с наслаждением выплескиваю на лицо – ты прижимаешь меня к себе еще крепче, руки твои все сильнее ласкают мое влажное тело. А ливневые потоки с порывами ветра врываются в комнату и, словно совершая обряд летнего священнодействия, снова и снова омывают нас. Твоя рука настойчиво скользит по моему телу вниз, касается лона, еще мгновение и вместе с новыми вспышками молний ты входишь в меня, сильно и яростно, необузданно, своенравно. Перехваченное дыхание сменяется вздохом – я чувствую тебя, принимаю тебя.

Водяная прохлада тщетно пытается нас остудить – меня и тебя, надо мной возвышающегося сзади. Дождь потоками стекает с волос и лица, плеч и груди, диктуя нам ритм в унисон со стихией.

И вновь удар грома оглушает пространство, одновременно с ним горячая волна, сокрушительная, всепоглощающая, пронизывает наши тела и вместе с новым каскадом молний, разрезающим небо на части, пульсирующей энергией вырывается наружу.

Страсть, органично вплетенная в стихию природы, переносит нас в пятое время года – туда, где нет времени и пространства, а есть мягко-осознанная сопричастность любви и вечности.

* * *

Мы замираем, как замирает природа.

Стихает дрожь, стихает гроза.

И вот уже небо светлеет, и воздух наполняется прозрачной девственной свежестью.

Ты прижимаешься влажным лбом к моему затылку, делаешь глубокий вдох и судорожно покрываешь поцелуями спину, пространство между лопатками, и я, как губка впитывая твои прикосновения, по-кошачьи выгибаю спину, подставляя для поцелуев шею. Словно эхом

отзывается в комнате стук наших сердец, а разгоряченное дыхание, отразившись от стен, наполняет жизнью твоих желтых рыб.

Они двигают плавниками и уплывают, навсегда покидая свои алые драпировки.

Гроза уходит, о ней напоминают лишь отдаленные раскаты грома – глухие электрические мишельжаровские...

... со звуками старого аккордеона.

Поворачиваюсь к тебе лицом и горячо целую твои сухие губы, а ты увлекаешь меня вглубь комнаты, туда, где сливочный шелк простыней хранит наши тепло и запах. Увлекаешь – в надежде продлить утренний сон и не позволить мне от тебя ускользнуть, покрыться защитной чешуей, блестяще-глянцевой, – она пока мне не нужна, ведь день не начался. День – только впереди, пока лишь – раннее утро.

Раннее утро долгожданного лета.

Поворачиваюсь на подушке и внимательно смотрю в твои сомкнутые веки.

Ты спишь?

Ты спишь. Под сантановский убаюкивающий ритм последних дождевых капель.

Растворяюсь в твоём тепле.

Мысли текут медленно, мягко, словно на веки брызнули топленое молоко, – не то сон, не то явь. Картинки возникают дискретно, но постепенно начинают ускоряться и менять друг друга, как в рапидной съемке, одна другой поглощаясь.

«Любимый мой, не оставляй меня», – внезапно мысль сжимает мне горло, но... еще мгновение и она растворяется в дождливом воздухе.

Делаю медленный вдох и погружаюсь в сон.

Мария Сидлер

Родилась 06.12.1974 в Москве, где и по сей день продолжаю жить, работать, писать и воспитывать двух детей: девочку... и девочку. В первую очередь я – Мама и уже только потом – Автор. Это потому, что сначала я начала сочинять сказки для своих дочек. Со временем как автор пришла и в прозу для взрослых. Мне интересны жизненные перипетии людей, которые потом я воспроизвожу в рассказах. В свое время окончила Московский университет культуры (1998г.)

Очень люблю животных, детей и жизнь.

Ната

Дверь хлопнула, закрываясь. Резкий звук отдался эхом в барабанных перепонках. Ната вздрогнула, поежилась и открыла глаза.

«Наконец-то он ушел... – с облегчением подумала она. – Сегодня что-то долго мусолился...»
Машинально Ната провела рукой по лицу, стараясь отряхнуть невидимую грязь.

Молодая женщина резко села в разобранной постели. Не глядя, нашарила на кресле рядом пеньюар и накинула на голые плечи. Натe страшно хотелось курить, но муж терпеть не мог дыма и её вредной привычки, поэтому надо было найти в себе силы дойти до кухни – там, в укромном уголке, хранились сигареты и зажигалка – а затем выйти на

балкон. Еще страшно хотелось в душ, смыть с тела слюни и прочие следы близости, но, желчно подумала Ната, смыть унижение все равно не удастся, а тело... Тело давно стало чужим. Так что покурить важнее. Сигарета немного успокоит нервы – к приходу мужа надо быть в форме, в образе довольной жизнью жены.

Проходя по коридору, Ната от бессильной злости стукнула сжатым кулачком по стене. Легче не стало, но боль в руке на несколько мгновений отвлекла от боли душевной.

Пачка оказалась почти пустой. «Ну и пусть! – Ната нервно раскуривала предпоследнюю сигарету. – Сейчас покурю, а последнюю оставляю на завтра... Если оно наступит, это завтра...» Ната стояла на балконе, легкий ветерок раздувал полы шелкового одеяния.

О том, как она сейчас выглядит для тех людей, кто невзначай мог поднять голову вверх, женщина просто не думала. Нату больше занимало другое. «Если прыгнуть с балкона, я успею умереть еще в воздухе? Или только от удара об асфальт?»

Подобные мысли преследовали ее последние время слишком часто... Наверное, вид с балкона пентхауса элитного дома располагал к полетам не только во сне, но и наяву: слишком высоко для обычного человеческого восприятия, так и тянуло стать птицей и воспарить над Москвой, которая, казалось, была так близко, точно на ладони лежала.

«Она и лежит на ладони моего мужа, вернее, в его увесистых кулаках сжата...» Ната, конечно, обманывала себя, пытаясь оправдать то, что настолько обесценило её собственную жизнь...

Звонок мобильного в кармане пеньюара заставил молодую женщину вздрогнуть, да так сильно, что недокуренная сигарета полетела вниз.

– Привет, мам! – жизнерадостный голос дочери свел судорогой сердце. – Как ты?

Прежде чем ответить, Ната досчитала до пяти, успокаиваясь.

– Привет, дочь! Нормально... – Ната кивнула для пущей убедительности, хотя дочь все равно этого не могла увидеть, находясь на расстоянии ширины пролива Ла-Манш не только от нее, но и от материка, где она, Ната, существовала. – Как твой туманный Альбион? Еще не растворился в тумане? – шутка далась Нате легко. Наверное, потому, что голос дочери действовал как прямой массаж сердца – заставлял жить.

– Не-а, тут клёво! Приезжай сама, тебе понравится! Вчера в школе был конкурс эссе о Родине. Мой доклад о России на втором месте! А угадай, какая работа на первом? Конечно, об Great Britain! Подхалимщики! – дочь не на шутку, кажется, обиделась на то, что преподаватели, по её мнению, «подыграли своим».

– Лиза, но второе место это тоже хорошо! Главное, что тебе нравится там учиться... Хотя... Ты так далеко... и Леня... И я... – Ната подумала, стоит ли говорить дочери о том, как она соскучилась. – Я обязательно выберусь к вам в следующем месяце. Как только получу содержание от... В общем, обязательно приеду! – идея повидать детей в частной английской школе подняла Нате настроение.

– Отлично, мам! Как раз начнутся каникулы! Я тебя по таким местам проведу... А еще можно в Уэльс съездить, там, говорят, клёво! И Ленька туда рвется!

– Да, да...

– Ладно, мам, я позвоню завтра... или послезавтра! Пока! Чмок! Я люблю тебя!

– Я тоже люблю тебя и Леню! – заканчивать разговор не хотелось, но Ната порадовалась, что дочь отвлеклась на разговоры о будущих планах и ничего не спросила о... о том, о чем сама Ната предпочитала не думать, воспринимая, как плату. Или как

расплату... Ната задумалась и закурила последнюю сигарету...

– Поздравляю, мамочка, двойня у вас! Мальчик и девочка! – голос акушерки доносился словно через вату. Ната едва нашла в себе силы кивнуть, подтверждая, что слышала и поняла.

Детей она назвала Лиза и Леня. В честь своих родителей. Когда детей принесли на первое кормление, палатная врач осторожно поинтересовалась, не собирается ли Ната оставить детей в роддоме? Ната категорически заявила, что детей заберет. Хотя понимала, что ни она сама, ни тем более с детьми, никому не нужна.

В маленькой, тесной однушке с двумя детьми стало вовсе не протолкнуться. Там раньше-то слишком много народу обитало: сама Ната и ее родители. Детскую кроватку с трудом втиснули между продавленной кушеткой, где спала молодая мать еще с детских времен, и выдавшим видом шкафом. Растрескавшийся комод, стоявший раньше на этом месте, пришлось выкинуть. Родители-пенсионеры помогали, чем могли. Втайне печалась о незавидной судьбе дочери, старики радовались внукам. Хорошо-то как – дожили! Увидели свое продолжение! О том, что дети продолжение не только их, но еще и родни по линии биологического отца, никто не вспоминал. Зачем? Если этот негодяй (как его именовала Ната мать) бросил их дочку, как только слышал об ответственности за судьбу той, кого раньше буквально на руках носил?

Ната сама тоже не вспоминала об отце своих детей. Не то чтобы отболело, нет, воспоминания о бывшем, но еще любимом человеке отдавались острой сердечной недостаточностью, но было слишком много иных, более важных проблем, и боль отступала. В первую очередь нужны были деньги. На родительскую

пенсию и пособие дважды матери-одиночки не сильно-то разживешься.

– Так, вы нигде не работали, до того как пришли к нам на соискание?

– Нет, я училась.

– Сожалеем, нашей компании требуются сотрудники с опытом работы...

– Вы так и не получили диплом о высшем образовании?

– Нет, я в академическом отпуске.

– Сожалеем, нашей фирме нужны специалисты с законченным высшим...

– Почему вы ушли в академический отпуск?

– Из-за беременности. В резюме написано, у меня двое детей...

– Нет, нашей организации не подходят сотрудники, которые большую часть года проведут на больничном...

Почти случайно, по протекции бывшего сокурсника (с которым пришлось пару раз переспать), Нату взяли на работу в ресторан. Метрдотель не самая престижная должность, но все ж таки и не официантка. И работа сменная. Нату все устроило, а плату за устройство на работу она не посчитала такой уж завышенной. Противно, конечно, зато работа приличная. А кто сейчас по-другому устраивается?..

...Как часто бывает в мае, ясное небо внезапно затянули грозовые тучи, и первый раскат грома заставил Нату уйти с балкона. В спальне по-прежнему были задернуты шторы и разворочена кровать, но Ната прошла напрямик в душ. Бардак подождет. Однако, вместе с горячими струями,

нахлынули новые воспоминания. Вода не может смыть память.

– Девушка, что вы делаете сегодня вечером?

– Я на работе. Какой столик вы предпочитаете: в глубине зала или около окна?

– Ната, это ВИП-клиент. Ты что, лицо из телевизора не узнала?..

– Ната, это тоже ВИП-клиент. Я тебя прошу, будь с ним поласковой. Он наша «крыша».

– Ната, ты же не хочешь лишиться работы? Сегодня надо сопроводить вот этого человека...

– Да, оплата, как всегда, за эскорт-услуги. Я понимаю, что это твой законный выходной... Уговорю его заплатить вдвойне. Поедешь?

– Ната, давай я тебя освобожу от должности метрдотеля, а? Слишком много заказов на тебя.

Денег стало достаточно. Не то чтобы много, но на лекарства старикам и игрушки малышам хватало. Нату пугало одно – сколько может продлиться такая странная жизнь? Молодость уходит безвозвратно...

...Завернувшись в махровое полотенце, Ната вышла из душа. Постель была уже идеально гладкой. Горничная Таня поправляла шторы.

– Что ты тут делаешь?

– Ну, Наталья Леонидовна... Скоро ваш муж придет же, а тут...

– Держи, – Ната вынула из тумбочки крупную купюру, протянула Тане.

– Что вы все от него скрываетесь, а, Наталья Леонидовна? Рассказали бы давно и дело с концом!

Мне уже даже эти деньги не в радость – сил нет молчать и смотреть, как вы мучаетесь!

– Нельзя, Таня, нельзя... Бери и уйди, пожалуйста...

Таня в сердцах выхватила купюру из рук Наты и выбежала в коридор. Ната проводила ее грустным взглядом.

«И сигарет нет...» – эта мысль расстроила больше, чем справедливые слова Тани. Но сил пойти вслед за горничной и попросить ту сходить до ближайшего магазина не было. Вместо этого, Ната подошла к окну и раздвинула шторы. Гроза бушевала, но за стеклопакетами ничего не было слышно. Как в немом кино, перед Натаиными глазами носились на фоне сплошных струй дождя поднятые с земли мусор и оторванные ветви. Изредка эта фантазмагоричная картина озарялась яркими вспышками молний.

«Вот так и моя жизнь носится по чужому велению, как этот мусор. И только дети её озаряют редкими вспышками света...» Ната прижалась мокрой головой к стеклу. Струи дождя тут же потекли и по внутренней стороне. А может, это слезы?

– Наташа, я не молод, понимаю, но и ты не вчерашняя школьница... Твоим детям нужно нормальное будущее, а тебе – уверенность в их будущем, да и в своем собственном, думаю, тоже не помешает. Нельзя же вечно работать эскорт-девушкой... В общем, я предлагаю тебе выйти за меня замуж. Учти, два раза предложение я делать не намерен. Я человек деловой, и ты – мое удачное вложение капитала. Ты красива, умна – по нынешним временам гламурных красоток – это редкое сочетание. Мне нужна нормальная хозяйка дома, а не кукла разряженная. Так что не надо мое предложение воспринимать с излишним романтизмом... Меня, кстати, очень радует твоя преданность и любовь к

детям – надеюсь, в твоём сердце найдется любовь и к моему сыну? Он от первого брака... Мальчик хороший, но немного отличается от остальных детей... Бывшая жена не общается с нами, у нее своя жизнь. Так что у тебя не должно быть проблем с тем, как он тебя примет. Со своей стороны обещаю, что для твоих детей сделаю все возможное в части образования и будущего устройства в жизни...

«Разве я могла тогда сказать «нет»?» – из глаз сами собой текли слезы, смешиваясь с дождем по ту сторону стекла...

...Свое обещание Аркадий сдержал – ни Ната, ни Лиза с Леней не знали отказа ни в чем. Лучшая школа, игрушки, одежда. Ната смогла вздохнуть свободно, не тревожась за детей и не продавая свою красоту. Муж сразу же назначил ей достойное содержание, объясняя, что давать каждый раз деньги на женские прихоти – это унижительно для нее самой. Лучше, если у Наты будут собственные средства. Нату это устраивало, тем более что большая их часть уходила на совсем уже стареньких родителей. Первые девять месяцев она вовсе не видела своего пасынка – Аркадий объяснил, что тот учится в закрытой школе-интернате. Но на летние каникулы обязательно приедет.

Ната ждала с внутренним нетерпением встречи с приемным сыном. Она выспросила все, что могла придумать, у мужа и ждала обычного подростка четырнадцати лет – всего на четыре года старше ее собственных детей...

– Да-аа-аа, фто эфо за фётя?

Ната не сразу поняла, что ей прокричало это странное рыхлое существо, кажется, мужского пола,

вышедшее из машины вместе с её мужем. Аркадий поддерживал его под локоть.

– Познакомься, Ната, это мой сын, Илья. Илюша, это твоя новая мама. Её зовут Наташа, – обращаясь к сыну, Аркадий говорил очень медленно, разделяя слова на слоги.

– Не хофу, не хофу! Фай мне фафету!

– Позже, Илюша. Сейчас ты пойдешь к себе в комнату, затем Наташа принесет тебе поесть... И конфету! – поспешно закончил Аркадий, увидев, что сын начал наливать свекольным цветом.

Они прошли в дом – по случаю лета семья перебралась в собственный загородный особняк. А Ната так и осталась стоять на крыльце вместе с детьми.

Первым пришел в себя Ленья:

– Мам, что это с ним? Говорит, точно маленький... Ты же сказала, что ему четырнадцать? Я думал, мы в футбол сгоняем...

– Не сгоняете, значит... – машинально ответила Ната и рефлекторно притянула к себе детей. «Господи, не дай Бог, когда дети вот такие! Это ж за какие прегрешения Ты Аркадия и его жену так покарал?» Ната не была набожной, но сейчас про кару само всплыло в голове.

Дебилизм вследствие родовой травмы – скупко сообщил позже Аркадий.

«Бедный мальчик! Вот почему Аркадий говорил, что он отличается от других детей. Я понимаю, почему он не сказал мне этого сразу – не уверена, что тогда вышла бы за него. Но какая самоотверженность! Не сдал ребенка навсегда в учреждение, не бросил его мать с таким горем, а сам тянет крест!»

– Лиза, Ленья, нам надо быть внимательнее и терпимее к Илюше... вы же видите, он тяжело болен... А Аркадий искренне хорошо к нам относится...

– Мы поняли, мам...

Но дети, конечно же, не поладили... И Лиза, и Леня пользовались любой возможностью, чтобы улизнуть из дома. Летом это было не трудно. Ната сама вытирала сопли и слюни Илюше, кормила его с ложки, сносила его капризы и неожиданные приступы раздражения, следствием которых были страшные, затяжные истерики. Аркадий много работал, поэтому не мог помочь жене, а прислуга не хотела (или боялась) подходить к мальчику и предпочитала занимать себя бесконечными хозяйственными делами. Осенью семья вернулась в Москву, а Илюша в интернат для слабоумных. До следующего лета все вздохнули спокойно...

«Спокойно! Да я весь год боялась подумать о том, что урод снова будет изводить меня своими капризами!» – Ната раздраженно разматывала полотенце – пора было встречать Аркадия с работы. Еще пара минут, и Ната была готова – элегантные домашние шорты и в меру открытая майка – вполне уместный летний наряд. И наплевать на грозу, тем более что она почти закончилась. Мокрые волосы Ната скрутила в узел, заниматься ими было лень.

– Я дома! – Ната вздрогнула от этого жизнерадостного голоса. Обернувшись, она встретила с мужем взглядом.

– Привет! Я не слышала, как ты вошел!

– Хорошо! А то вдруг бы ты с любовником была – тут бы я тебя и застукал! – Аркадий засмеялся, довольный своей шуткой. Ната поежилась, будто внезапно замерзла.

– Пойдем, я тебя покормлю. Сейчас скажу Тане накрывать...

– Пойдем... Как Илюша сегодня себя вел?

– Как всегда...

...Следующие три года Ната жила в постоянном ожидании кошмара – это девять месяцев в году, а на три месяца кошмар становился явью. Илюшу привозили на каникулы. Летом с ним постоянно занимались логопеды, пытаясь научить правильно говорить. Учителя, пытаясь хоть что-то вложить в его голову. И Ната. Аркадий настоятельно просил никуда не отлучаться от Ильи, так как он мог повести себя агрессивно по отношению к посторонним людям. Что могла сделать хрупкая молодая женщина против хоть и больного на всю голову, но молодого парня, он не уточнял. Применять меры физического воздействия на его сына категорически запрещалось. А Илюша становился все менее управляемым. Однажды он покусал Лизу и выбил зуб Лене, когда мальчик кинулся защищать сестру. После этого Ната упростила мужа отправлять ее детей куда-нибудь на все лето. Дети были рады. Ната отчаянно по ним скучала, но понимала, что так они в безопасности. Летом она не принадлежала ни себе, ни своим детям.

А через три года кошмар поселился с ними навсегда. Илюша закончил школу. Запирать больного ребенка в специализированное заведение Аркадий воспротивился.

– Ты согласилась заменить ему мать! Вот и заменяй! Или любви у тебя только на своих детей хватает? А моих денег тебе на них хватает?

Нате было стыдно признаться, что она боится Илью. И не может его полюбить. Ну, еще пожалеть – да. Но полюбить слюнявое, не выражающее ни одной мысли лицо?

Педагоги по-прежнему приходили к ним домой – вдолбить в голову Ильи хотя бы элементарные знания оказалось невозможным, но Аркадий продолжал мучить учителей требованием положительных результатов...

– Мама, он ко мне приставал! – Лиза в истерике ворвалась в комнату матери.

– Кто? – Ната никогда не видела дочь в таком состоянии – Лизу трясло, слезы катились ручьями.

– Илья! Он полез ко мне под юбку, представляешь?! А когда я попыталась закричать, зажал мне рот рукой, а сам начал шарить по телу! Меня сейчас стошнит... – слова прерывались всхлипами и икотой.

Приход на кухню горничной спас девочку от худшего. Ната не стала рассказывать Аркадию об этой безобразной сцене. Но уговорила отправить Лизу и Леню в закрытую школу в Англию – детям нужно хорошее образование.

Теперь все время Наты было посвящено 17-летнему сыну мужа...

...Он напал внезапно. Ната только вышла из душа и стояла посреди комнаты голая, вытирая голову. Илья, хоть и был дебиллом, а может именно поэтому, несмотря на свою рыхлость, обладал недюжинной силой. Он легко повалил Натю на ковер и принялся шарить по телу. Ната почувствовала, как он водит по её спине своим половым органом, и тут же кожа покрылась липкой субстанцией... Кончив, Илья вскочил и молча выбежал из комнаты...

Ната долго терла себя под душем. Но мужу решила ничего не говорить. Ей было стыдно... И противно. Ната надеялась, что это больше не повторится. Но она ошиблась.

Несколькими неделями позже Ната отсыпалась утром после приема, куда они ходили вчера с мужем. Плотные шторы были задернуты, поэтому, почувствовав, что кто-то раздевает ее, и приоткрыв глаза, Ната не сразу поняла, что это не муж, а... пасынок. Только по надрывному сопению молодая мачеха осознала, что кошмар повторяется снова. Она

попыталась вывернуться, но тяжелый Илья придавил ее к кровати и довел начатое до конца. Как и прошлый раз, кончив, он убежал из спальни. У Наты случилась истерика.

Насилие пасынка стало её крестом и постыдной тайной. Ей казалось, что стоит рассказать Аркадию о поведении сына, как он во всем обвинит жену и выгонит из дома, а заодно лишит и её детей нормального будущего. Кому нужна женщина за тридцать пять без образования, с небольшим опытом работы в ресторане и большим опытом эскорт-девицы?

Она уже не пыталась сопротивляться торопливым потным рукам, старалась лишь отворачивать лицо, чтобы слюнявые губы не касались её. Тело никак не реагировало на соитие с дебилом, оно просто выполняло часть работы...

– Ната, тебе не кажется, что ты слишком засиделась дома?

– Ты хочешь, чтобы я пошла работать? – Ната удивленно вскинула брови и внимательно посмотрела на мужа.

– Нет, – он засмеялся, – но ты перестала со мной выходить куда-либо. Мне не нужна жена-наседка...

– Хорошо, говори куда, я пойду, конечно, с тобой. Просто Илюшу сложно оставить одного...

– Да, я очень признателен за все, что ты для него делаешь, – лучшей няни я не смог бы найти ни за какие деньги... Но и об обязанностях жены не забывай, пожалуйста. – Нате показалось, что тон у Аркадия немного предупреждающий.

Ната давно осознала, что муж действительно относится к ней, как дорогой многофункциональной вещи. Её купили. В няньки буйному дебилу. В игрушки папаше. Ну и что? Зато ее собственные дети в достатке. Она сумеет обеспечить их будущее. Чего бы ей самой это не стоило...

– Аркаша, мне кажется, что тебе стоит нас обезопасить...

– ???

– Нет, не подумай ничего такого... Но жизнь штука непредсказуемая. Давай подпишем брачный договор... Вдруг ты решишь меня бросить? Я пропаду одна, с детьми... Или вдруг со мной что-то случится – мне бы хотелось, чтобы Лиза и Леня имели средства на самостоятельную жизнь.

– Разумно. Я подумую.

Ната терпеливо ждала несколько недель. Когда Аркадий принес бумаги ей на подпись, она впервые за последние годы искренне обрадовалась – суммы отчислений ее детям в случае смерти самой Наты оказались более чем приличными, вполне хватит, чтобы они встали на ноги. Но сумм, которые полагались им в случае развода, не было проставлено вовсе...

...В Москве снова шел дождь. Теперь это был хмурый осенний плач природы. Ната стояла на балконе в том же пеньюаре, что и когда-то весной. Шелковые полы раздувал холодный ветер, обнажая стройные ноги. Ната курила последнюю сигарету. «Последнее время у меня слишком быстро заканчиваются сигареты...» – отвлеченно подумала она, разглядывая асфальт с высоты двадцать второго этажа. Сегодняшний визит пасынка был особенно унижительным. Наверное, потому что он шептал ей прямо ухо корявые, плохо понятные слова. Их можно было бы принять за нежности, если бы дебил был способен на какие-либо человеческие переживания, а не только на животные инстинкты...

...Ната все же рассказала Аркадию о нападениях Ильи. Реакция была неожиданной.

– Мальчик вырос. Ему же нужно куда-то девать сексуальную энергию и сбрасывать напряжение... Я увеличу ежемесячные выплаты тебе или, если хочешь, добавлю содержание твоим детям. Но ты должна и впредь оставаться рядом с мальчиком. Да, не беспокойся, разводиться с тобой я пока не буду, но выходить со мной больше никуда не надо – для этого я нашел другую женщину... Посвежее. Извини, если моя откровенность тебя задела... – добавил Аркадий после спича, увидев какими испуганными глазами смотрит на него жена...

После этого разговора, Ната с покорностью резиновой куклы воспринимала визиты пасынка. Мужа на пороге спальни она больше не видела – он переехал в другую комнату...

...Звонок телефона прозвенел неожиданно. Ната вздрогнула. Нашарила мобильный в кармане пеньюара.

– Мам, хелло! – бодро прокричал Леня в трубку. – Сегодня моя очередь звонить. От Лизки привет!

– Здравствуй, сынок! – Ната с трудом проглотила ком в горле.

– Мам, ты че, плачешь?

– Нет, что ты, простыла просто...

– А-а-а, тогда ладно... Лизка спрашивает, когда ты к нам снова приедешь? Или, может, ты нас забереешь?

– Тебе не нравится учиться в школе? – Ната встревожилась.

– Не, в школе клево... Но я.. мы... нам тебя не хватает! Ты так редко приезжаешь...

– Леня... Я всегда с тобой и Лизой.... Я всегда о вас думаю...

– Это клёво, но лучше бы мы жили вместе...

– Не переживай, у вас все будет хорошо! Я обещаю...

- Ладно, мам, пока, меня ребята в футбол играть зовут! Лизка завтра позвонит...
- Я люблю вас!
- Мы тоже любим тебя, мам!

...Яркие полы халата трепетали словно крылья за спиной молодой женщины. Впервые за долгие годы Ната ощущала себя свободной и счастливой. Она летела точно птица, и ей было не страшно. Её жизнь нашла свое завершение – у детей все будет хорошо. Это главное. Накануне Аркадий все-таки принес документы на развод. Но она не позволит ему отнять у Лизы и Лени будущее...

Мари Веглинская (Светлана Сударикова)

Любовь – это, прежде всего, творчество. Ведь когда мы любим, то становимся Творцами, и, прежде всего, самих себя. Мы меняемся, совершенствуемся, развиваемся, вдруг начинаем читать стихи или петь серенады. И недаром с древнейших времен важнейшей темой в литературе и искусстве была именно любовь. Можно рассматривать любовь как философскую категорию, можно – как болезнь, как счастье или даже как наказание. Взаимная или неразделенная, смешная или трагическая, спокойная или страстная, легкомысленная или серьезная, романтическая или прагматичная – любовь прекрасна во всех ее ипостасях. Потому что любовь – это частичка Бога в нас, свет, озаряющий наш путь на протяжении всей жизни, от первого крика и до последнего вздоха. Да здравствует любовь!

Член Международного союза писателей «Новый современник», член литературного объединения «Моссалит», главный редактор литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR».

За что женщины Петра любят

Ну, никак не может понять Юрий Иванович, за что женщины Петра любят. Петр – это его бывший студенческий товарищ и нынешний партнер по бизнесу. Слава Богу, не один десяток лет знакомы.

Вот Юрий Иванович: всегда ухожен, гладко выбрит, одеколоном сбрызнут, не сильно, в меру, рубашечка накрахмалена, костюмчик отутюжен, галстук тщательно подобран. Правда, Юрий Иванович несколько лысоват, но в целом очень симпатичен. А Петр. Это же кошмар какой-то. Небрит. Говорит, трехдневная щетина. Зимой свитер и джинсы, летом – футболка и джинсы. Ботинки иногда почистить забывает. А к парикмахеру не пойдет, пока Юрий Иванович не пристыдит, мол, окстись, Петя, мы ж все-таки с людьми работаем, с иностранцами. А женщинам нравится! Ну что ты с этим поделаешь.

Вот, бывало, придут Петр и Юрий Иванович в клуб, сядут за столик, коктейль пьют. Не прошло и минуты, глядь, а Петр уже с какой-нибудь барышней беседу заводит. Да еще и не с одной. А с Юрием Ивановичем нехотя разговаривают, будто он тут рядом для мебели сидит. Обидно. В отпуск Юрий Иванович, как белый человек, едет куда-нибудь в Италию, или Францию, в хорошем отеле пожить, лангустов поест, шампанским запить, в бассейне поплавать – в море Юрий Иванович не заходит, холодно. А Петр, как последний нищий, живет в палатке на берегу какой-нибудь речонки, обед на костре готовит, ночами на звезды смотрит и на гитаре бренчит. И обязательно с какой-нибудь Таней, Настей, Дашей, Глашей, да еще и на месте умудрится с кем-нибудь познакомиться. А Юрий Иванович – один. Ну, пойми ты этих женщин!

Как-то Юрий Иванович спрашивает Петра, вроде бы в шутку, мол, за что тебя бабы любят. А Петр только смеется, это, говорит, мой профессиональный секрет. А что ж ты тогда не женишься, у тебя вон выбор какой, на любой вкус: хочешь ученую, хочешь врача, хочешь манекенщицу, или просто красавицу. А зачем мне жена, отвечает Петр, мне и так хорошо. Я человек любвеобильный, мне с одной трудно, мне все сразу нужны: и манекенщица, и красавица, и ученая, и врач, и просто дура, это так, для разнообразия. Юрий Иванович только плечами пожимает. Странные они, эти женщины, бегают за Петром, цепляются, а он, Юрий Иванович, он верный, он преданный, ему и одной достаточно, да вот нет ее, этой единственной, кому бы Юрий Иванович сердце свое подарил.

Вот так жили они поживали, дела делали, деньги зарабатывали. И вдруг появилась на горизонте Наташа. И надо ж такому случиться, что встретила Наташа на пути именно Юрия Ивановича, пока Петр с очередной пассией звезды где-то в Тверской области считал. Одна старая мамина знакомая познакомила Юрия Ивановича с Наташей по просьбе, естественно, мамы – та спала и видела, чтобы единственного сыночка женить на приличной девушке. Наташа – такая мягкая, нежная, домашняя, волосы волной, глаза большие, серые, добрые и немного грустные, хотя Наташа всегда улыбается. Наташа – учитель математики. С одной стороны, она совершенно семейная, а с другой – стройная и красивая, с такой в обществе показаться не стыдно. Где надо Наташа улыбнется, всегда к месту пошутит, нужно помочь – поможет, в общем, не женщина, а клад.

Естественно, знакомить Наташу с Петром Юрий Иванович не спешил. Дураков ищите в зеркале! Он вообще скрывал от друга свой роман, хотя по глуповатой улыбке, предательски возникающей на

лице Юрия Ивановича именно тогда, когда радоваться было нечему, Петр заподозрил, что в жизни партнера происходит нечто странное, похожее на вторжение женского пола, и всячески пытался Юрия Ивановича расколоть, но тот держался геройски, мол, отстань, все тебе мерещится да кажется. А, как известно, если кажется, то креститься надо. Вот Юрий Иванович и крестился, чтобы подольше не знакомить Петра с Наташей. Даже не хотел приглашать друга на свадьбу. Но здравый смысл перевесил – все-таки партнер по бизнесу, еще обидится, а дело хорошее, деньги большие, а без Петра Юрий Иванович не потянет. А тут еще Петр с инициативой выступил, мол, давай свадьбу за счет фирмы сделаем, а траты на представительские расходы спишем. Понравилась Юрию Ивановичу инициатива. Все-таки Петр молодец.

Три дня гуляли-веселились, одних французских вин шесть ящичков выпили, а шампанского-то, шампанского! Шесть поваров только салаты рубили, молодых поросят Юрий Иванович лично в подсобном хозяйстве выбирал. Чего и говорить, удалась свадьба. Петру, конечно, Наташа понравилась. Он хоть и с другой девушкой пришел, а сам все на молодую смотрел, и говорит Юрию Ивановичу, выиграл ты в лотерею, друг, один из сотни. Не выиграл, с гордостью отвечает Юрий Иванович, а заслужил. Но в душе взволновался, как же теперь такое сокровище от Петра уберечь?

И пошла у Юрия Ивановича жизнь семейная и, надо сказать, приятная. Наташа оказалась хозяйкой хоть куда. Дом в чистоте и порядке содержит, а Юрий Иванович беспорядок страсть как не любит. Вот он придет с работы, все проверит, в каждый угол заглянет. Контроль всегда кстати. Молодец, хорошо убралась, лучше Любки (бывшая уборщица Юрия

Ивановича), и, между прочим, экономнее. Дорогие они теперь, эти домработницы. А куда денешься, если жены нет? А теперь есть. Теперь порядок. И ужин готов: то тебе жареное, то пареное, то тушеное, а к нему огурчики собственного посола, грибочки, помидорчики, салатки разнообразные. Вкусно.

По субботам Юрий Иванович и Наташа в театр ходят, если, конечно, дела позволяют, а по воскресеньям в Поворовку ездят, там Юрий Иванович затеял строительство нового дома, а то в центре жить – только здоровью вредить, а за городом воздух свежий. Дом будет большой, с каминным залом, с бассейном, сауной, зимним садом, Бог даст, через пару лет достроят.

На праздники Юрий Иванович делает Наташе подарки: то вот браслет купил с бриллиантами, то кольцо, то серьги – говорят, хорошее вложение денег. С работы Наташа уволилась – Юрий Иванович настоял. Поначалу она сопротивлялась, все пыталась доказать, что ей, натуре активной, жить без коллектива очень трудно, но, натолкнувшись на полное несогласие мужа, вынуждена была смириться.

Тосковала она страшно. Ей было совершенно непривычно целыми днями сидеть дома, ходить по магазинам, спортивным клубам. Спорт – это хорошо. Но им невозможно заменить общение, без которого душа начинала болеть. К тому же общество, которым окружил ее Юрий Иванович, было не совсем тем, что подходило ее интересам. Найти подругу она так и не смогла. Эти женщины оказались такими скучными. Они говорили о тряпках, прическах, ремонтах, модельерах, деньгах, машинах, кто чего купил, кто куда ездил, кто в каком отеле отдыхал, кого из знаменитостей видел. Все это нисколько её не трогало и не увлекало. С грустью вспоминала она свои учительские годы, когда денег было немного, но были

друзья, интересные веселые люди, планы, события, надежды.

Юрий Иванович ее тоски не разделял и искренне не понимал. И даже обижался, воспринимая такое безрассудное поведение как черную неблагодарность. И никакие Наташины доводы даже слушать не хотел. И она, как человек слабый и податливый, в конце концов сдалась и стала жить той жизнью, которую он ей навязал: в театр, – значит, в театр, на прием, значит, на прием, в Италию, – значит, в Италию. Как-то тихо и незаметно она потеряла собственную жизнь и, как пластилиновая кукла, приняла тот образ, который был ей предложен.

Пытаясь хоть как-то заполнить свободное время, которого было теперь в избытке, она стала рисовать. Когда-то, еще в школе, она хорошо рисовала и даже ходила в художественную студию, где ей пророчили большое художественное будущее, так и оставшееся пророчеством, и теперь, вдруг вспомнив об этом, Наташа решила восстановить утраченные навыки, купила кисти, краски, и в свободное время стала рисовать акварели, сначала простенькие, так, веточку сирени, или игрушку, или грибок под листочком, а потом все сложнее и сложнее. И так увлекло ее это занятие, что все мысли были направлены на то, чтобы поскорее разделаться с домашними делами и сесть за мольберт. Для нее словно бы открылась вторая жизнь.

Однако и тут Юрий Иванович не одобрил ее увлечение, поскольку денег оно не приносило, а времени из хозяйства крало много. Да и по вечерам теперь его жена, вместо того чтобы сесть, поговорить, хваталась за кисти и что-то там малевала. Естественно, что его терпению пришел конец. Хотя надо отдать ему должное, терпел он долго. Может, месяца два. А то и все три. Ну все, сказал он однажды, хватит заниматься ерундой, дом убран плохо, еда

какая-то безвкусная, а ты черт-те чем занимаешься. Да и грязи от этой мазни столько! Нет, я, конечно, не против, но надо меру знать. Лучше займись чем-нибудь полезным. Не ребенок уже. И сделал Юрий Иванович все, чтобы кисти, краски и прочие атрибуты несостоявшегося художника были убраны на самые дальние полки.

Наташа, понятно, сдалась не сразу. Она пыталась убедить мужа, что увлечение это невинное, но для нее очень важное, очень значимое. Это страшно возмутило Юрия Ивановича. Что может быть важнее домашнего хозяйства! И как собственные интересы могут быть выше интересов семьи? А семья – это он, Юрий Иванович. Вон он, Юрий Иванович, как рыба об лед бьется, чтобы сделать их жизнь удивительной и прекрасной! Ну кто она была? И кем стала! Все-то у нее есть: и деньги, и возможность посмотреть мир, отдохнуть за границей или, пожалуйста, в лучших санаториях России. Впрочем, у нее теперь такая жизнь, от которой устать невозможно. И все благодаря ему.

И Наташа в очередной раз сдалась. А, может, прав ее муж? И в этом и заключается счастье, а она просто училка неблагодарная, капризная, избалованная особа? Сама не знает, чего ей надо?

Так что семейной жизнью Юрий Иванович, в конце концов, стал доволен совершенно, и жена его в конечном итоге оказалась именно такой, какой он ее и представлял. Ну просто удивительно!

А для Наташи повторный брак оказался повторной ошибкой, только она признаться себе в этом боялась. Конечно, Юрий Иванович не бил ее, как первый муж, но, соглашаясь стать его женой, она совершенно не предполагала, что он до такой степени будет подавлять ее волю. Она представляла себе мужа человеком, который будет разделять ее взгляды,

считаться с ее мнением или, на худой конец, принимать то, что это мнение, как и его собственное, имеет право на существование. Но Юрий Иванович был человеком иного покроя. Он искренне полагал, что мнение Наташи – это все равно, что его собственное, только не высказанное. То есть он говорит, а она помалкивает да послушивает, чего умный супруг скажет. Он абсолютно не допускал, что у жены может быть своя собственная жизнь, ни одной минуты, ни одной секунды. Да не только своя собственная жизнь, а свои интересы, отличные от его интересов, свои желания, отличные от его желаний, свои мечты...

И вот однажды, проснувшись утром, Наташа вдруг поняла, что если бы, к примеру, ну только к примеру, она сегодня не проснулась, то ничего особенного в ее жизни не произошло бы. То есть сожалеть было не о чем. Она вспомнила, что, когда она еще работала, была у нее коллега, которая тяжело заболела и как-то сказала Наташе, что умирать очень не хочется, не страшно, а именно не хочется, потому что в этом мире много всего такого, с чем просто невозможно расстаться, например: дети, заботливый, любящий муж, поездки – они много путешествовали, музыка – она играла на кларнете, и, наконец, дача. Все это ей так дорого и так держит, что мысль о смерти просто невыносима. А вот у Наташи этого самого богатства и не было. Так что и жалеть было не о чем. Нет, безусловно, она имело много того, о чем другие только мечтали. И она это понимала. Безусловно, любая другая радовалась бы такой жизни, как многие из тех женщин, с которыми в последнее время столкнула ее жизнь. Но беда в том, что ее это почему-то не радовало.

И даже бывшего мужа, который временами распускал руки (только когда был пьян), она

вспоминала теперь с теплом, поскольку, как это ни странно, но с ним у Наташи было больше общего, чем с Юрием Ивановичем. А ведь когда-то ей казалось, что нет ничего страшнее, если муж тебя бьет... К тому же она вдруг оказалась в изоляции: бывшие подруги почему-то отвернулись, не в силах справиться с завистью, а новые не появились. Да и общество, в котором она теперь вращалась, было ей ох как в тягость, настолько в тягость, что это проявлялось даже на физиологическом уровне, будто сам организм сопротивлялся ему, как какой-то заразе. Так, например, перед различными вечеринками, на которые ее таскал муж, у нее вдруг высыпал на губах герпес, или случался насморк, или какое-нибудь недомогание. Так что вечеринки отменялись, что страшно раздражало Юрия Ивановича. Ведь он ходил туда не забавы ради, а для дела. А одному приходиться неприлично. Вдруг чего заподозрят, мол, жена его не любит и не уважает?

И осталась Наташа один на один со своими тоскливыми мыслями. Ну хоть к психологу иди, как в американском кино. Да только как об этом Юрию Ивановичу скажешь? Он же еще больше разобидится. Ведь как странно, думала она тем же утром, лежа в постели, – и заботливый, и богатый, и слова грубого не скажет, и руку на нее никогда не поднимет, а ей почему-то с ним... не то что плохо... Несчастливо. И почему? Непонятно. Нет, все-таки она какая-то неправильная.

Однажды она подумала о разводе. И сама испугалась. А что она будет делать, как жить? В ее-то возрасте найти работу непросто. А уж мужа и подавно. И что о ней знакомые подумают? А родителям как объяснить? Опять не получилось? Нет, уж лучше так, чем в нищете и одиночестве. Может, стерпится-слюбится?

Наташа вообще боялась чего-либо менять, и даже с первым мужем, грубияном и пьяницей, и то умудрилась прожить 12 лет, а развелась по настоянию родителей, когда тот просто перестал бывать трезвым в принципе, да и то страшно переживала, чего уж говорить про Юрия Ивановича...

Так что все, что ей оставалось, это смирение и надежда, что когда-нибудь она привыкнет к такой жизни.

И вот тут-то на горизонте ее несчастливой жизни и возник Петр. Точнее, возник-то он давно, но только теперь она обратила на это внимание. Время от времени, сияющий и довольный, благоухая свободной и счастливой жизнью, он появлялся в их доме с неизменным букетом цветов. Он приходил нечасто и ненадолго, иногда один, иногда с женщиной, рассказывал анекдоты, какие-то смешные истории, подтрунивал над Юрием Ивановичем и вскоре уходил в другие измерения, куда путь ей был заказан. Ей нравились его рассказы, нравилась его небрежность в одежде, его небритость, нравилось, как он курит, как держит бокал с коньяком, как смотрит на нее, нравилось, что он дарит ей цветы. Юрий Иванович тоже дарил чудесные букеты, но преимущественно на праздники, а Петр – просто так, без всякой видимой причины.

Он стал для нее чем-то вроде теплого майского вечера, когда солнце зайдет, ветер утихнет, в ложбинках туман затаится, и только птицы в лесу поют, поют, поют. В конце концов, Петр теперь был единственной причиной, по которой она по-прежнему хорошо выглядела, поскольку он никогда не предупреждал о приходе, и мог появиться в любой момент. Нет, ни на что большее она не рассчитывала и даже запрещала себе об этом думать. В конце концов, она другому отдана и будет век ему верна. Так

уж вышло. Так сложилось. Да и по рассказам мужа Наташа знала, что Петр меняет дам в зависимости от времени года, и в этом круговороте вряд ли ей найдется местечко. Да и нужно ли ей это? А что мысли все время вокруг Петра вертятся и крутятся, так то от безделья. Вот только беда в том, что даже тогда, когда Наташа была чем-то занята, она продолжала думать о Петре. Более того, лежа в постели с собственным мужем, ей представлялся Петр. И чем дальше, тем больше.

Юрию Ивановичу эти посещения Петра были очень не по душе, но он ничего не мог поделать, поскольку весь их бизнес держался на Петре, и сам, без Петра, Юрий Иванович не потянул бы. И он терпел эти визиты. Но когда Петр уходил, все свое дурное настроение срывал на Наташе, раздражаясь по пустякам, привязываясь к мелочам, всячески изводя ее несправедливыми упреками и придирками. Так что в придачу ко всем несчастьям Наташа теперь страдала и от ревности мужа. А ревновал Юрий Иванович страшно. В его мозгу рисовались чудовищные картины, где он видел в деталях, как жена изменяет ему с Петром. Что интересно, Наташа понимала причину мужниной злобы, но ничего не говорила и не делала, чтобы разубедить его. Ей как будто все это нравилось. Это вносило в жизнь разнообразие и развеивало скуку. Единственное, что ее беспокоило, – одержимость Юрия Ивановича любой ценой прекратить визиты Петра, убрать его из их дома, а если Юрий Иванович что-либо задумывал, то непременно доводил до конца. В то же время она понимала, что Юрий Иванович побаивается своего компаньона, и вряд ли пойдет на это. Зато как приятно было наблюдать, как изводится Юрий Иванович, как злится, как мечется, как ревнует и при этом продолжает терпеть и улыбаться Петру. Это была маленькая Наташина месть.

И Петр прекрасно понимал, что Юрий Иванович недоволен его визитами, но продолжал их наносить, особо не задумываясь, зачем он это делает. Он видел, что Наташа несчастлива, и убеждал себя, что просто жалеет даму, поскольку воспринимать ее как нечто большее не мог себе позволить: она – жена его друга, партнера по бизнесу. Табу. И если бы кто-то спросил его, чего это он вдруг сочувствует жене своего друга, то Петр искренне возмутился, потому что не смог бы ответить честно на этот вопрос. А потому продолжал сам себе лгать. Пока однажды сам же себе не признался, что попросту не может без Наташи жить. А было это в его любимой Тверской области, где он каждый год на реке Волнушке отдыхал как обычно в палатке.

В этот раз он взял с собой новую девушку. И была она ох как хороша собой: молодая, красивая, стройная, студентка юридического факультета МГУ. А умница какая! С такой девушкой провести время одно удовольствие! И вот сидит Петр у костра со своей очаровательной спутницей, слушает ее милую болтовню, а вместо звезд видит в отражении ее глаз Наташу, и голос юной красавицы время от времени каким-то странным образом трансформируется в Наташин, и мысли Петра почему-то уплывают вместе с течением реки в дом Юрия Ивановича, где сейчас его друг спокойно спит рядом с Наташей. Или не спит? И понял Петр, что впервые за свои тридцать девять лет влюбился, причем не в юную красавицу, а в тридцатисемилетнюю тетку, которая к тому же жена его друга. И как влюбился! Как мальчишка, как дурак какой-то, так что ни о чем и ни о ком больше думать не мог.

Надо сказать, что это открытие Петра вовсе не обрадовало. Во-первых, он вообще считал, что женщины не должны занимать в жизни мужчины какое-то особое место – так, привычка, увлечение.

Или РАЗвлечение. И не более того. А чтобы серьезно... Во-вторых, до это дня Петр был везунчиком. Он рос в прекрасной семье. Его отец по роду деятельности часто работал за границей, и в то время, когда мечтой советского человека была поездка в Польшу или Чехословакию, Петр катался на скейтборде в Риме, затем жил с родителями в Стокгольме и даже учился в Лондоне. Потом поступил в МГУ, занялся бизнесом и достиг в этом деле определенных успехов. И вдруг такая нелепость. Влюбиться в жену своего друга...

Неизвестно, чем бы завершился этот виртуально существующий и не существующий роман, если бы не случилась трагедия. Наверное, ничем, поскольку оба понимали, что у этой любви нет будущего. К тому же никто из них не был уверен в чувствах другого, лишь строил догадки, иллюзии, пустые мечты. А даже если они будут вместе, не факт, что у них что-то получится. А ведь пожертвовать придется многим, если не сказать всем: Наташе придется бросить мужа и спокойную, сытую, хоть и скучную жизнь; А Петру расстаться с бизнесом. Кто готов на такой подвиг? Возможно, Петр переболел бы, успокоился, уехал куда-нибудь в Гималаи, и там, под тенью мыслей вечного Будды, очистился, и забыл Наташу. Или встретил другую девушку, помоложе и по красивее, увлекся, или даже влюбился, и забыл Наташу. Или на берегу любимой Волнушки, под блики костра и шум волн, перегорел и забыл эту чертову ведьму! Ведь как околдовала, ей-богу. Стал бы приходить в гости все реже и реже, а потом и вовсе запамятовал дорогу. И окончательно забыл Наташу. А она... Наверное, погоревала бы, потосковала, поплакала – не без этого, да и смирилась. Родила ребеночка, а там уж точно не до Петра. В общем, был бы хэппи энд. Но...

Но однажды в чудесное майское утро, когда черемуха благоухала и дурманила, а птицы даже в городе пели так, что заглушали шум проезжающих машин, шла себе Наташа по дороге. Шла в магазин, за хлебом. И как обычно думала о Петре. Что-то давненько он не появлялся, и на душе было несколько тревожно: а вдруг не придет больше вовсе?

А в это самое время бежал по дороге мальчик Митя, а может быть, его звали Коля или как-нибудь еще; так вот бежал этот самый мальчик в школу, опаздывал и, не дожидаясь зеленого сигнала светофора, рванул через дорогу. А некий дяденька на новеньком «Фольксвагене» тоже очень торопился и гнал так, что, когда мальчик выскочил на дорогу, просто тормозить было бесполезно, и дяденька резко вывернул руль, одновременно нажав педаль тормоза. И сбил Наташу. Никогда не узнал мальчик Митя, что тетю Наташу добрые врачи тащили, тащили, тащили и таки вытащили с того света, а дядю на «Фольксвагене» посадили за решетку, потому как скорость он превысил здорово; и неведомо было мальчику, сколько денег потратили дядя Петя и Юрий Иванович на лечение тети Наташи, на бесконечные исследования и лекарства, скольких врачей переменили, так и живет себе Митя в неведении, горя не зная. А Наташа вышла из больницы отнюдь не на своих ногах, а в инвалидном кресле. И хоть и сказали врачи, что надежда есть (все знают, что она умирает последней), но только гарантий никаких не дали. Все, сказали, в ваших руках и в руках Господа Бога.

И пошла у Юрия Ивановича жизнь тоскливая и безотрадная, как пасмурное осеннее небо. Вот придет он вечером домой, медсестру отпустит, с домработницей поругается, сядет перед телевизором и сидит. Молчит. А чего говорить-то? И читает в его молчащих глазах Наташа, каким же несчастным она его сделала. Будто не она в инвалидной коляске, а он,

Юрий Иванович. И сразу ее прошлая жизнь, тоскливая и серая, показалась ей раем. Как все же человек неправильно устроен! Ропщет, жалуется, все недоволен чем-то. А счастье-то, оно в том, что есть. Только умей этому радоваться. А она не умела. И чего бы только не отдала, чтобы вернуть прошлое, вот так отмотать и начать все заново. Нет, не начать, пусть все как было, так и будет, но только она стала бы другой, радовалась каждому новому дню, когда можно встать утром с постели, потянуться, и на своих двоих... Впрочем, чего теперь говорить...

И Юрий Иванович тоже очень хотел отмотать все назад. В самом деле, не было у бабы забот, купила баба поросся. Зачем женился? Как хорошо жилось! Ни тебе забот, ни тебе хлопот. Не жизнь, а праздник. И мама зудит, мол, инвалидка, инвалидка, и детей тебе теперь не родит. И правильно зудит. Но Юрий Иванович – человек очень порядочный, он Наташу не бросит, хотя, сказать по совести, мыслишки такие бродят. Но Юрий Иванович их гонит! Пошли вон, окаянные! Не дело это. Спасибо Петру – в трудную минуту поддержал и даже денег на лечение дал, хотя Юрий Иванович не бедствует, но Петр настоял, мол, мы что, не друзья, что ли. И то верно.

Совсем Юрий Иванович извелся, исстрадался, бедняжка, лицом изменился и в весе сбросил. Смотреть на него стало страшно. И вот как-то Петр и говорит ему, мол, вижу, как ты измучился, как устал, езжай-ка ты, Юрий Иванович, отдохни, поплавай в океане, ананасов пожуй, кокосовым молоком запей. Наташу куда? За Наташу не беспокойся. Сейчас лето, так что она у меня на даче поживет, а то вы свой дом-то никак не постройте. Там воздух хороший, вода из артезианской скважины, в саду ягоды зреют, на грядках свежая петрушечка – для здоровья первое дело. Да и не совсем Наташа беспомощная, так что справимся. Обрадовался Юрий Иванович, и как это он

раньше сам не додумался. Отдохнуть, вперед, куда-нибудь на Багамы или лучше на Бали, там, говорят, отели шикарные и климат чудесный за очень смешные деньги. А Наташа и вправду может немного у Петра пожить. Одну-то ее, конечно, оставлять нехорошо. А Петр присмотрит. Да и сиделка, слава Богу, деньгами не обделена.

И уехал Юрий Иванович на славный остров Бали на целых три недели. Ох уж он отдохнул, так отдохнул. Все заботы позади, работы нет, проблем нет, только огни, огни, огни, в ресторанах лангусты, на пляже шелковый песок. И что любопытно, даже дама появилась. Интересная. И, между прочим, Юрию Ивановичу ровня. Юрист. Свою небольшую фирму имеет. Вот только как вспомнит Юрий Иванович, что скоро возвращаться, так сердце-то и занает, будто в него шилом тыкают. И чем ближе день отъезда, тем тоскливее становится Юрию Ивановичу. Хоть и вовсе оставайся. А что, идея неплохая. Вот Хемингуэй, жил себе на Кубе, хотя сам в Америке родился. И он, Юрий Иванович, будет жить на Бали. Дом себе купит с видом на океан, сад тропический высадит, заведет тропическую женщину! В домработницы, естественно. Да за такие деньги, как он в Москве отдает, его на руках из дома выносить и вносить обратно будут! В общем, выгодно во всех отношениях. Понравилась эта идея Юрию Ивановичу, но не осуществилась. Сел он в положенный день на самолет и отправился домой с чемоданом подарков и тяжелым камнем в груди.

Однако когда Юрий Иванович в Москву вернулся, то как-то забирать Наташу домой торопиться не стал. На даче воздух, размышлял он, а в Москве жарь, от жары асфальт плавится. Да и Петр не против. Говорит, ей там хорошо, только навестить надо. А навещать-то некогда, хотя Петр прав, надо. Да дел столько скопилось, а тут и мама приболела. И с женщиной-юристом встретиться надобно. По делам,

конечно. В общем, с Наташей можно повременить. Позвонить-то, разумеется, Юрий Иванович позвонил, здоровьем поинтересовался, сказал, что подарков кучу привез со славного острова Бали, Петр передаст. Только разговор получился какой-то напряженный, не радостный, словно чужие люди разговаривают. И осталось на душе у Юрия Ивановича неприятное послевкусие, как от прокисшего молока.

За делами за работой незаметно пролетело лето. Закружились осенние листья, повалили на землю, гонимые ветром. Серое небо нависло над городом, и зарядили дожди, холодные, печальные. Несколько раз Юрий Иванович к Наташе ездил. Но встречи были какие-то ненатуральные, натянутые. Вот вроде она ему улыбается, но как-то не так. И он ей улыбается. Но по-другому. Поговорят, посидят, и он скорее торопится в город – надо: мама в больнице лежит, гипертонический криз. Ну надо, так надо. И вроде бы Юрию Ивановичу обидно, что Наташа его не удерживает, но в то же время возникает предательское чувство облегчения. Что между его женой и Петром может что-то быть, он и допустить не мог. Ну кому нужна инвалидка! Более того, Юрий Иванович даже стал Петра недолюбливать за то, что он так ловко умудрился в жизни пристроиться – свободным и счастливым.

Конечно, Наташу забирать надо, но как-то все дела да дела. И Петр молчит. Вот уже снежинки первые закружились, того гляди стянет реку лед, а Петр молчит. Не торопит. И Юрий Иванович ничего не говорит. Ждет. Чего не знает. Надо бы, конечно, спросить, мол, когда за женой приезжать, но почему-то очень не хочется. Он ведь и так ее время от времени навещает. Да и выглядеть она стала значительно лучше. Нет-нет, это вовсе не потому, что Юрий Иваныч ее вообще забирать не намерен, просто он о

самочувствии жены очень беспокоится. Ведь на воздухе-то ей лучше. Да и одному дома как-то спокойнее. Может, в санаторий ее отправить? Перт говорил что-то насчет Германии, что ее, мол, туда на лечение надо отправить. Вот Юрий Иванович этим и займется. Конечно, неудобно друга напрягать, он, поди, уже не знает, как от Наташи избавиться. Но ведь молчит! Понятно, благородство изображает. Ну и пусть. Юрий Иванович как представит себе, что Наташа снова переступит порог его дома, точнее на коляске переедет, так его аж мутить начинает, и мысли отвратные в голову лезут. А тут мама еще со своими шуточками дурацкими, мол, пусть дружок твой ее и забирает себе, а то пока с ногами была все с букетами бегал. И ведь права же, черт побери! Бегал. В общем, решил Юрий Иванович молчать до победного. Теперь придет на работу и сидит в тревожном ожидании, как на школьном уроке, когда задание не выучено – только бы пронесло, только бы пронесло. А нервы его уже на пределе. А Петр, сволочь, молчит! Ну что ты будешь с ним делать!

И вот как-то раз, на планерке, Петр и Юрий Иванович сели друг напротив друга, впрочем, они всегда так сидят, посмотрели друг другу в глаза, и состоялся между ними пренеприятнейший разговор. Юрий Иванович нервничал, по столу пальцами барабанил. Все пытался объяснить Петру, что, мол, он Наташу готов в любой момент забрать, только намекни, просто дом-то в Поворовке еще не достроен, а в московской квартире, сам знаешь, условия не те, но деньгами дорогую супругу он готов обеспечить, только скажи, зря отказываешься, я ведь из лучших побуждений... А Петр, скотина, молчит. Только смотрит, сволочь, и ведь не просто смотрит, а словно бы презирает. А за что, собственно?

И понял Петр, что отдавать Наташу можно не торопиться. Понял, и стало ему даже не по себе, словно она вещь какая-то, а не человек. Впрочем, у него и мысли не было отдавать ее Юрию Ивановичу. Однако он осознавал, что неприятный разговор неизбежно состоится. Конечно, Петр давно догадывался, что Юрий Иванович Наташей тяготится, и давно хотел ее забрать, но не знал, как все это обставить. Нельзя же придти к Юрию Ивановичу и сказать, мол, отдай мне ее, или продай, затем в бумажку завернуть и унести как ни в чем не бывало. Она же не телевизор! А Наташа? Она-то что на это скажет? Вряд ли что-либо хорошее. Так можно ее навсегда потерять, так и не приобретя. А тут все как нельзя удачно получилось. И это затяжное молчание Юрия Ивановича вызывало, разумеется, у Петра чувство легкого презрения, но с другой стороны, он был даже этому рад. Он ведь тоже был учеником, который не выучил уроки, и его тоже должны были непременно вызвать, а вопрос был в одном – когда.

Разумеется, Наташе он все объяснил иначе, сказал, что ни за что на свете и никогда не отдаст ее никому, тем более Юрию Ивановичу. Но она не дура, все поняла прекрасно. Усмехнулась, но слезы сдержала. «Ты меня только не жалеяй, – сказала тихо, но твердо, – завтра я к родителям уеду». Посмотрел на нее Петр, покачал головой и говорит: «Кто ж тебя, дурочка отпустит. Я ж тебя в чулане запру, замок амбарный повешу, попробуй выберись!» Затем подошел, руку Наташину к своей щеке прижал: «Да мне, кроме тебя, вообще в этой жизни ничего не надо. Я даже тень твою ни на минуту не отпущу». Вот так и осталась Наташа у Петра.

А у Юрия Ивановича снова все изменилось, только теперь в лучшую сторону. Можно даже сказать, все наладилось. Ну не удалась жизнь семейная. И что

из того? Слезы теперь что ли лить? Нет, не будет Юрий Иванович лить слезы. Будет он жить жизнью прежней – вольной, холостяцкой. Некоторое время он даже повстречался с женщиной юристом, но как-то у них не заладилось. Капризная она какая-то: то подай, се. Юрий Иванович такого не любит. Он привык, чтобы ему подавали. Так и расстались.

Только постепенно, и сам не заметил как, стал Юрий Иванович скучать. На работе вроде ничего, а домой придет – скучает. И не просто скучает, а какая-то тоска его съедает, будто было в его жизни что-то светлое, ясное, а он его упустил, прошляпил. И телевизор смотреть не хочется, и есть не хочется, и читать не хочется, и в рестораны ходить, а тут еще бессонница замучила, сроду не было, всю жизнь спал Юрий Иванович как младенец, а тут вдруг раз, и лежишь, лежишь ночью часами, смотришь в потолок, думаешь. Для чего жил? Для чего живу? Для чего жить дальше? Нет ответа. И как-то в одну из таких бессонных ночей признался себе Юрий Иванович, что тоскует он не по чему-то неясному, как ему казалось ранее, а по Наташе. Не хватает ему ее голоса, смеха, взгляда, ее ласки. Оказывается, любит он ее все-таки, такую, как есть. Любит и жить без нее не хочет.

И стал Юрий Иванович думу думать, как бы назад Наташу вернуть. Ну, погостила и хватит, пора бы и честь знать. Тут и дом в Поворовке достраивается, скоро новоселье, мебель надо выбирать. Засуетился Юрий Иванович, забегал. И наконец решился. С утра, прямо с порога, что б присутствие духа не растерять, с напряженно-радостной улыбкой и говорит Петру, отдохнул я, поправился, пора дорогой супруге домой возвращаться. И как бы себе в оправдание толкнул пространную речь, из которой следовало, что, оказывается, была у них с Петром договоренность, что пока дом не достроен, Наташа у Петра на даче поживет, а теперь дом достроен, так что прямо

сегодня – он уже все приготовил – Наташу и заберет. Ничего не ответил ему Петр, только посмотрел удивленно, но так, что с этого момента никогда не возникало у Юрия Ивановича желания на эту тему рот открывать. Но в душе почувствовал он, какую страшную обиду ему нанесли, как обманули его, и подло так, воспользовавшись внезапным помутнением рассудка вследствие перенесенной душевной травмы. А Наташа-то, Наташа-то какая подлая. Он ли ее бриллиантами не усыпал, он ли ее за границу не вывозил, он ли ее не баловал, не холил, не лелеял, дорогие туалеты не покупал? Кем она была? Училка дешевая, голь перекатная. А он ее из грязи в князи вывел. Вот тебе, пожалуйста, и благодарность. И ведь к кому ушла? К Петру. Да он же бабник, он же непутевый, да он же бросит ее непременно. И так ей и надо. Заслужила! А тут еще Наташа документы на развод подала и подарки назад вернула, все как один. Сказала, что на имущество претендовать не будет, мол, ничего ей не надо. Ну и дура!

Юрию Ивановичу хоть и обидно, но ссориться с Петром не резон. А бизнес как? Так и повелось у них, что о Наташе больше бывшие друзья не говорили, будто и не было ее на свете. Но как-то Юрий Иванович смелости набрался, спросил, как там Наташа. Хорошо, отвечает Петр, а сам улыбается, скоро персональную выставку ее работ сделаем, хочешь, приходи, посмотришь. Ее ведь заметили, заинтересовались. Говорят, талант. Несколько акварелей даже на выставку в Германию отобрали. А теперь вот – персональная. Знаем мы, талант, усмехается Юрий Иванович. Деньги дал – вот и весь талант. Видел он эту мазню. Ничего стоящего. Он, Юрий Иванович, хоть в живописи ничего не понимает, но уж талант точно бы заметил. А на выставку Петр так приглашает, для отмазки. Думает,

Юрий Иванович не придет. А он придет, обязательно придет.

И пришел. В сторонку отошел, что б Наташа его не заметила, и смотрит, смотрит и дивится, ведь баба в инвалидной коляске сидит, а чему-то радуется. А чему? Еще неизвестно, встанет ли, а хохочет, просто заливается смехом, будто счастливее и нет ее на свете. А Петр рядом стоит, стережет. Не бойся, теперь никуда не убежит. А народу-то сколько на выставке! Ходят, смотрят, восхищаются. Чего только деньги не делают! Постоял Юрий Иванович, погрустил и домой отправился, страдать, виски пить, размышлять. Как же так получается, что он такой славный, а Петр такой, такой... эх, чего об этом думать, голову ломать.

В общем, так и не понял Юрий Иванович, за что женщины Петра любят.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск № 3

**ЛЮБОВЬ?
ОНА РАЗНАЯ...**

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редактор-корректор
Ольга Моисеева

На обложке

*Жанна Эбютерн.
Автопортрет, 1916 г.
Амедео Модильяни.*

Портрет Жанны Эбютерн в синем кресле, 1918 г.

Компьютерный дизайн обложки
Алексей Старобурасовский

Подписано в печать 13.02.2012 г. Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 20,6. Тираж 100 экз.
Заказ № Мо1.0810.003

Московский Салон Литераторов
(МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

Отпечатано в «онтоПринт»

www.ontoprint.ru